

М. ЗАЙДМАНЪ.

Ф. М. ДОСТОЕВСКІЙ

ВЪ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЪ.

ХАРАКТЕРИСТИКА ТВОРЧЕСТВА И ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ
ВЪ ЗАПАДНОЙ КРИТИЧЕСКОЙ И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЪ.

Удостоено истор.-филолог. факульт. Императ. Новорос.
Университета серебряной медали.

Издание второе.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. признана заслуживаю-
щей вниманія при пополненіи ученическихъ, старшаго возраста,
библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

ОДЕССА.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО А. ИВАСЕНКО.
1915.

М. ЗАЙДМАНЪ.

Ф. М. ДОСТОЕВСКІЙ

ВЪ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЪ.

ХАРАКТЕРИСТИКА ТВОРЧЕСТВА И ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ
ВЪ ЗАПАДНОЙ КРИТИЧЕСКОЙ И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЪ.

Удостоено истор.-филолог. факульт. Императ. Новорос.
Университета серебряной медали.

Издание второе.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. признана заслуживаю-
щей вниманія при пополненіи ученическихъ, старшаго возраста,
библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

ОДЕССА.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО А. ИВАСЕНКО.

1915.

Свѣтлой памяти

Феодора Михайловича Достоевскаго.

Къ 30-лѣтію со дня смерти

(28 янв. 1881 г. — 28 янв. 1911).

Предисловіе.

Настоящая книга есть работа, представленная весной 1910 года въ ист. - филологич. факультетъ Новоросс. Универс. на предложенную имъ на соисканіе медали тему: „Ф. М. Достоевскій въ западной литературѣ“. Въ моей работѣ использованы наиболѣе важные иностранные источники, касающіеся даннаго вопроса, а распредѣленіе находившагося въ моемъ распоряженіи матеріала по главамъ поставлено въ связь съ преимущественнымъ вниманіемъ иностранной критики къ той или иной сторонѣ литературной дѣятельности Достоевскаго; такимъ образомъ, порядокъ главъ уже самъ показываетъ, какія черты нашего писателя обратили на себя на Западѣ болѣе вниманіе, въ смыслѣ количественномъ и качественномъ. Отсутствіе въ русской литературѣ о Достоевскомъ изслѣдованія по затронутому мною вопросу и несомнѣнная цѣнность данной темы оправдываютъ, я думаю, появленіе въ свѣтъ настоящей книги. Въ наши дни, когда послѣднія событія въ жизни Л. Н. Толстого нашли себѣ живѣйшій откликъ за-границей, и скорбь русскаго общества по поводу смерти великаго писателя была раздѣлена всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, оцѣнка на Западѣ другого русскаго генія, родственнаго по духу Л. Н. Толстому, пріобрѣтаетъ, надо полагать, для русскаго читателя особый интересъ.

Авторъ.

Введеніе.

Русская литература на Западѣ.

„Если есть на свѣтѣ страна, которая была бы для другихъ, отдаленныхъ или сопредѣльныхъ съ нею странъ болѣе неизвѣстной, неизслѣдованною, болѣе всѣхъ другихъ странъ непонятой и непонятной, то эта страна есть безспорно Россія для западныхъ сосѣдей своихъ..... Для Европы Россія — одна изъ загадокъ сфинкса...“ Такъ характеризуетъ Ѳ. М. Достоевскій въ своемъ „Дневникѣ писателя“ за 1873 г.*) полную неосвѣдомленность Запада въ жизни Россіи и тотъ особый ореоль таинственности и загадочности, которымъ окружена наша страна для западныхъ наблюдателей. Правда, цѣлый рядъ неблагопріятныхъ историческихъ условій намного затормазилъ шествіе Россіи по пути прогресса и удѣлил русскому народу надолго лишь скромную роль ученика въ области общественной жизни, наукъ, искусствъ, военнаго дѣла, и, разумѣется, по этой причинѣ изученіе русской жизни и ея особенностей не могло принести Западу пользы въ практическомъ смыслѣ.

Отъ русскаго народа, находившагося долгое время въ положеніи ученика Западной Европы, нельзя было и ожидать цѣннаго, самостоятельнаго вклада въ сокровищницу европейской культуры; это обстоятельство давало поводъ западнымъ наблюдателямъ относиться нѣсколько свысока къ русской жизни; изученіе ея представляло для нихъ чисто теоретическій интересъ, въ родѣ того, который представляетъ изученіе азіатскихъ народовъ. Интересъ этотъ усугублялся, благодаря тому, что въ русской жизни замѣтны были все-таки

*) „Дн. писат.“ 1873 г. Изд. Маркса т. IX, стр. 5.

глубоко-самобытныя черты, пробивавшіяся наружу сквозь толстый покровъ наноснаго, раздражительнаго, черты, правда, скорѣе смутно чувствуемая Западомъ, чѣмъ ясно сознаваемая. Отдѣльныя попытки изученія русской жизни не давали однако удовлетворительнаго результата, и наивныя представленія о Россіи, отразившіяся уже давно въ запискахъ иностранныхъ путешественниковъ (Герберштейна, Флетчера, и др.), продолжали господствовать въ Запад. Европѣ и въ болѣе позднее время. Долгое время тамъ смотрѣли на Россію, какъ на обширную страну, простирающуюся среди льдовъ и снѣговъ сѣвера и находящуюся почти еще въ полуварварскомъ состояніи. Если таково было знакомство Запад. Европы вообще съ жизнью Россіи, то не лучше, понятно, оно было въ области русскаго языка и литературы. Преподаваніе русскаго языка велось, напримѣръ, профессоромъ Louis Leger въ послѣднія десятилѣтія XIX в. въ школахъ восточныхъ языковъ (*école des langues orientales vivantes*)*), а, по свидѣтельству извѣстнаго французскаго критика Мельхіора-де-Вогюэ, во Франціи долгое время „предоставлялась нѣсколькимъ ориенталистамъ забота изслѣдовать писанія этихъ сарматовъ (т. е. русскихъ). Подозрѣвали, пожалуй, что литература можетъ существовать у нихъ, какъ въ Персіи или въ Аравіи“**). Если принять во вниманіе отмѣченное выше отношеніе Запада къ нашей жизни, то тѣмъ замѣтнѣе и поразительнѣе покажется тотъ необычайный ростъ интереса за-границей къ Россіи, который ознаменовалъ собою конецъ XIX вѣка и вызванъ былъ почти исключительно пышнымъ расцвѣтомъ нашей литературы. По преимуществу во Франціи и Германіи, почти одновременно, словно по мановенію волшебнаго жезла, поднялись оживленные толки въ періодической прессѣ по поводу Россіи и ея быстро выдвинувшейся литературы, и все чаще и чаще стали появляться переводы произведеній русской литературы; въ широкихъ слояхъ читающей публики до необыкновенныхъ размѣровъ возросъ интересъ къ произведеніямъ русскихъ писателей; наконецъ, значительное число изслѣдованій, очерковъ и лекцій, посвященныхъ русской ли-

*) Вѣстникъ Европы 1886 г. Сент. т. V. „Русск. ром.“, Пыпина, примѣч.

**) *Roman russe, par E. M. Vogüé. Paris 1892. Avant-propos. P. XLIII.*

тературѣ, свидѣтельствовало о томъ же внезапномъ поворотѣ въ отношеніяхъ Запада къ русской культурѣ и ея главному проявленію—литературѣ. Мало того, появились даже спеціальныя труды иностранныхъ ученыхъ и критиковъ, посвященные русской литературѣ; они еще больше обратили вниманіе зап.-европ. общества на молодую литературу и ея талантливыхъ представителей; въ ряду этихъ трудовъ занимаютъ почетное мѣсто по глубинѣ изслѣдованія, чисто научному безпристрастію и отсутствію тенденціозности—„Histoire de la littérature en Russie“—Courrière'a, „Le roman russe“—Мельхиора-де-Вогюэ, во Франціи, „Geschichte der russischen Litteratur von ihren Anfängen bis auf die neueste Zeit“—Reinholdt'a, „Literarische Streifzüge durch Russland“—Zabel'я, въ Германіи, и нѣкот. др. Всѣ эти труды даютъ намъ возможность болѣе или менѣе опредѣленно формулировать сужденія иностранцевъ о нашей литературѣ и найти причину возникшаго на Западѣ преклоненія передъ русскими писателями 2-ой половины XIX столѣтія и тѣхъ восторженныхъ похвалъ, которыми они награждаются иностранными критиками. Русской литературѣ суждено было сказать свое новое слово, открыть новые широкіе горизонты, выдвинуть и обработать новые приемы творчества, однимъ словомъ, внести крупный вкладъ въ европейскую литературу. Этотъ новый вкладъ есть русскій реализмъ въ лицѣ такихъ главныхъ представителей его, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Л. Н. Толстой. Русскій реализмъ и на взглядъ западныхъ изслѣдователей представляетъ собой явленіе выдающееся, оригинальное, выросшее на самобытной русской почвѣ и показавшее культурному міру, что русскій народъ не довольствуется одной скромной ролью ученика, не ограничивается однимъ только подражаніемъ и восприниманіемъ чужого, а способенъ самъ стать учителемъ и вызвать подражанія у народовъ болѣе древней культуры. Въ новомъ литературномъ направленіи на русской почвѣ замѣтны были такія большія достоинства, которыя выгодно отличали его отъ реализма зап.-европейскаго (Зола, Бальзакъ и др.) и заставили западныхъ изслѣдователей при сравненіи русскихъ писателей-реалистовъ съ иностранными ставить первыхъ выше. „Русскіе ведутъ дѣло реализма съ новыми аргумен-

тами, съ аргументами лучшими, по моему мнѣнію, чѣмъ подобные же ихъ западныхъ соперниковъ**), говоритъ Вогюэ въ своемъ трудѣ, посвященномъ изученію русскаго романа, этой развившейся въ Россіи литературной формы. Courrière, ища причину быстрого развитія реализма въ русской литературѣ, замѣчаетъ по этому поводу: „Странное дѣло! русская литература, настоящая точка отправленія которой датируется лишь началомъ этого вѣка (т. е. XIX в.), пришла къ реализму такъ же скоро, какъ нѣкоторыя изъ старшихъ ея (литературъ), и гораздо быстрѣ остальныхъ!“***)

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что еще до столповъ русскаго реализма, на Западѣ обратили на себя вниманіе Пушкинъ и Лермонтовъ, не говоря уже о Гоголѣ, въ которомъ видѣли родоначальника той „натуральной“ школы, къ которой принадлежали послѣдующіе корифеи русской литературы.

Великіе поэты нашли на Западѣ своихъ поклонниковъ, проникновенныхъ истолкователей и усердныхъ переводчиковъ (какъ, напр., Лермонтовъ въ лицѣ Боденштедта), но эта извѣстность русскихъ поэтовъ не выходила за предѣлы узкаго круга специалистовъ-ислѣдователей и не проникла въ большую публику. Въ виду малой распространенности русскаго языка за-границей, произведенія нашихъ поэтовъ были доступны публикѣ лишь въ переводахъ, которые неизбѣжно должны были лишиться своей обаятельной прелести стихъ Пушкина или „облитый горечью и злостью“ энергичный стихъ „русскаго Байрона“, что въ значительной степени ослабило впечатлѣніе, производимое данными произведеніями. Это обстоятельство, между прочимъ, послужило однимъ изъ главныхъ мотивовъ, по которому главный распространитель русской литературы на Западѣ и, въ частности, во Франціи, Вогюэ, возбуждвшій интересъ къ рускимъ писателямъ своими многочисленными критическими статьями, долженъ былъ отказать отъ подробнаго разсмотрѣнія творчества Пушкина и Лермонтова, несмотря на свое преклоненіе предъ ихъ та-

*) „Le rom. r.“ Vogüé. Page XIII.

***) Courrière. Histoire de la littérature contemporaine en Russie. Paris 1875. Préface. P. V.

лантомъ. По убѣжденію Вогюэ, „предпріятіе слишкомъ безумное—говорить о произведеніяхъ, изъ которыхъ ничего нельзя показать; это значитъ—желать схватить облака, которыя проходятъ въ другомъ небѣ. Русскіе поэты не переведены и никогда не будутъ переведены.

Лирическая поэма есть существо, живущее тайной жизнью, которая пребываетъ въ размѣщеніи словъ; нельзя перевести эту жизнь въ иностранное тѣло.“*) Ясно, такимъ образомъ, что своимъ успѣхомъ за-границей русская литература обязана исключительно представителямъ реалистическаго романа. Leger и Brunetière свидѣтельствуютъ о необыкновенномъ успѣхѣ на Западѣ, который выпалъ на долю русскаго романа. „Извѣстно“, пишетъ Leger, „какое вниманіе привлекается уже нѣсколько лѣтъ къ произведеніямъ русской литературы. Сказать по истинѣ, этотъ интересъ почти обратился только на романъ. Пренебрегаютъ поэтами, историками, критиками, драматическими авторами, публицистами. Игнорируютъ предковъ, которые имъ (романистамъ) предшествовали“**). То же самое мы читаемъ у Brunetièr'a : „..... Русскій романъ, о которомъ можно было только сказать, что онъ до сихъ поръ не переходилъ своихъ границъ, совершилъ свое триумфальное вступленіе съ Толстымъ и Достоевскимъ въ европейскую литературу“***). Brunetière удѣляетъ главную роль въ этомъ постепенномъ процессѣ приобщенія русской литературы къ европейской Толстому и Достоевскому; по его мнѣнію, „только благодаря Толстому и Достоевскому славянская душа вошла въ сношеніе съ европейской литературой“****). Помимо реализма, еще другія особенности русскаго романа остановили на немъ вниманіе иностранныхъ изслѣдователей русской литературы. Въ русскомъ романѣ, по ихъ мнѣнію, наиболѣе полно отразилась русская общественная жизнь, новыя идеи, вѣянія, характерныя особенности національнаго духа, и вполне естественно, что западные изслѣдо-

*) „Le rom. r.“, p. XI и XII.

**) „La littérature russe“ Louis Leger. Paris 1892. Avant-propos P. I.

***) Revue des Deux Mondes. 1-er Décembre 1899 г., стр. 652.

****) ibidem.

ватели, задавшіеся цѣлью постигнуть и изучить Россію, отгадать эту „загадку сфинкса“, обратились къ русскому роману, какъ наилучшему средству для достиженія намѣченной цѣли. „Всѣ мнѣнія, стремленія поколѣнія 40-хъ гг. и современнаго поколѣнія вѣрно отразились въ немъ (романѣ)“, замѣчаетъ по этому поводу Courgière*), а Вогюэ въ предисловіи къ своему труду**) объясняетъ, почему онъ старается узнать секретъ Россіи у ея романистовъ. „Философія, исторія, краснорѣчіе церковное и судебное почти отсутствуютъ въ этой молодой литературѣ; то, что находилось бы въ другихъ странахъ подъ этими произвольными ярлыками, входитъ въ Россіи въ обширную область поэзіи и романа“***), при чемъ „романъ заглушилъ первую и все захватилъ въ свои руки съ 40-хъ годовъ“. Разумѣется, изученіе одного реалистическаго романа не можетъ пролить яркій свѣтъ на всю духовную жизнь Россіи во всемъ многообразіи ея проявленій въ литературѣ и не въ состояніи еще раскрыть во всей полнотѣ сущность русскаго національнаго духа, къ чему такъ стремятся западные изслѣдователи русской литературы, потому что такое изученіе будетъ по необходимости одностороннимъ; во всякомъ случаѣ, вышеприведенныя разсужденія иностранныхъ ученыхъ указываютъ намъ, на какія стороны русскаго художественнаго творчества обращены были внимательные взоры Запада, и какое литературное явленіе вызвало тамъ восторженное удивленіе. Послѣ выясненія общихъ причинъ быстраго распространенія и успѣха русской литературы за-границей, обратимся къ болѣе частнымъ причинамъ, связаннымъ съ творчествомъ и личностью одного русскаго писателя изъ славной плеяды представителей реального романа. Къ чертамъ художника-реалиста въ данномъ случаѣ присоединились специфическія особенности таланта, почти не имѣющія себѣ равныхъ въ міровой литературѣ и, такимъ образомъ, наложившія на произведенія этого художника неизгладимый отпечатокъ яркой творческой индивидуальности. Имя этого писателя—*Θеодоръ Михайловичъ*

*) Hist. de la littér. contemp. Préface P. VII—VIII.

**) R. г. Avant-propos, P. XI.

***) Курсивъ повсюду мой.

Достоевскій. „Вотъ приходитъ скиѡ, настоящій скиѡ, который перевернетъ всѣ наши умственные привычки“, такъ начинается Вогюэ свой этюдъ о Достоевскомъ „La religion de la souffrance“. Опредѣляя общій характеръ творчества Достоевскаго, французскій критикъ говоритъ: „Достоевскаго нужно разсматривать, какъ явленіе другого міра, чудовище несовершенное, но могущественное, единственное по оригинальности и силѣ“ (*). Подобный же отзывъ о Достоевскомъ даетъ нѣмецкій ученый Зайчикъ въ своемъ сочиненіи „Die Weltanschauung Dostojewski's und Tolstoj's“: „Достоевскій и Толстой—въ высшей степени оригинальныя явленія въ духовной жизни нашего времени. Не только, какъ писатели, но также какъ люди, какъ индивидуальности, они совершенно своеобразны“ (**). Въ этой „своеобразности“, „оригинальности“ творчества Достоевскаго, несомнѣнно, кроется одна изъ главныхъ причинъ, которая возбудила живѣйшій интересъ за-границей какъ къ самому Достоевскому, такъ и вообще къ русской литературѣ. Для выясненія роли Достоевскаго въ успѣхѣ русской литературы на Западѣ важно свидѣтельство А. Reinholdt'a (***) . По его словамъ, переводъ „Преступленія и наказанія“ на нѣмецкій языкъ, сдѣланный W. Henckel'емъ („Raskolnikow“) при первомъ своемъ появленіи произвелъ необычайное впечатлѣніе на заграничную публику. Всѣ значительные писатели и критики Германіи и Франціи дали выраженіе своему удивленію. *Съ тѣхъ поръ, собственно, датируется та страсть къ переводамъ и чтенію, съ которой иностранцы напали на новѣйшихъ русскихъ беллетристовъ“*.

Возникаетъ, слѣдовательно, вопросъ, какія особенности таланта Достоевскаго произвели столь огромное впечатлѣніе на западныхъ читателей и критиковъ, какія стороны его творчества и личности нашли себѣ оцѣнку въ западной литературѣ, и насколько полно и правильно постигли западно-европейскіе изслѣдователи литературную дѣятельность этого оригинальнаго писателя. Настоящая работа представляетъ собой посильную попытку отвѣтить на указанные выше вопросы.

*) „Le r. r.“ Vogüé—p. 267.

**) „Die Weltanschauung Dostojewski's u. Tolstoj's von R. Saitschik. 1893. S. III.

***) А. Reinholdt. Geschichte der russischen Litteratur von ihren Anfängen bis auf die neueste Zeit. Примѣч.

Г Л А В А I.

Извѣстность Достоевскаго на Западѣ и иностранная литература о немъ.

Прежде чѣмъ перейти къ обзору иностранной критики, посвященной Достоевскому, считаемъ нелишнимъ хотя бы вкратцѣ прослѣдить постепенный ростъ извѣстности Достоевскаго на Западѣ. Какъ рассказываетъ Цабель въ своемъ литературномъ очеркѣ о Достоевскомъ*), съ самаго начала его произведенія не нашли себѣ большого распространенія въ Германіи, и даже „Записки изъ Мертваго дома“, вышедшія въ переводѣ спустя 2 года послѣ выхода въ свѣтъ оригинала (т. е. въ 1864 г.), послѣ продажи 150 экземпляровъ, заставили лейпцигскаго издателя продать остатокъ, въ качествѣ макулатуры. Тѣмъ неожиданнѣе и чудовищнѣе кажется быстрый ростъ интереса къ романамъ Достоевскаго, который былъ вызванъ появленіемъ нѣмецкаго перевода романа „Преступленіе и наказаніе“ („Raskolnikow“—W. Henckel). Необыкновенно сильное впечатлѣніе произвелъ этотъ романъ на нѣмецкихъ читателей, онъ приковалъ взоры западной публики и критиковъ къ творчеству и личности автора и, какъ мы отмѣтили уже выше, вызвалъ необычайный интересъ къ русской литературѣ, раскрывавшей какой-то новый, невѣдомый міръ съ новыми горизонтами, новыми явленіями и красками. Такимъ образомъ, переводъ Генкеля „Raskolnikow“—положилъ начало извѣстности Достоевскаго въ Германіи. Лишь послѣ него обратились съ усиленнымъ вниманіемъ и возбужденнымъ любопытствомъ къ другимъ произведеніямъ того же автора, между прочимъ и къ „Запискамъ изъ Мертваго дома“, которыя въ новомъ переводѣ нашли совершенно иной пріемъ у читающей публики. Во Франціи извѣстность Достоевскаго находилась въ связи съ интересомъ ко всей русской литературѣ, которая пріобрѣтаетъ тамъ ревностныхъ поклонниковъ, какъ, напр., въ лицѣ извѣстнаго критика Melchior-

*) „Russische Litteraturbilder“ von Eug. Zabel. 1899 г., стр. 144.

de-Vogüé, этого популяризатора русской литературы на Западъ. Его многочисленныя статьи, разсѣяныя по различнымъ французскимъ журналамъ, и трудъ „Le roman russe“, доставившій извѣстность самому автору, обратили вниманіе западной публики на русскую литературу, вступившую въ новый, высшій фазисъ своего развитія, дающій ей возможность оказывать вліяніе на старшія европейскія литературы. Лично знавшій Тургенева, Толстого и Достоевскаго, Вогюэ неоднократно останавливался въ своихъ статьяхъ на личности и творчествѣ послѣдняго, и характеристики критика, отличающіяся колоритностью, блестящимъ стилемъ и согрѣтыя любовью къ русской литературѣ, надо полагать, немало содѣйствовали успѣху произведеній Достоевскаго. Ростъ извѣстности Достоевскаго за-границей отразился, разумѣется, и въ иностранной критической литературѣ, посвященной ему. О Достоевскомъ трактуютъ многіе критическіе очерки, которые стали особенно часто появляться въ періодическихъ изданіяхъ Запада послѣ смерти писателя. Въ общихъ трудахъ иностранныхъ изслѣдователей русской литературы удѣляется также значительное вниманіе оцѣнкѣ его литературной дѣятельности. Всѣ эти данныя позволяютъ намъ выяснитъ сужденія иностранныхъ критиковъ о творчествѣ Достоевскаго*). Изъ главныхъ трудовъ нѣмецкихъ ученыхъ по русской литературѣ прійдется тутъ отмѣтить для нашей цѣли „Исторію русской литературы“ Александра Рейнгольда. Этотъ трудъ, отличающійся большими научными достоинствами и самостоятельностью сужденій, вызвалъ весьма лестные отзывы со стороны А. Н. Пыпина и Ор. Миллера. „Нѣмецкой литературѣ“, пишетъ Пыпинъ**), „принадлежитъ самая серьезная работа по исторіи русской литературы, какая только являлась до сихъ поръ внѣ Россіи; это—книга А. Рейнгольда, составленная съ хорошимъ знаніемъ новѣйшей разработки предмета у насъ, съ самостоятельностью сужденій автора о главныхъ дѣятеляхъ нашей литературы“. По мнѣнію Миллера***).

*) Полный списокъ источниковъ настоящ. работы см. въ концѣ.

**) Вѣстн. Европы. 1886 г. Сент. т. V, стр. 304.

***) См. рецензію о трудѣ Ренгольда. Ор. Милл. въ „Новост.“ № 332.

„этотъ трудъ даетъ достаточно подробное и законченное представлѣніе о нашей литературѣ.“ Достоевскаго же, въ частности, Рейнгольдтъ касается мало, стараясь только прослѣдить гуманныя тенденціи въ его произведеніяхъ, поэтому другія стороны творчества Достоевскаго остаются почти совсѣмъ незатронутыми въ его трудѣ. Въ нѣмецкой критической литературѣ обращаютъ на себя вниманіе также работы Цабеля, извѣстнаго поклонника Тургенева и русской литературы: „Russische Litteraturbilder,“ „Streifzüge durch Russland“, въ которыхъ помѣщены довольно подробные очерки о Достоевскомъ. Въ нихъ мы находимъ обстоятельный разборъ содержанія главныхъ произведеній Д-го и краткія свѣдѣнія о жизни писателя, почерпнутыя, очевидно, въ значительной степени изъ біографіи Д-го, написанной Г-жей Н. Гофманъ*). Очеркъ д-ра Порицкаго**), въ значительной своей части составленный по Цабелю, самостоятельнаго значенія не имѣетъ и важенъ только, благодаря своимъ указаніямъ на вліяніе Д-го на нѣмецкихъ писателей. Изъ нѣмецкихъ изслѣдованій, посвященныхъ специально Достоевскому, отмѣтимъ работу извѣстнаго ученаго Зайчика, старавшагося выяснитъ міросозерцаніе Достоевскаго въ 1-й части своей книги „Die Weltanschauung Dostojewski's und Tolstoj's“, и особенно полную біографію Д-го г-жи Нины Гофманъ, которая ради Д-го изучила русскій языкъ и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ жила въ Россіи***). О послѣдней книгѣ мы читаемъ вполнѣ заслуженные ею отзывы у Цабеля и Серваеса. Цабель хвалитъ прилежаніе автора и „серьезную, часто одухотворенную преданность своему предмету“; онъ ставитъ въ заслугу автору использование имъ новаго матеріала, важнаго для освѣщенія опредѣленныхъ моментовъ жизни Достоевскаго, и включеніе въ трудъ плановъ содержанія произведеній писателя****). Такъ же отзывается о работѣ г-и Hoff-

*) Объ этой біографіи рѣчь ниже.

**) „Heine, Dostojewski, Gor'kij“ von D-r I. Poritzky. Leipzig 1902.

***) Объ этомъ см. въ „Die Zukunft“ 12 Mai 1900. „Dostojewskij von Franz Servaes, стр. 256.

****) Zabel. Russ. Litteraturbilder, стр. 124.

mann Franz Servaes*). Во французской литературѣ на первомъ мѣстѣ необходимо поставить упомянутую уже нами книгу Вогюэ „Le roman russe“, содержащую довольно обстоятельный этюдъ о творчествѣ и жизни Д-го подъ заглавіемъ „Réligion de la souffrance“. Эта же книга цѣнна для насъ, благодаря содержащимся въ ней сужденіямъ автора о французскомъ и русскомъ реализмѣ, однимъ изъ главныхъ представителей котораго Вогюэ считаетъ Достоевскаго. Далѣе слѣдуютъ менѣе подробные очерки о Достоевскомъ въ трудѣ по исторіи русской литературы Courgièге'a, появившемся еще до книги Вогюэ, и въ „Русской литературѣ“ К. Валишевскаго. Для нашей задачи очень важно также научное освѣщеніе творчества Достоевскаго, которое мы и находимъ въ трудахъ итальянскихъ ученыхъ Ферри**) и Гарофало***) и медико-психологическомъ изслѣдованіи д-ра Gaston Loygue****). Послѣдній, впрочемъ, рассматриваетъ съ медицинской точки зрѣнія личность Достоевскаго и касается его творчества лишь постольку, поскольку оно способно пролить свѣтъ на душу описателя. Оцѣнки отдѣльныхъ сторонъ творчества Д-го, разборъ главныхъ произведеній его мы находимъ, помимо того, въ разныхъ французскихъ и нѣмецкихъ періодическихъ изданіяхъ. Статьи эти принадлежатъ перу извѣстныхъ критиковъ и писателей Запада, каковы, на примѣръ: Вогюэ, Jean Noncey, Сарсэ, Brunetière, Henckel (переводчикъ „Прест. и наказанія“), Георгъ Брандесъ и др.

Г Л А В А II.

Достоевскій, какъ художникъ-реалистъ, въ оцѣнкѣ иностранной критики.

Мы видѣли выше, во введеніи, что реализму обязана русская литература своимъ успѣхомъ за-границей и своимъ влі-

*) См. на пред. стр. прим. 3.

**) Франц. переводъ: Les criminels dans l'art et la littérature par Enrico Ferri. Traduit de l'italien, par Eugène Laurent. Paris. 1897.

***) Франц. перев.: La criminologie. Par R. Garofalo. Paris. 1890.

****) Th. M. Dostoiewsky. Étude médico-psychologique par le D-r Gaston Loygue.

яніемъ на европейскія литературы; поэтому лучше всего, по нашему мнѣнію, съ самаго начала разсмотрѣть, каковы взгляды западныхъ критиковъ на Достоевскаго, какъ на писателя-реалиста. Какія особеннсти русскаго реализма, вообще, привлекли вниманіе иностранныхъ изслѣдователей и какое мѣсто среди писателей-реалистовъ занимаетъ, по ихъ мнѣнію, Достоевскій? Чтобы познакомиться со взглядами заграничныхъ критиковъ на реализмъ Достоевскаго, намъ прійдется остановиться подробнѣе на сужденіяхъ француз. критика Вогюэ, посвятившаго свой главный трудъ изслѣдованію русскаго реализма въ лицѣ 3-хъ главныхъ его представителей, Тургенева, Достоевскаго и Толстого. Вогюэ во вступленіи къ своему труду изслѣдуетъ развитіе и черты реализма въ разныхъ литературахъ Зап. Европы и отмѣчаетъ существенныя черты русскаго реализма, выдвинувшаго русскую литературу на весьма почетное мѣсто въ ряду ея старшихъ сестеръ. По мнѣнію Вогюэ, въ отношеніи развитія реализма русская литература далеко превзошла французскую литературу и задолго до послѣдней достигла своего апогея. Въ чемъ видитъ извѣстный критикъ *quid propter* прославляемаго имъ русскаго реализма, указываютъ намъ слѣдующія строки изъ введенія къ „*Le roman russe*“*). „Нѣкоторые изъ этихъ русскихъ достигли съ перваго раза горестныхъ мыслей и грубостей выраженія, къ которымъ мы пришли совсѣмъ недавно посредствомъ труда; если это заслуга, то слѣдуетъ возстановить ихъ пріоритетъ въ этомъ. Но другіе писатели освободили реализмъ отъ этихъ излишествъ и, какъ англичане, они сообщили ему высшую красоту, обязанную моральному вдохновенію (*inspiration*): состраданію, очищенному отъ всякаго нечистаго элемента и возвышенному евангельскимъ духомъ“. Русская душа, прошедшая черезъ ступени нигилизма и пессимизма, „въ концѣ концовъ оживаетъ и искупается любовью къ ближнему (*charité*); эта любовь къ ближнему—болѣе или менѣе активная у Тургенева и Толстого,—необузданная у Достоевскаго до того, что становится болѣзненной страстью“. Такимъ образомъ, достоинство русскаго реализма заключается, по мнѣнію Вогюэ,

*) *Rom. russe. Avant-propos XLIV.*

въ томъ, что онъ согрѣтъ любовью къ людямъ, озаренъ свѣтомъ высшей нравственной идеи, и эта особенность ставитъ его, разумѣется, неизмѣримо выше зап.-европейскаго реализма, приближающагося къ сухому фотографированію явленій со всѣми ихъ деталями и подчасъ въ своемъ стремленіи къ жизненной правдѣ близко граничащаго съ порнографіей и воспѣваніемъ грубыхъ инстинктовъ человѣческой природы. Сравненіе со столпами французскаго реализма, Бальзакомъ, Зола и др., приводитъ Вогюэ къ преклоненію предъ русскими писателями—реалистами, умѣющими совмѣстить въ своемъ творчествѣ жизненность и правдивость изображенія съ неистощимой любовью къ человѣку и проповѣдью любви къ ближнему. Въ частности, у Достоевскаго послѣдняя черта рѣзко выражена, принимая форму „болѣзненной страсти“. Другая отличительная особенность русскихъ реалистовъ, на взглядъ Вогюэ, заключается въ ихъ интересѣ къ внутреннему, мистическому смыслу жизненныхъ явленій. „Они размышляютъ“, говоритъ онъ*), „о невидимомъ; за извѣстнымъ, которое они точно описываютъ, они удѣляютъ тайное вниманіе неизвѣстному, которое они подозрѣваютъ. Ихъ персонажи смущаются какой-то универсальной тайной . . .“ Приведенная характеристика русскихъ реалистовъ болѣе всего, кажется, примѣнима къ Достоевскому. Въ специальномъ этюдѣ о Достоевскомъ („La relig. de la souffrance“) въ той же книгѣ („Rom. russe“) Вогюэ снова возвращается къ вопросу о реализмѣ и ближе опредѣляетъ его особенности въ произведеніяхъ разбираемаго имъ писателя. Подвергая критическому анализу „Записки изъ Мертваго дома“ и приведя обширныя выдержки изъ этого произведенія, Вогюэ говоритъ**) по поводу описаній страданій каторжниковъ отъ экзекуцій: „Я не думаю, чтобы возможно было обрисовать страданія болѣе ужасныя, въ болѣе отталкивающей формѣ. Вотъ что можетъ привести въ отчаяніе нашихъ натуралистовъ . . . . А между тѣмъ Достоевскій не изъ ихъ школы. Разницу трудно объяснить, но она чувствуется. Человѣкъ, который посѣтилъ бы

*) R. г. Вогюэ. XLV.

**) *ibidem*, стр. 236.

больницу изъ одного любопытства видѣть рѣдкія раны, былъ бы строго осужденъ; тотъ же, который отправляется туда, чтобы врачевать эти раны, заслуживаетъ интереса и уваженія. Все заключается въ намѣреніи писателя. . . . Его отвратительныя картины облагораживаются, какъ язва подъ рукой сестры милосердія. Все это примѣнимо и къ Достоевскому. Онъ писалъ, чтобы врачевать“. На этомъ примѣрѣ Вогюэ прекрасно выясняетъ разницу между Достоевскимъ и французскими писателями-натуралистами и вѣрно отмѣчаетъ причину подобнаго различія. Другое весьма цѣнное замѣчаніе Вогюэ по поводу характеристическихъ особенностей реализма Д-го проводитъ еще дальше сопоставленіе съ западнымъ реализмомъ. Какъ удачно подмѣтилъ критикъ, реализмъ Д-го, измѣрившій всю глубину человѣческихъ пороковъ, не обошедшій молчаніемъ почти ни одного темнаго явленія, какъ въ остальныхъ сферахъ жизни, такъ и въ области половой жизни, тѣмъ не менѣе не оказываетъ вліянія, возбуждающаго чувственность и низменные инстинкты читателя, какъ это часто бываетъ съ романами французскихъ писателей-натуралистовъ. Эту особенность Д-го Вогюэ, очевидно, относитъ также на счетъ вліянія морализирующей тенденціи автора, сглаживающей и умѣряющей вредныя крайности литературнаго реализма. Обсуждая изображеніе любви у Достоевскаго, Вогюэ говоритъ*): „Любовники, которыхъ онъ намъ представляетъ, не сотканы изъ плоти и крови, а изъ нервовъ и слезъ. Отсюда одна изъ почти необъяснимыхъ чертъ его искусства; этотъ реалистъ, который не скупится на положенія скабрзныя, рассказы самые грубые, никогда не вызываетъ возмущающей картины, но единственно грустныя мысли; я сомнѣваюсь, чтобы можно было цитировать изъ всѣхъ его произведеній одну только строку, возбуждающую чувственность, гдѣ бы видна была женщина фигурирующая въ качествѣ соблазнительницы. Онъ (Д-ій) изображаетъ обнаженнаго человѣка только *подъ скальпелемъ хирурга на ложъ страданія*“. Давъ общую характеристику реализма Достоевскаго, Вогюэ приводитъ отдѣльные примѣ-

*) „R. г.“ Vogüé, стр. 251.

ры этого реализма, непревзойденного, по его мнѣнію, ни однимъ писателемъ*): „Никто не пошелъ дальше Достоевскаго въ области реализма: посмотрите на разсказъ Мармеладова въ романѣ „Преступленіе и наказаніе“, портреты каторжниковъ и картину ихъ жизни“. Реалистическіе приемы изображенія у Достоевскаго приводятъ въ такое восхищеніе Вогюэ, что онъ отсылаетъ французскихъ романистовъ, „которые***) затрудняются усиливать приемы реализма, не принося въ жертву ихъ жестокости“ къ отдѣльнымъ мѣстамъ изъ „Преступленія и наказанія“; какъ примѣрамъ, достойнымъ подражанія (разсказъ Мармеладова, обѣдъ послѣ его похоронъ, особенно сцена убійства старухи-процентщицы).

Если въ нѣмецкой критической литературѣ мы не встрѣчаемъ сопоставленій реализма Достоевскаго съ тѣмъ же литературнымъ направленіемъ на западно-европейской почвѣ, то другая особенность реального творчества нашего писателя была вѣрно отмѣчена и французскими и нѣмецкими критиками. Особенность эта—тѣсная, неразрывная связь реализма Д-аго съ психологическимъ анализомъ. Правда, психологическій анализъ есть необходимый элементъ всякаго реалистическаго произведенія, онъ, такъ сказать, имманентенъ реализму, поскольку всякое правдивое изображеніе жизни героевъ, описаніе ихъ поступковъ и отношеній между собой должно покоиться на обрисовкѣ ихъ душевнаго облика, на вскрытіи мотивовъ и скрытыхъ пружинъ ихъ дѣйствій. Казалось бы излишнимъ подчеркиваніе этой особенности творчества Достоевскаго. Нужно однако замѣтить, что въ произведеніяхъ послѣдняго психологія героевъ занимаетъ господствующее положеніе, оттѣсня на задній планъ все остальное, входящее въ сферу реалистическаго изображенія. Поэтому, по справедливому мнѣнію западныхъ критиковъ, только тогда, когда реализмъ Д-аго идетъ рука объ руку съ глубокимъ проникновеніемъ въ тайники человѣческой души, онъ достигаетъ недосыгаемой высоты, и, наоборотъ, лишь только психологическій анализъ въ его произведеніяхъ идетъ

*) R. russe, стр. 267.

**) ibidem, стр. 252.

на убыль, одновременно ослабѣваетъ и сила реализма. Этимъ обстоятельствомъ, быть можетъ, и объясняется въ значительной степени восхваленіе западными критиками реализма романа „Прест. и наказ.“ (какъ, напр., Вогюэ), гдѣ развернулся во всю свою ширь огромный психологическій талантъ Д-аго, и, съ другой стороны, низкая оцѣнка послѣдующихъ произведеній его („Бѣсы“, „Идіотъ“ и др.), гдѣ все кажется неестественнымъ, надуманнымъ, скорѣе плодомъ фантазіи автора, чѣмъ реальнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительной жизни. Понятно поэтому заявленіе Валишевскаго*), что „Достоевскій — реалистъ только въ психологіи“. Объединяя въ одной формулѣ, выражающей сущность реального творчества Д-го, отмѣченныя уже нами выше обѣ черты его реализма: высокій нравственный смыслъ, гуманность, проникающіе собой его романы, и, во 2-хъ, тѣсную связь съ психологическимъ анализомъ, W. Henckel пишетъ**): „Достоевскій никогда не имѣлъ истинной удачи въ простомъ изображеніи дѣйствительности; только тогда оно было для него благодарной темой, когда онъ въ то же время имѣлъ случай обнаружить свое природное гуманное чувство и свой психологическій талантъ“. Нѣмецкіе критики особенно настаиваютъ еще на одной характерной чертѣ реальныхъ романовъ Достоевскаго, на ихъ связи съ русской общественностью, благодаря чему произведенія эти могутъ служить какъ бы лѣтописью извѣстной эпохи русской общественной жизни и весьма цѣнны для иностранцевъ-читателей и изслѣдователей въ смыслѣ ознакомленія ихъ съ Россіей и русскимъ народомъ***). Рейнгольдтъ, дѣлящій литературную дѣятельность Достоевскаго на нѣсколько періодовъ, заявляетъ, что писатель во II-мъ періодѣ „выступилъ на поприще *соціального* реализма, который достигаетъ наилучшаго триумфа въ „Запискахъ изъ Мертваго

*) „Littérature russe“ — Waliszewski. 1900. стр. 356.

***) Das Magazin für die Literatur des In-und Auslandes. Wilhelm Henckel. Fedor Mich. Dost. 1882 г. № 6. S. 78.

****) Французскіе изслѣдователи (какъ Курьеръ, Вогюэ) считаютъ эту черту свойственной всѣмъ русскимъ реальнымъ романамъ и, слѣд., въ томъ числѣ, романамъ Д-аго. (См. выше введеніе).

дома“ и соціальному роману „Прест. и наказ.“*) Обсуждая да-
лѣе романъ „Прест. и наказ.“, Рейнгольдтъ ближе опредѣля-
етъ сущность этого „соціального реализма“. „Главное значе-
ніе реализма Д-аго“, пишетъ онъ, „лежитъ вообще не въ
преимущественной обрисовкѣ болѣзненныхъ процессовъ, ин-
дивидуальныхъ аномалій и моральныхъ уродливостей...“

..... *Главный вѣсь его реализма* лежитъ въ томъ, что
при помощи его ясновидящаго таланта мы вступаемъ въ ла-
бораторію человѣческаго мозга и совершенно близко можемъ
прослѣдить, какъ изъ эмбриона мысли отдѣльнаго индиви-
дуума совершенно мѣханически получается цѣлая ткань идей,
которая становится *соціальной болѣзнью* и все дальше по-
жираетъ вокругъ себя... Однимъ словомъ, Д-ій рѣшаетъ ве-
личайшія задачи *реализма*“. G. Rollard въ своей статьѣ по
поводу „Преступленія и наказанія“(**) въ слѣдующихъ сло-
вахъ выражаетъ свое мнѣніе о соціальномъ значеніи произ-
веденій Д-го въ смыслѣ вѣрнаго отраженія русской обще-
ственной жизни: „Чтобы перенестись въ средину Россіи, на-
учиться понимать и цѣнить русскую мысль и дѣла, внѣ Рос-
сіи можно только по русскимъ писателямъ, какъ Достоевскій;
только они въ состояніи дать незнакомымъ со своеобразной
культурой Россіи понятіе о томъ, какіе мотивы, воззрѣнія и
умонастроенія распространены тамъ“. Мы видѣли, слѣдова-
тельно, въ чемъ заключается, на взглядъ западныхъ крити-
ковъ, цѣнность реализма Достоевскаго. Французскіе изслѣ-
дователи въ творествѣ Достоевскаго нашли то идеалисти-
ческое настроеніе, тотъ нравственный смыслъ и гуманность,
которые могутъ смягчить рѣзкости литературнаго реализма
и значительно облагородить его(***), а нѣмецкіе критики съ осо-
бенной настойчивостью подчеркнули близкую связь реаль-
ныхъ романовъ Д-го съ русской общественной жизнью. Какъ

*) „Geschichte der russ. Litteratur“, стр. 691.

***) Das Magazin für die Litter. des In—und Auslandes, № 21. Den 20
Mai 1882 г., стр. 292.

****) Мы выше привели мнѣніе объ этой чертѣ творчества Д-аго, при-
надлежащее Вогюэ; остальные критики (какъ Noncey, Brunetière) касаются,
большей частью, всего русскаго реализма.

бы то ни было, остается несомненнымъ, что Достоевскій—реалистъ чистѣйшей воды. „Какъ истинный реалистъ“, пишетъ о немъ Arvède Barine*), „онъ насъ не избавляетъ ни отъ чего, даже отъ болтовни глупцовъ и бредней безумныхъ“. Въ одномъ романѣ только Достоевскій, этотъ художникъ—реалистъ par excellence, измѣняетъ основному направленію своего творчества и создаетъ образъ, представляющій плодъ его фантазіи и не находящій себѣ соотвѣтствія въ дѣйствительности. Образъ этотъ—князь Мышкинъ въ „Идіотѣ“. Это отступленіе останавливаетъ на себѣ вниманіе западныхъ изслѣдователей его творчества. Воююэ, напримѣръ, говоритъ по этому поводу, что „никто не пошелъ дальше Достоевскато въ области реализма“, но зато „никто не позволилъ себѣ больше въ области мечты: посмотрите на всѣхъ персонажей, „Идіота.“ (***) „Онъ рисуетъ реальную жизнь правдиво и сурово, но его благочестивыя мечты возносятъ его, и онъ паритъ безпрестанно надъ этимъ реальнымъ міромъ, съ нечеловѣческими усиліями стремясь къ новому евангельскому совершенству.“ При обсужденіи романа „Идіотъ“ Цабель съ недоумѣніемъ ставитъ вопросъ, „какъ Достоевскій пришелъ къ тому, что одинъ разъ измѣнилъ неумолимому реализму своей музы****).“ Среди противоположностей, которыя сталкиваются въ жизни и творествѣ Д-го, Цабель отмѣчаетъ также и то обстоятельство, „что глубокое проникновеніе въ дѣйствительную жизнь не препятствовало Достоевскому въ князѣ Мышкинѣ, героѣ „Идіота“, создать фигуру, которая вся осталась въ области идеализма и абстракціи****). Воююэ называетъ направленіе творчества Достоевскаго „мистическимъ реализмомъ“ и видитъ въ немъ одно изъ проявленій двойственности природы писателя. Надо однако замѣтить, что правильнѣе было бы назвать направленіе Д-аго „идеалистическимъ реализмомъ“ въ смыслѣ реализма, проникнутаго идеалистическимъ настроеніемъ. Послѣдняя особенность реализма не столько свидѣтельствуешь о двойственности природы писателя, сколько под-

*) Revue Bleue. 1884 г. № 26, стр. 801. Dostojevski. Arvède Barine.

**) Цит. соч. Vogüe, стр. 267.

****) „Russische Litteraturbilder“, Zabel, стр. 172.

*****) ibidem, стр. 180.

тверждаетъ неоднократно высказываемое самимъ же Вогюэ мнѣніе о свойствахъ русскаго реализма и Достоевскаго въ частности. Если принять во вниманіе, что послѣдній, по собственному признанію, имѣлъ въ виду въ фигурѣ Мышкина изобразить „положительно прекраснаго человѣка“, то отступленіе Д-аго отъ обычнаго его реализма станетъ понятнымъ. Самому строгому реалисту свойственно подчасъ отрывать отъ земли съ ея безднами страданія и порока и уноситься въ высь своихъ идеальныхъ мечтаній. Тѣмъ болѣе это объяснимо въ творествѣ Д-аго, котораго въ самые главные моменты его погруженія въ дѣйствительную, полную ужасовъ, жизнь не оставлялъ свѣтъ идеала. Образъ князя Мышкина знаменуетъ собой только дальнѣйшее развитіе тѣхъ же неуклонныхъ стремленій Д-аго къ высшей духовной красотѣ, которыя сильно сказываются во всѣхъ его предыдущихъ произведеніяхъ самаго суроваго, безотраднaго реализма.

Г Л А В А Ш.

Гуманизмъ Достоевскаго.

„Честь и слава молодому поэту, муза котораго любить людей на чердакахъ и подвалахъ и говорить о нихъ обитателямъ раззолоченныхъ палатъ: вѣдь, это тоже люди, ваши братья!“ Съ такими глубоко прочувствованными словами обратился Бѣлинскій къ юному Достоевскому, выступившему на литературное поприще со своими „Бѣдными людьми“. Горячей любовью къ забитому судьбой человѣку, высокой чело-вѣчностью проникнуто насквозь первое твореніе юнаго таланта; сразу стало видно, какой богатый источникъ любви таитъ въ своей душѣ молодой поэтъ, обошедшій сильныхъ міра сего и обратившій свой полный безграничной ласки и любви взоръ къ „меньшей братіи“. Постепенно развивался могучій талантъ Достоевскаго, появлялись одно за другимъ его произведенія, а его голосъ въ защиту „униженныхъ и оскорбленныхъ“ побѣдно и неотразимо звучалъ, какъ голосъ пророка; тяжела, беспросвѣтна была жизнь Достоевскаго, все

сильнѣе и сильнѣе наносила ему удары его беспощадная мачеха-судьба, но огонь любви горѣлъ въ его душѣ неугасимымъ пламенемъ, озаряя его тернистый жизненный путь. Неудивительно поэтому, что всѣ почти русскіе изслѣдователи творчества Д-го, несмотря на нѣкоторыя частныя разногласія въ его оцѣнкѣ, сходятся на почвѣ признанія глубоко-гуманнаго настроенія, проникающаго собой и окрашивающаго всѣ творенія Достоевскаго, всѣ слагаютъ диѳирамбы во славу великаго писателя-гуманиста. То же самое мы наблюдаемъ въ западной критикѣ, даже, можно сказать, въ большей степени, чѣмъ въ русской. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что, нѣкоторые изъ выдающихся западныхъ критиковъ считаютъ гуманизмъ Достоевскаго отличительной особенностью его реализма*), возвышающей его надъ западными представителями того-же направленія. Въ настоящей главѣ намъ придется остановиться нѣсколько подробнѣе на этомъ гуманическомъ настроеніи Достоевскаго, въ виду того большого вниманія, которое справедливо удѣляютъ ему иностранные критики. Обозрѣвая литературную дѣятельность Достоевскаго, начиная съ его первыхъ шаговъ на литературной аренѣ, иностранные критики съ особеннымъ сочувствіемъ и востогомъ отмѣчаютъ филантропическое направленіе, заявившее о себѣ уже въ первыхъ разсказахъ писателя. Говоря о произведеніяхъ перваго періода литературной дѣятельности Достоевскаго, до пребыванія его въ Сибири, т. е. о разсказахъ „Бѣдные люди“, „Двойникъ“, „Прохарчинъ“, „Слабое сердце“, „Неточка Незванова“, Reinholdt**) выясняетъ сущность гуманизма автора. „Филантропизмъ въ этихъ разсказахъ“, пишетъ онъ, „заключается въ томъ, что подъ покровомъ порока, озвѣрѣнія..... (авторъ) выискиваетъ и показываетъ божественную искру человѣческой души, показываетъ, что падшій и бѣдный въ большинствѣ случаевъ можетъ быть спасенъ, . . . если будетъ обращено вниманіе на человѣка въ человѣкѣ“. Переводчикъ „Прест. и наказанія“ на нѣмецкій

*] Это обстоятельство побудило насъ помѣстить настоящую главу непосредственно за предыдущей. То же замѣчаніе относится и къ слѣдующей главѣ.

**] „Geschichte der russischen Litteratur“ von Reinholdt, стр. 691.

языкъ, W. Henckel, въ статьѣ своей о Достоевскомъ*) пишетъ слѣдующее по поводу гуманнаго настроенія, проникающаго собой повѣсть „Бѣдные люди“: „Уже въ 1845 г. появившаяся первая новелла его „Бѣдные люди“, которая изображаетъ петербургскую нищету, пробуждаетъ въ читателѣ теплѣйшее сочувствіе къ изображаемымъ имъ лицамъ“. По словамъ критика, Достоевскій стремился въ этой повѣсти воплотить „то внутреннее, человѣческое чувство, которое пылало въ его собственномъ сердцѣ . . .“

Подобные же отзывы мы встрѣчаемъ у французскихъ критиковъ и изслѣдователей русской литературы. Такъ, на примѣръ, у Courrière^a*) мы читаемъ слѣдующее по поводу первой повѣсти Достоевскаго: Достоевскій развился въ школѣ Гоголя; какъ этотъ послѣдній, онъ создалъ улыбку, которая скрываетъ за собой слезы . . . Герои его „Бѣдныхъ людей“ предъ нами изображаются со своими слабостями и со стороны иногда комической, но *раздирающей сердце*.“ Въ этихъ словахъ Courrière хочетъ, очевидно, выразить ту мысль, что въ разбираемой имъ повѣсти за комической обрисовкой забитыхъ людей скрывается любовь автора къ нимъ и искреннее сочувствіе къ ихъ печальной долѣ. На этомъ же основаніи Vogüé^b*) называетъ повѣсть „Бѣдные люди“ „произведеніемъ нѣжности, вышедшей изъ сердца писателя какимъ-то порывомъ“.

Такую же сильно звучащую ноту сочувствія къ бѣднымъ людямъ слышатъ иностранные критики въ „Униженныхъ и оскорбленныхъ“, романѣ 2-го періода литературной дѣятельности Достоевскаго, написанномъ имъ по выходѣ изъ сибирской тюрьмы. Особенно же останавливаются западные изслѣдователи на „Запискахъ изъ Мертваго дома“ съ ихъ гуманной проповѣдью любви и всепрощенія; иностранные критики удивляются, какъ не изсякъ запасъ любви у автора, испытавшаго столь много превратностей судьбы и заключеннаго въ мрачныя стѣны каторжной тюрьмы. Въ

*) Das Magazin für die Literatur des In—und Auslandes. 1882 г. № 6, стр. 77.

**) Courrière. Hist. de la littér. contemp. en Russie. 1875. стр. 256.

***) R. г.—Vogüé, стр. 216.

„Запискахъ изъ Мертваго Дома“, по справедливому мнѣнію иностранныхъ критиковъ, Достоевскій открылъ намъ das ewig Menschliche въ душахъ преступниковъ; съ неподражаемымъ мастерствомъ, покоящимся только на глубокой любви къ человѣку, какъ таковому, показалъ, что не глохнуть окончательно человѣческія черты въ преступникѣ и часто просвѣчиваютъ сквозь внѣшній покровъ суровости и порочности. Подобный отзывъ о христіанскомъ чувствѣ всепрощенія и любви, сквозящемъ въ этой замѣчательной книгѣ, мы читаемъ у Reinholdt(*): „Записки написаны сердечной кровью автора, и мы слышимъ въ нихъ голосъ благороднаго человѣка, истиннаго христіанина, голосъ судьи, который въ то же время произноситъ слово прощенія и любви... Эта въ высокой степени религіозная тенденція этой великолѣпной книги, которая представляетъ украшеніе всемірной литературы, заключается въ поискахъ автора за скрытой нравственной силой въ человѣкѣ, въ несокрушимой вѣрѣ въ нравственную свободу человѣка и въ живомъ чутьѣ самыхъ слабыхъ слѣдовъ душевной красоты; ибо вотъ то, что авторъ изъ темной шахты „Мертваго дома“ извлекъ на свѣтъ жизни и свободы: онъ имѣлъ только слова прощенія, мира, только братское чувство къ „несчастливымъ“. Точно также Цабель, довольно подробно характеризую отдѣльные типы преступниковъ, выведенные Достоевскимъ, выясняетъ основную тенденцію автора—подмѣчать при анализѣ преступной души такіе уголки ея, куда не проникло еще преступленіе и порокъ. Въ подтвержденіе своей мысли Цабель(**) цитируетъ извѣстныя слова самого Достоевскаго изъ „Записокъ изъ Мертваго дома“: „Всюду есть дурные люди, между злыми же есть также добрые и т. д. . . .“ Отмѣтимъ еще мнѣніе Вогюэ о гуманизмѣ Достоевскаго, отразившемся въ „Зап. изъ М. д.“ Извѣстный критикъ, во всѣхъ своихъ статьяхъ о Достоевскомъ неоднократно останавливающійся на гуманномъ характерѣ его произведеній и его проповѣди жалости и любви, удивляется малой популярности „Записокъ изъ Мертваго

*] Reinholdt, цит. соч.

**] Zabel. Russische Litteraturbilder, стр. 145.

дома“ во Франці*). „О! какъ литературная судьба есть дѣло случая и несправедливости! Имя и творенія Сильвіо Пеллико обошли весь цивилизованный міръ; они сдѣлались классическими во Франціи. И въ той же самой Франціи на этой большой дорогѣ всякой популярности и идей, не знали еще до послѣдняго времени даже заглавія жестокой и прекрасной книги . . . Развѣ слезы русскія менѣе человѣчны, чѣмъ слезы итальянскія?“ Далѣе Вогюэ подчеркиваетъ отношеніе Достоевскаго къ преступникамъ, какъ къ „несчастливымъ“, отношеніе, столь характерное для русскаго народа. „Наблюдатель, пишетъ о Достоевскомъ Вогюэ, одаряетъ широкой *симпатіей* всѣхъ „несчастливыхъ“, которые его окружаютъ; (это терминъ, которымъ русскій народъ неизмѣнно обозначаетъ жертвъ правосудія); писатель охотно пользуется этимъ терминомъ.“ То же чувство кроткой любви автора сказывается и въ произведеніяхъ „Преступленіе и наказаніе“, „Идіотъ“. Отдѣльныя, очень краткія упоминанія о трактуемой нами особенности творчества Д-го въ этихъ романахъ мы встрѣчаемъ у иностранныхъ критиковъ, однако новыя, обнаружившіяся въ нихъ черты творчества Достоевскаго выступаютъ на первый планъ, заслоняютъ собой гуманическую черту автора и поэтому отвлекаютъ отъ отъ нея вниманіе иностранныхъ изслѣдователей. Въ романѣ „Идіотъ“ Цабель отмѣчаетъ желаніе автора, какъ и раньше, вызвать нашъ „интересъ къ бѣднымъ и угнетеннымъ“. Другія произведенія послѣдняго періода дѣятельности Д-го не разбираются, большей частью, въ иностранной критикѣ съ указанной нами стороны. Лишь Reinholdt отмѣчаетъ въ послѣднихъ произведеніяхъ Д-го убыль гуманнаго настроенія подъ вліяніемъ публицистическихъ тенденцій автора. По мнѣнію Reinholdt(a**) „націоналистическая теорія, на службу которой поступилъ Д-ій, все больше выдвигается и превращаетъ прежняго филантропа въ желчнаго публициста, который въ журналистикѣ, какъ и въ романахъ, старается уничтожить такъ называемаго „культурнаго“ человѣка“. „Въ своемъ послѣд-

*) R. г.—Vogüé, стр. 224, 225.

**) Цит. сочин.

немъ, неоконченномъ произведеніи“, продолжаетъ Reinholdt, „Достоевскій, кажется, снова *вступилъ на оставленный путь гуманности*. По крайней мѣрѣ, „Братья Карамазовы“ показываютъ сильную склонность къ этому“. Итакъ, мы видимъ, что изслѣдованія западныхъ критиковъ обнаруживаютъ въ качествѣ доминирующаго настроенія въ произведеніяхъ Достоевскаго—настроеніе гуманное, которое красной нитью проходитъ черезъ всѣ его творенія и лишь на короткое время (по замѣчанію Reinholdt'a) прерывается въ его тенденціозныхъ романахъ „Вѣсы“, „Идіотъ“, гдѣ сильно сказывается публицистическія тенденціи автора и предвзятое намѣреніе развѣнчать интеллигенцію*). Въ общемъ, намѣчая характерныя особенности творчества Достоевскаго, иностранные изслѣдователи русской литературы яркими, полными сочувствія красками рисуютъ нравственную фізіономію писателя, насквозь проникнутаго завѣтами нагорной проповѣди и неустанно проповѣдовавшаго любовь къ людямъ. Достаточно будетъ привести нѣсколько выдержекъ изъ иностранной критики, посвященной Д-му, чтобы показать, какое сильное, прямо-таки чарующее впечатлѣніе произвелъ на западныхъ изслѣдователей этотъ апостоль любви и милосердія. Не говоря уже о томъ видномъ мѣстѣ, которое занимаетъ обсужденіе отмѣченной нами особенности Д-го почти во всѣхъ иностранныхъ очеркахъ объ его творествѣ, нѣкоторыя статьи и очерки почти исключительно трактуютъ о гуманизмѣ нашего писателя. Такъ, на примѣръ, Reinholdt въ своемъ трудѣ по исторіи русской литературы, въ главѣ, посвященной Достоевскому, по преимуществу старается прослѣдить гуманныя тенденціи писателя на протяженіи всей его дѣятельности, обращая менѣе вниманія на другія черты творчества Достоевскаго. W. Henckel въ своей статьѣ о Феодорѣ Михайловичѣ, желая дать краткій обзоръ и характеристику литературной дѣятельности Достоевскаго, также выдвигаетъ на первый планъ гуманизмъ нашего писателя и съ восторгомъ восхваляетъ его. Свой общій отзывъ о Достоевскомъ онъ даетъ въ слѣдую-

*] Послѣднее замѣчаніе для вѣрности нуждается, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ ограниченіяхъ.

щихъ словахъ:*) „Достоевскій стремился постоянно къ идеальнымъ цѣлямъ, и его высшимъ идеаломъ была гуманность. Ей служилъ онъ съ величайшимъ пристрастіемъ; этимъ идеалистически-гуманнымъ чувствомъ проникнуты всѣ его произведенія“. Въ чемъ заключается гуманность Д-аго, Henckel указываетъ дальше: „Онъ училъ находить даже подъ видимымъ озвѣрѣвшимъ, окостенѣвшимъ и безчувственнымъ покровомъ остатокъ „das ewig Menschliche“ и благородства, которое человѣкъ не совсѣмъ теряетъ также и въ глубочайшей безднѣ паденія“. Признавая и другія цѣнныя особенности Достоевскаго, какъ, напримѣръ, его „необычайную способность къ психологическому наблюденію“, Henckel замѣчаетъ: „Все-таки въ его творествѣ главное значеніе мы приписываемъ тому глубокому, внутреннему чувству гуманности, которое едва ли у кого-нибудь изъ его товарищей по призванію сказалось рѣшительнѣе и сильнѣе“**). Не менѣе сочувственную характеристику гуманизма Достоевскаго находимъ мы у Цабеля, который слѣдующимъ образомъ заканчиваетъ свой этюдъ о Достоевскомъ***): „... Мы почти всегда, полные участія, бываемъ тронуты, когда онъ даетъ намъ почувствовать свое теплое, радостно бьющееся за благо человѣчества сердце. Оно могло обливаться кровью при проявленіяхъ жестокости и несправедливости, оно могло положить ему на языкъ слова непреодолимой силы и краснорѣчія, такъ что даже самый холодный умъ вспоминалъ о заповѣдяхъ человѣчности и любви къ ближнему“. Если, вообще говоря, гуманизмъ Достоевскаго правильно отмѣченъ и по достоинству оцѣненъ въ иностранной критикѣ, то тѣмъ не менѣе въ ней совсѣмъ не изслѣдованъ источникъ этой безпредѣльной любви Д-аго къ людямъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже плохо постигнуть ея характеръ. Вогюэ, напримѣръ, считаетъ источникомъ этой любви Д-аго—Евангеліе. Характеризуя творчество 3-хъ корифеевъ русскаго реализма и отмѣчая ихъ общую черту—любовь къ ближнему—(charité), Вогюэ слѣдующимъ образомъ

*) Das Mag. für die Liter. 1882. стр. 77.

***) Ibidem, стр. 78.

****) Russ. Litteraturbilder, стр. 182.

пытается объяснить ее происхождение: „Пробѣгая ихъ наиболѣ странныя книги, угадываютъ въ сосѣдствѣ регулирующую книгу, къ которой тяготѣютъ все остальные; это почтенный томъ, который видно на почетномъ мѣстѣ, въ Императорской Петерб. библиотекѣ, Остромирово Евангеліе изъ Новгорода (1056); среди столь недавнихъ произведеній національной литературы этотъ томъ символизируетъ ихъ источникъ и ихъ духъ“. Правда, вся гуманная проповѣдь Д-аго очень близка къ евангельскимъ завѣтамъ и даже почти тождественна съ ними, однако объяснить гуманизмъ его однимъ лишь вліяніемъ Евангелія—совершенно недостаточно. Гораздо правильнѣе и, слѣдовательно, необходимѣе вникнуть въ идеологію Достоевскаго, его міросозерцаніе, понять тѣ перипетіи душевной борьбы, которую переживалъ онъ, постигнуть особенности его души, и тогда понятенъ будетъ гуманизмъ Достоевскаго, понятно будетъ также, почему такъ близко его сердцу было Евангеліе, эта вѣчная книга любви. Въ западной критикѣ однако мы не замѣчаемъ подобной попытки объясненія гуманизма нашего писателя; отсюда и другіе недостатки въ освѣщеніи этой черты творчества Достоевскаго и затрудненія въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Такъ, Вогюэ замѣчаетъ, что „любовь къ ближнему болѣе или менѣе активная у Тургенева и Толстого, необуздана у Д-аго до того, что стала у него *болѣзненной страстью*“) (sic!). Въ очеркѣ о Достоевскомъ тотъ же критикъ, снова обсуждая то сочувствіе къ людямъ, которое характеризуетъ триумвиратъ русскаго реализма, говоритъ: „... Сочувствіе это у Достоевскаго превратилось въ отчаянную *жалость* (pitié) къ униженнымъ, и его жалость дала ему господство надъ этимъ народомъ, который повѣрилъ въ него...“**) Такимъ образомъ, гуманизмъ Достоевскаго, его любовь къ людямъ превратились подъ перомъ знаменитаго критика въ какую-то болѣзненную сантиментальность, его вниманіе къ угнетеннымъ и забытымъ людямъ—въ слезоточивую жалость. Между

*) Цит. соч. Вогюэ—стр. XLV

**) Ibidem, стр. 203.

тѣмъ, гуманизмъ Достоевскаго носить совершенно иной характеръ, въ немъ есть нѣчто болѣе могучее, чѣмъ сентиментальная жалость, которую видитъ въ немъ Вогюэ. Любовь Достоевскаго къ людямъ и его ревностная защита „бѣдныхъ людей“ покоятся на глубокоосознанной, впитавшейся въ плоть и кровь писателя мысли о высокой моральной цѣнности человѣческой личности безотносительно къ общественному положенію, занимаемому человѣкомъ („Бѣдные люди“), даже независимо отъ его нравственного облика („Записки изъ Мертваго дома“*). Только на такой прочной идейной основѣ гуманность Достоевскаго могла, дѣйствительно, быть несокрушимой силой и неизмѣнно сопровождать его на длинномъ пути его литературной дѣятельности. Далѣе, однимъ лишь непониманіемъ истиннаго характера гуманности Достоевскаго можно объяснить то обстоятельство, что Вогюэ затрудняется понимать „жестокость таланта“ Феодора Михайловича, выразившуюся въ особой, какой-то исключительной страсти къ страданіямъ и ихъ изображенію. Какъ примирить любовь Достоевскаго къ страданіямъ, его страсть къ описанію жестокостей съ его же безграничной гуманностью, христіанской кротостью и добротой—вотъ какой вопросъ, очевидно, остановилъ на себѣ вниманіе Вогюэ. Отвѣтъ, который даетъ критикъ, гласитъ**): „Натура двойственная, съ какой стороны ни посмотрите, Д-ій соединялъ въ себѣ *сердце сестры милосердія съ духомъ великаго инквизитора*“. Такимъ образомъ, Достоевскій представляется Вогюэ какимъ-то двуликимъ Янусомъ. Правда, много есть противорѣчій въ болѣзненной, неуравновѣшенной натурѣ Достоевскаго, тѣмъ не менѣе его особое влеченіе къ страданіямъ и страсть къ изображенію ихъ въ своихъ произведеніяхъ не настолько уже противорѣчатъ гуманности Феодора Михайловича, какъ это полагаетъ Вогюэ. Нужно снова принять во вниманіе, что любовь Достоевскаго къ людямъ не носила характера жалости, чуждающейся вида человѣческихъ страданій; его лю-

* Подробное развитіе этой мысли—у Иванова-Разумника (Ист. русс. общ. мысли, п. II) и въ статьѣ Волжскаго (Религіозно-нравствен. проблема у Достоевскаго, см. Зелинск. Ист.-крит. коммент. къ произв. Ф. М. Достоевскаго, ч. I).

***) Цит. соч. Вогюэ—стр. 268.

бовъ выразилась въ апологii этической цѣнности человѣческой личности и защитѣ ея отъ угнетенiй, а наряду съ такой любовью къ людямъ въ душѣ Достоевскаго могло ужиться влеченiе къ страданiямъ, объясняемое его вѣрой въ ихъ облагораживающее и испытательное значенiе.

Если мы въ западной критикѣ не находимъ анализа столь прославляемаго ей же гуманизма Достоевскаго, что объясняется недостаточнымъ вниманiемъ къ идейной сторонѣ его произведенiй, то остается, однако, несомнѣннымъ одно: одна изъ выдающихся чертъ творчества Достоевскаго по достоинству оцѣнена въ иностранной критической литературѣ, эта черта вызвала преклоненiе западныхъ писателей предъ нашимъ художникомъ-гуманистомъ, занимающимъ почетное мѣсто въ ряду печальниковъ человѣческаго горя.

Г Л А В А IV.

Достоевскiй, какъ психологъ и психопатологъ, подъ судомъ западной критики.

Наряду съ гуманизмомъ Достоевскаго нашла себѣ соотвѣтствующую оцѣнку въ западной литературѣ другая выдающаяся особенность его творчества—тонкость и глубина психологическаго анализа. Выше мы уже имѣли случай привести мнѣнiе Генкеля о тѣсной связи гуманнаго чувства Достоевскаго и психологическаго анализа съ его реализмомъ*). Обращаясь къ другимъ критикамъ, мы можемъ замѣтить то же явленiе: именно тѣ изъ произведенiй Достоевскаго удостоились высокой оцѣнки и вызвали восторгъ иностранныхъ изслѣдователей, въ которыхъ наиболѣе полно выразился могучiй психологическiй талантъ автора. Къ этимъ произведенiямъ относятся: „Бѣдные люди“, „Записки изъ Мертваго дома“ и „Преступленiе и наказанiе“. Уже въ первомъ произведенiи Достоевскаго сразу виденъ его мощный талантъ психолога. Цабель удивляется прекраснымъ психологическимъ наблю-

*) См. стр. 22.

деніямъ автора и его знанію людей, отразившимся въ „Бѣдыхъ людяхъ“. Даже Валишевскій, болѣе строгій, чѣмъ другіе критики, въ своихъ сужденіяхъ о творчествѣ Достоевскаго,—высокаго мнѣнія о психологическомъ талантѣ нашего писателя. Отмѣчая нѣкоторые недостатки повѣсти „Бѣдные люди“, онъ, тѣмъ не менѣе, въ восторгѣ отъ цѣнныхъ психологическихъ наблюденій автора, восклицаетъ: „Детали повѣсти восхитительны. И какія сокровища психологіи у этого 20-лѣтняго писателя!“*) Не меньшій восторгъ вызываетъ въ иностранныхъ критикахъ въ высшей степени цѣнный психологическій элементъ „Записокъ изъ Мертваго дома“, въ которыхъ Достоевскій заявилъ себя геніальнымъ психологомъ-наблюдателемъ и не менѣе геніальнымъ психологомъ-художникомъ. Наблюденія великаго писателя-психолога надъ разношерстной толпой обитателей „Мертваго дома“, его умѣнье глубоко заглянуть въ душу преступника и найти подъ покровомъ жестокости, грубости и безшабашнаго разгула слѣды человѣчности, обрисовка самыхъ разнообразныхъ типовъ каторжниковъ въ нивелирующей обстановкѣ тюрьмы—все это произвело неотразимое впечатлѣніе на западныхъ критиковъ Достоевскаго. Такъ, напримѣръ, Вогюэ называетъ „Записки изъ Мертваго дома“ „несравнимыми психологическими этюдами“**) и объясняетъ далѣе, въ чемъ заключается цѣнность психологическихъ наблюденій автора. „Мало-по-малу“, пишетъ онъ, „мы видимъ, какъ подъ однообразной оболочкой этихъ несчастныхъ (преступниковъ), подъ общей имъ суровой и безмолвной внѣшностью вырисовываются характерныя особенности человѣческихъ созданій, анализированныхъ въ самой глубинѣ ихъ инстинктовъ“. Валишевскій точно также удивляется при разборѣ „Записокъ“ глубокому проникновенію автора въ человѣческую душу***). Весьма значительную роль въ успѣхѣ „Преступленія и наказанія“ за-границей также сыгралъ психологическій элементъ романа,—превосходный анализъ преступной души. По мнѣнію Вогюэ, романъ обо-

*) Litt. russe—Waliszewsky, стр. 325.

**) R. russe—Вогюэ, стр. 226.

***) Цит. соч. Валишевскаго—стр. 339.

значаетъ апогей таланта Достоевскаго и „представляетъ собою самый глубокий этюдъ криминальной психологіи, который былъ написанъ со времени „Макбета“*). Валишевскій, заподозрившій заимствованіе основной идеи романа и замысла автора, тѣмъ не менѣ замѣчаетъ: „Великая заслуга Достоевскаго заключается въ томъ, что онъ намъ ясно показалъ, какъ зародышъ нигилизма, развиваясь въ индивидуальной мысли, способенъ стать соціальной болѣзью. На этой почвѣ психологіи и соціальной патологіи великій романистъ ничѣмъ никому не обязанъ...**) Въ другомъ мѣстѣ тотъ же ученый замѣчаетъ „могущество автора въ анализѣ чувствъ“ своихъ героевъ въ „Преступленіи и наказаніи“***). Courrière также видитъ достоинство романа въ „томъ совершенствѣ, съ которымъ произведенъ психологическій анализъ чувствъ и нравственныхъ страданій Раскольникова****). Подобнаго же взгляда на цѣнность психологическаго элемента романа придерживается Henckel. Онъ говоритъ*****): „Никогда еще не былъ приведенъ читателю психологическій анализъ запятой преступленіемъ души въ такихъ мрачныхъ и трогательныхъ изображеніяхъ. Въ этомъ романѣ Достоевскій является несравнимымъ знатокомъ патологической психологіи, который, такъ сказать, открылъ новый міръ душевныхъ движеній и переживаній. Это изображеніе мученій обремененной виной души,.... и эта удивительная психологическая правдивость, съ которой авторъ изображаетъ ведущую къ раскаянію силу чистой любви, едва ли гдѣ-либо достигли подобнаго совершенства“. Можно было бы привести еще цѣлый рядъ восторженныхъ отзывовъ о рѣдкомъ талантѣ Достоевскаго, какъ психолога, проявившемся больше всего, по мнѣнію западныхъ изслѣдователей, въ трехъ указанныхъ нами произведеніяхъ его, но приведенныхъ выдержекъ, кажется, достаточно, чтобы получить представленіе о господствующихъ въ иностранной критикѣ взглядахъ на эту осо-

*) R. russe, стр. 246.

**) Цит. соч. Валишевскаго, стр. 343.

***) Ibidem, стр. 345.

****) Courrière Hist. de la littér. contemp. en Russie, стр. 328.

*****) Das Magaz. für die Litter., стр. 78.

бенность творчества Достоевскаго. О психологической сторонѣ другихъ его произведеній, помимо перечисленныхъ, мы встрѣчаемъ несравненно меньше отзывовъ; лишь единичные критики выражаютъ на этотъ счетъ свое мнѣніе въ весьма бѣглыхъ замѣчаніяхъ. Такъ, напримѣръ, Courrière отмѣчаетъ въ „Бѣсахъ“ важныя наблюденія автора въ области социаль-ной психологіи, именно анализъ нигилизма, какъ социаль-ной болѣзни*). Валишевскій даетъ слѣдующій свой отзывъ о психологической сторонѣ „Братьевъ Карамазовыхъ“(**): „Съ большимъ богатствомъ *психическихъ мотивовъ*, цѣлой симфоніей, оркестрованной *на всѣхъ струнахъ человѣческой души*, книга представляетъ драгоцѣнную сумму свѣдѣній о моральной, умственной и социальной жизни современной Россіи“. По мнѣнію Генкеля, реалистическія черты изображенія въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, которыя, вообще говоря, не составляютъ сильной стороны романа, рельефно выступаютъ, именно благодаря „душевному ясновидѣнію“ автора(***). Такимъ образомъ, прозорливость геніальнаго психолога не оставляетъ Д-го, по мнѣнію нѣкоторыхъ иностранныхъ критиковъ, и въ послѣднихъ его произведеніяхъ. Если западные изслѣдователи творчества Достоевскаго отводятъ столь почетное мѣсто на сценѣ міровой литературы ему, какъ выдающемуся художнику-психологу, и нѣкоторые критики, какъ, напр., Henckel, считаютъ, что Д-ій по своей „исключительной способности къ психологическимъ наблюденіямъ“(****) не имѣетъ себѣ соперниковъ, то не трудно предвидѣть, какое удивленіе со стороны иностранныхъ критиковъ должны были вызвать наблюденія нашего писателя въ области аномальныхъ душевныхъ явленій, въ изслѣдованіи которой онъ дѣйствительно занимаетъ исключительное мѣсто. Малая компетентность литературныхъ критиковъ въ области психопатологіи не дала имъ возможности подробно оцѣнить эту сторону творчества Достоевскаго, поэтому мы въ иностранныхъ очеркахъ о немъ встрѣчаемъ на этотъ счетъ весьма краткія указанія. Исключеніе въ этомъ отношеніи предста-

*) Цит. соч. Courrière—стр. 328, 329.

***) Цит. соч. Валиш.—стр. 350.

****) См. 5 примѣч. на 36 стр.

*****) Ibidem.

вляеть статья Брандеса*), содержащая сравнительно болѣе подробное обсужденіе отмѣченной черты нашего писателя. Указывая на „душевное ясновидѣніе“, которымъ отличается Достоевскій, Брандесъ добавляетъ: „Сила и обширность этого ясновидѣнія замѣтны въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда здоровое душевное состояніе граничитъ съ безуміемъ.***) Знаменитый критикъ подробнѣе останавливается на главномъ предметѣ психологическихъ изслѣдованій автора и правильно его опредѣляетъ: это—„узкая линія раздѣла между здоровьемъ и болѣзною, справедливостью и несправедливостью****). Брандесъ замѣчаетъ у Достоевскаго одинъ недостатокъ, свойственный, впрочемъ, великимъ психіатрамъ: „привычка имѣть постоянно предъ глазами душевныя аномаліи заставляла его видѣть повсюду болѣзненные явленія“. Въ общемъ, по мнѣнію Брандеса, Достоевскій, какъ психопатологъ, великъ, даже въ большей степени, чѣмъ въ качествѣ аналитика здоровыхъ состояній души. Критикъ неоднократно подчеркиваетъ, что именно „патологическое составляетъ силу Достоевскаго“; „вполнѣ естественно“, говоритъ онъ, „что его три лучшихъ книги изображаютъ преступныя натуры („Братья Карамазовы“, „Записки изъ Мертв. дома“, „Прест. и наказаніе“)*****). Общее свое сужденіе о Достоевскомъ, какъ психопатологѣ, Брандесъ формулируетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Какъ знатокъ болѣзненныхъ состояній души, какъ поэтъ „духовной горячки“, Достоевскій не имѣетъ себѣ равнаго*****). Мы видимъ, такимъ образомъ, какую оцѣнку нашла себѣ одна изъ самыхъ выдающихся чертъ творчества Достоевскаго въ иностранной литературной критикѣ. Болѣе обстоятельному и точному анализу указанная особенность могла, разумѣется, подвергнуться только въ изслѣдованіяхъ ученыхъ-спеціалистовъ, рассматривающихъ наблюденія Достоевскаго въ области психологіи и психопатологіи съ точки зрѣнія ихъ научной цѣнности; объ этихъ изслѣдованіяхъ рѣчь будетъ ниже.

---

*) Deutsche Litterarische Volkshefte, 1889. Berlin. № 3.

**) Ibidem, стр. 21.

***) Ibidem, стр. 21.

****) Ibidem, стр. 22.

*****) Ibidem, стр. 22.

ГЛАВА V.

Предметъ изображенія и характеръ произведеній
Достоевскаго.

Г-жа Hoffmann въ своемъ трудѣ о Достоевскомъ*) при обсужденіи романа „Преступленіе и наказаніе“ сообщаетъ, между прочимъ, объ успѣхѣ этого романа во всѣхъ европейскихъ странахъ и его причинахъ. „Прежде всего“, читаемъ мы у нея, „что подстрекало, такъ это захватывающее, сенсационное въ романѣ..... Когда книга наконецъ попала въ руки эстетическихъ критиковъ, тогда лишь его художественныя достоинства нашли себѣ оцѣнку“. Кажется, что мы недалеко будемъ отъ истины, если распространимъ это замѣчаніе на всѣ вообще произведенія Достоевскаго. То большое вниманіе, которое удѣляютъ этому „сенсационному“ почти всѣ иностранные критики, ихъ собственныя признанія объ огромномъ интересѣ, который вызываетъ оригинальность и исключительность сюжета произведеній Д-го, въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ, относящихся сюда же замѣчаній—все это служитъ подтвержденіемъ нашей мысли. Разсмотримъ теперь, въ чемъ заключается, на взглядъ западныхъ изслѣдователей, то оригинальное и „сенсационное“ въ твореніяхъ Д-го, которое произвело на нихъ неотразимо-сильное впечатлѣніе. Что касается содержанія его произведеній, то, какъ замѣчаютъ иностранные критики, все вниманіе автора сосредоточено на изображеніи человѣка. По замѣчанію Цабеля, „изображеніе людей съ ихъ страстями, какъ онѣ развиваются подъ вліяніемъ городской жизни въ суровой борьбѣ за существованіе, было задачей Достоевскаго“, къ природѣ же и ея красотамъ писатель былъ равнодушенъ**). Эту же особенность творчества Достоевскаго отмѣчаетъ Брандесъ***) и др. критики. Но и въ этой обширной сферѣ изображенія

*) Th. M. Dostojewsky. Eine biographische Studie von N. Hoffmann. Berlin 1899 г. см. стр. 252.

***) Russ. Litteraturbilder—von Zabel, стр. 114.

***) Цит. очеркъ, стр. 22.

человѣка Достоевскій избираетъ, большей частью, циклъ явленій, болѣе или менѣе исключительныхъ, мало знакомыхъ не только широкимъ слоямъ читающей публики, но и художникамъ слова. Дѣйствующія лица въ его произведеніяхъ, какъ характеризуетъ ихъ Брандесъ*),—„больные, грѣшники или святые обоюго пола“, „въ физическомъ и душевномъ отношеніи все это типы бѣдныхъ и несчастныхъ людей, невѣжественныхъ, но добрыхъ сердцемъ, недалекихъ, но съ утонченными чувствами, благородныхъ проститутокъ, нервныхъ, поврежденныхъ умомъ, обыкновенныхъ ясновидцевъ, талантливыхъ эпилептиковъ, восторженныхъ людей, жаждущихъ мученичества и т. п.“ „Всѣ герои романиста“, пишетъ Курьеръ**),—„сумасшедшіе, больные или эпилептики“. D-г Poritzky пишетъ о Достоевскомъ***): „Его сердце было наполнено только образами пьяницъ, сумасшедшихъ, проститутокъ, убійцъ и нищихъ“. Присоединимъ сюда извѣстную любовь Достоевскаго къ изображенію страданій, на которую, разумѣется, обратила вниманіе западная критика, и мы поймемъ, почему иностранные критики видятъ въ Достоевскомъ лѣвца страданій, людской скорби и порока, писателя, изъ всего многообразія явленій жизни отмежевавшего для своихъ произведеній одну область темныхъ сторонъ жизни, болѣзни, бѣдствій и мученій. Вогюэ такъ характеризуетъ творчество Достоевскаго****): „Достоевскій—это путешественникъ, который проѣхалъ всю вселенную и, къ удивленію, описалъ все, что видѣлъ, но который путешествовалъ только ночью. Несравнимый психологъ, лишь только онъ изучаетъ души мрачныя или больныя, искусный драматургъ, но ограниченный сценами ужаса и жалости...“ Яркими красками рисуетъ картину оригинальнаго творчества нашего писателя D-г Poritzky*****). „Есть цвѣтокъ, который только съ восходомъ луны открываетъ свою чашечку и предлагаетъ ее для питья немногимъ ночнымъ бабочкамъ. Онъ избѣгаетъ дня и солнца и робко

*) Ibidem, стр. 4.

**) Цит. соч.—стр. 328.

***) Heine, Dostojewski, Gor'kij von D-г Poritzky—стр. 58.

****) Цит. соч.—стр. 267.

*****) Цит. очеркъ, стр. 53.

прячется отъ тѣхъ пестрыхъ фиגлярровъ, которые не умѣютъ цѣнить рѣдкое и чувствовать красоту. Онъ (этотъ цвѣтокъ) одинокъ и распространяетъ свое благоуханіе далеко надъ всѣми спящими травами, надъ которыми онъ—властитель. Участь этой фіалки раздѣляетъ Достоевскій. Писатель такого рода и такой глубины всегда владѣетъ только маленькимъ, избраннымъ кругомъ, потому что масса схватываетъ только легкое и лежащее на поверхности“. Воспроизведение однихъ только темныхъ и болѣзненныхъ явленій человѣческой жизни сообщаетъ творчеству Достоевскаго мрачный колоритъ, усиливаемый еще другими, болѣе мелкими, особенностями произведеній нашего писателя. Въ западной критикѣ мы имѣемъ точныя указанія на эти особенности. Къ нимъ относится, во—первыхъ, отмѣченная также въ русской критикѣ Михайловскимъ „жестокость таланта“. Объ этой „жестокости“ упоминаетъ Вогюэ, называя ее „сализмомъ“*). Брандесъ также отмѣчаетъ въ Достоевскомъ „его склонность къ изображенію тѣлесныхъ страданій, долгое останавливаніе на жестокостяхъ“ и соглашается, поэтому, съ Тургеневымъ, сравнившимъ Достоевскаго съ маркизомъ де-Садомъ**). Вторая особенность заключается въ томъ, что авторъ надѣлилъ своихъ героевъ своей собственной нервозностью; отсюда ихъ частое лихорадочное состояніе, напряженность и мучительность ихъ постоянной борьбы. Весьма удачно подмѣтилъ это Вогюэ, а за нимъ и Брандесъ. Приведемъ выдержку изъ очерка Вогюэ, въ которой онъ характеризуетъ указанную особенность произведеній Д-аго***). „Когда Д-ій изображаетъ намъ дѣйствующее лицо, оно почти никогда не сидитъ за столомъ, отдавшись какому-либо занятію. „Онъ лежалъ на диванѣ съ закрытыми глазами, но безъ сна... Онъ бродилъ по улицамъ, не зная, гдѣ находится... Онъ былъ недвижимъ, со взглядомъ, упорно устремленнымъ въ какую-нибудь точку пространства“... Всѣхъ посѣщаютъ видѣнія; въ произведеніяхъ Достоевскаго можно найти больше сновъ, чѣмъ во всей нашей классической литературѣ. Почти всегда они (ге-

*) R. г. — стр. 251.

**) Цит. очеркъ, стр. 20.

***) Стр. 257.

рои Д-аго) въ лихорадочномъ состояніи; рѣдко перевернете вы какихъ-нибудь 20 страницъ, не встрѣтивъ выраженія „быть въ лихорадочномъ состояніи“ и т. д. Брандесъ*) приводитъ также эту выдержку изъ очерка Воюэ и прибавляетъ къ тому же, что „діалогъ у него есть родъ инквизиціи, продолжающаяся борьба между людьми, которые стараются вырывать другъ у друга ихъ тайны“. Отсюда то мучительное впечатлѣніе, которое производятъ произведенія Д-аго на читателя. У иностранныхъ критиковъ мы замѣчаемъ, помимо того, стремленіе выяснить характеръ твореній Достоевскаго, ихъ колоритъ, обусловливаемый отмѣченными выше особенностями его творчества. „Достоевскій“, говоритъ Воюэ,**) „написалъ только книги двухъ родовъ, книги *печальныя* и книги *ужасныя*“. Въ другомъ мѣстѣ***) тотъ же критикъ, чтобы рельефнѣе выставить основной характеръ творчества Достоевскаго, проводитъ параллель между представителями русскаго реального романа и извѣстными французскими живописцами, въ виду большой связи, существующей, по его мнѣнію, между всѣми родами искусства. „Тургеневъ владѣетъ граціей и поэзіей Коро; Толстой—простой величавостью Руссо; Достоевскій—*трагической суровостью* Милле“. „Трагическая суровость“—въ этихъ двухъ словахъ Воюэ очень удачно и мѣтко выражаетъ характеръ творчества Д-аго, объединяя въ одной формулѣ свойства „печальныхъ и ужасныхъ книгъ“ писателя. О „*трагической* фیزیономіи Д-аго, рѣзко выдѣляющей его изъ среды остальныхъ писателей“ Воюэ упоминаетъ и въ другомъ мѣстѣ****) своего этюда. Такой же отзывъ о характерѣ произведеній Достоевскаго даетъ Геннекенъ*****). „Чувствами, прежде всего возбуждаемыми въ насъ чтеніемъ романовъ Достоевскаго: „Униженные и оскорбленные“ и „Преступленіе и наказаніе“, являются удивленіе и *страхъ*“. Это впечатлѣніе ужаса, которое испытываетъ чи-

*) Цит. статья, стр. 22, 23.

**) R. г. Vogüé, стр. 267.

***) Ibidem, стр. 204.

****) R. russe. Vogüé, конецъ 1-ой гл. въ „Rélig. de la souffrance“.

*****) П. Бракенгеймеръ. О. Достоевскій. Перев. съ Etudes de critique Геннекена: „Ecrivains francisés“, стр. 6.

татель при чтеніи романовъ Д-аго, Геннекенъ далѣе объясняетъ тѣмъ, что самъ „Достоевскій не можетъ, повидимому, избавиться отъ чувства ужаса и состраданія“. Геннекенъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ изъ произведеній Д-аго, гдѣ обнаруживаются эти чувства ужаса и состраданія; на указанной особенности творчества писателя критикъ основываетъ рядъ своихъ совершенно бездоказательныхъ и невѣрныхъ сужденій о недостаткахъ воспроизведенія дѣйствительности у Д-аго, объ „огромномъ у него несоотвѣтствіи между чувствительностью и разсудкомъ“*); эти мнѣнія критика свидѣтельствуютъ о слишкомъ поверхностномъ изученіи имъ произведеній нашего писателя, хотя его замѣчаніе о характерѣ ихъ вполнѣ правильно. Кругъ явленій, служащихъ предметомъ изображенія въ произведеніяхъ Достоевскаго, сгущенность мрачныхъ красокъ въ описаніяхъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ жизни, постоянныя страданія героевъ, ихъ напряженная борьба, нервность, лихорадочность, наконецъ, „трагическая суровость“ твореній Достоевскаго, находящаяся въ связи съ чувствами и трагическимъ обликомъ автора—вотъ тѣ правильно отмѣченныя въ иностранной критикѣ характерныя черты творчества нашего писателя, которыя сообщаютъ ему мрачный колоритъ и производятъ на читателя томительное впечатлѣніе ужаса, удивленія, грусти. Иностранные критики не жалѣютъ красокъ, чтобы изобразить тяжелое впечатлѣніе, производимое на читателя романами Достоевскаго. Courrière предпосылаетъ своему разбору „Преступленія и наказанія“ слѣдующую характеристику романа**): „Представьте себѣ, что подъ властью галлюцинаціи внѣшній міръ вамъ представится въ изуродованныхъ, отвратительныхъ формахъ. Въ глубинѣ этой фантазмагорической картины, которую вы разсматриваете какъ бы черезъ волшебный фонарь, выдѣляются узкія, грязныя, извилистыя улицы, бѣдные дома, старые и просачивающіе сырость. Изъ всего этого выдѣляется нездоровый, тяжелый воздухъ и зловонные запахи, которые выходятъ только изъ

*) Ibidem, стр. 34 et passim.

***) Courrière. Цит. соч., стр. 321.

мѣсть, посѣщаемыхъ бѣдностью, распутствомъ, преступленіемъ. Изъ всѣхъ угловъ, изъ всѣхъ темныхъ закоулковъ, вы видите, выступаютъ чахнуція, болѣзненные или мрачныя фигуры. . . . . Вы слѣдите минуту за минутой за работой всѣхъ этихъ вырожденцевъ, за страннымъ танцемъ всѣхъ этихъ фантазмагорій. Затѣмъ вы отступаете въ *испугъ* . . . . . Съ первой страницы вы чувствуете, что увлечены невидимой силой въ новый, фантастическій міръ. . . . . Чѣмъ больше подвигаетесь впередъ, тѣмъ больше давитъ васъ этотъ *кошмаръ*. Вы читаете, читаете, задыхаясь, растерявшись, не будучи въ состояніи ни анализировать, ни размышлять, настолько этотъ чудовищный, экстравагантный міръ васъ захватываетъ . . . Таково впечатлѣніе, которое васъ охватываетъ, когда вы читаете въ первый разъ романъ Д-го „Преступленіе и наказаніе“. Въ такихъ же чертахъ рисуется мучительное впечатлѣніе отъ чтенія этого романа Вогиюэ. Превознося достоинства романа, Вогиюэ принужденъ однако добавить: „Но я боюсь, что многіе не въ состояніи будутъ окончить чтеніе этого романа. Это не удовольствіе, а добровольно налагаемая на себя болѣзнь, которая должна оставить послѣ себя нравственный слѣдъ. Словомъ,—чтеніе невозможное для женщинъ и людей слишкомъ впечатлительныхъ!*)“. Французскій критикъ подробно останавливается на поразившей его особенности самаго мрачнаго изъ романовъ Достоевскаго („Пр. и наказ.“) и слѣдующимъ образомъ характеризуетъ положеніе читателя: „Вся книга есть дуэль между писателемъ, который хочетъ намъ навязать истину, выдумку или ужасъ, и читателемъ, который защищается своимъ равнодушіемъ или своимъ разсудкомъ; въ настоящемъ случаѣ *ужасъ*, который наводитъ писатель, немного превосходитъ нервную сопротивляемость средней организаціи; эта послѣдняя сейчасъ же бываетъ побѣждена.....“ Таково, пословамъ Вогиюэ, дѣйствіе романа не только на русскихъ читателей, что можно было бы объяснить чувствительностью славянскаго темперамента, но, по наблюденію критика, и на французскихъ читателей. Сравненіе Достоевскаго съ другими „классиками

*) R. г. Vogüé—стр. 246.

тревожнаго жанра“ Гофманомъ, Эдгаромъ Поэ и Бодлеромъ приводитъ Вогюэ къ заключенію, что они по сравненію съ съ Д-имъ только „мистификаторы“; „въ ихъ вымыслахъ можно угадать игру литератора“, въ то время какъ всѣ ужасы романовъ Достоевскаго выходятъ изъ самыхъ нѣдръ души самого автора, и „въ „Преступленіи и наказаніи“ чувствуется, что самъ авторъ такъ же утрашенъ, какъ и мы, тѣмъ лицомъ (Раскольниковымъ), которое онъ извлекъ изъ самого себя“. Мрачность колорита отмѣчаетъ Вогюэ и въ „Запискахъ изъ Мертваго дома“. „Когда вы начинаете читать произведеніе Д-аго“, пишетъ онъ, „васъ съ первыхъ же словъ поражаетъ какая-то душу раздирающая нота. Вы невольно задаетесь вопросомъ, какимъ образомъ удастся писателю справиться со своей постоянной манерой повышать безъ того уже *мрачный* тонъ и прогрессивно увеличивать впечатлѣніе *грусти и ужаса*“. Подобная характеристика распространяется, вообще говоря, на все творчество Достоевскаго. Поэтому Вогюэ, который въ частности характеризуетъ „Преступл. и наказаніе“, „Записки изъ Мертваго дома“ и нѣкоторыя другія произведенія Достоевскаго со стороны ихъ дѣйствія на читателя, уже въ началѣ своего очерка предупреждаетъ о мрачномъ творествѣ разбираемаго имъ писателя. Взвѣсивъ на себя, подобно дантовскому Виргилію, роль проводника по аду, французскій критикъ со слѣдующими словами обращается къ своему читателю, желающему подъ его руководствомъ познакомиться съ новымъ міромъ, который открывается въ твореніяхъ Достоевскаго: „Приступая къ разбору произведеній Э. М. Достоевскаго, я вынужденъ сдѣлать оговорку. Читателя, пожелавшаго слѣдовать за мной, я приглашаю на очень *печальную* и *мрачную* прогулку. Пусть всѣ тѣ, которые боятся посѣщать больницы, залы суда, тюрьмы, которыхъ пугаетъ видъ кладбища ночью, заранѣе откажутся читать этотъ очеркъ. Оживить дорогу, которую сама судьба и характеръ челоуѣка, слѣдовавшаго по ней, сдѣлала безпросвѣтно *мрачной*, я не въ правѣ: я былъ бы не точенъ“. Подробно останавливается на характерѣ содержанія произведеній Достоевскаго Геннекенъ, который мрачными красками рисуется міръ явленій, воспроизводимыхъ

въ твореніяхъ нашего писателя, и ту удушливо-тяжелую атмосферу, которую создаютъ они для читателя. Весь почти очеркъ его о Достоевскомъ*) полонъ указаній на всѣ „ужасы“ въ содержаніи произведеній Θεодора Михайловича. Цитируемъ одну изъ характеристикъ, помѣщенныхъ въ очеркъ Геннекена, съ небольшими сокращеніями***). „Призракъ самой сѣрой дѣйствительности является здѣсь безжалостно яснымъ....., но къ этой ясности примѣшивается чувство чего-то таинственнаго, призрачнаго, какой-то галлюцинаціи, отъ удивительнаго смѣшенія которыхъ получается въ результатѣ *тяжелый ужасъ*, какъ бы буквально отъ дурного сновидѣнія. Соченія Достоевскаго будятъ всѣ тревожные элементы въ предметахъ и въ душѣ. Обнаженная нищета чердаковъ, грязные дома, гдѣ въ темнотѣ зловонной лѣстницы, хлопаютъ открытыя двери, внезапныя вторженія неизвѣстныхъ личностей чрезъ зіяющіе пороги, свѣтлая кофейня, гдѣ, при свѣтѣ газа и въ опьяняющихъ парахъ алкоголя, развиваются болѣзни маніаковъ, темныя гостиницы..... отрывистый кашель чахоточныхъ . . . .,—вотъ зрѣлища и звуки, смутно *ужасающій* характеръ которыхъ наполняетъ страхомъ мѣста и болѣе безопасныя, какъ-то: улицы, частныя квартиры, конторы..... Такого рода зрѣлища, къ тому же затемненныя безсвязностью и тяжелыми прерывающими ихъ мечтаніями, составляютъ содержаніе этихъ странныхъ томовъ“. Что касается другихъ иностранныхъ критиковъ, то всѣ они въ большей или меньшей степени подчеркиваютъ мрачный, наводящій ужасъ на читателя характеръ творчества Достоевскаго, тяжелое впечатлѣніе, получаемое отъ чтенія его произведеній, и еще въ большей мѣрѣ отмѣчаютъ свойство писателя терзать нервы читателя (по преимуществу, описаніемъ физическихъ и душевныхъ страданій героевъ), что превращаетъ чтеніе романовъ Достоевскаго въ одну сплошную муку. Весьма характеренъ въ этомъ отношеніи отзывъ Цабеля****), кото-

*) П. Бракенгеймеръ. О Достоевскій. Перев. съ Etudes de critique Геннекена: „Ecrivains francicés“.

**) Ibidem, стр. 6.

****) Zabel. Russische Litteraturbilder, стр. 180.

рый заимствуетъ у него D-г Порицкій*). „Мы не знаемъ“, говоритъ Цабель, „ни одного другого автора, который бы такъ мучилъ своихъ читателей, какъ Достоевскій. У него вдыхаютъ такой сильный жаръ, какъ въ слишкомъ натопленныхъ мѣстахъ, и испытываютъ бремя, которое уничтожаетъ всякую радость жизни“. Цѣлый рядъ другихъ иностранныхъ критиковъ высказываетъ свои мнѣнія по поводу дѣйствія произведений Достоевскаго на читателя и производимаго ими впечатлѣнія**); тождественность ихъ отзывовъ съ приведенными нами выше избавляетъ насъ, такимъ образомъ, отъ необходимости ихъ цитировать. Разсмотрѣніе отзывовъ западныхъ изслѣдователей по поводу характера творчества Достоевскаго и вліянія его произведений на читателя приводитъ насъ къ заключенію, что указанная особенность творчества Феодора Михайловича сильно приковали вниманіе Запада къ этому оригинальному таланту и, нужно полагать, немало способствовали его извѣстности за-границей. Если мрачный характеръ твореній Достоевскаго и мучительное впечатлѣніе, получаемое отъ ихъ чтенія, неоднократно отмѣчаются въ русской критикѣ, то въ иностранной литературѣ указанная особенность Достоевскаго подчеркивается, какъ видно, съ гораздо большей настойчивостью; еще сильнѣе, очевидно, она поразила иностранныхъ изслѣдователей, нежели русскихъ. Впрочемъ, нужно тутъ замѣтить, что, если сужденія заграничныхъ критиковъ о трактуемой особенности Д-го въ осовныхъ чертахъ своихъ вѣрны, то они не чужды все-таки нѣкоторой односторонности. Ужъ слишкомъ мрачнымъ рисуется міръ твореній Достоевскаго его иностраннымъ изслѣдователямъ. По крайней мѣрѣ, большинство изъ нихъ (какъ Геннекенъ, Вогюэ, Цабель и др.) не замѣчаетъ ни одного „свѣтлаго луча въ темномъ царствѣ“ Д-го, способнаго значительно сгладить рѣзкость и тягостность впечатлѣнія. Между тѣмъ, въ творествѣ нашего писателя есть особенность, играющая роль этого свѣтлаго луча. Особенность эта—вѣра Достоевскаго въ природное благород-

*) Poritzky. Heine, Dostoewski, Gor'kij, стр. 56.

***) Jean Honcey, Сарсэ и др. въ журн. статьяхъ.

ство человѣческой природы, непоколебимая убѣжденность его въ существованіи во всякомъ, даже преступномъ человѣкѣ неизгладимыхъ слѣдовъ душевной красоты. Если Достоевскій не находитъ свѣтлыхъ сторонъ во внѣшней жизни своихъ героевъ и постоянно указываетъ на человѣческія бѣдствія и слезы, „которыми пропитана земля отъ коры до центра“, то онъ зато находитъ эти свѣтлыя стороны во внутренней, душевной жизни героевъ, сообразно со всѣмъ „психологическимъ“ направлениемъ своего творчества. Эта черта Достоевскаго покоится, разумѣется, на его гуманизмѣ, горячей любви къ людямъ. Удивительнымъ, поэтому, кажется то обстоятельство, что Вогюэ, такъ удачно отмѣтившій роль гуманности Достоевскаго въ литературномъ реализмѣ, совершенно, какъ будто, проглядѣлъ ея значеніе въ собственныхъ произведеніяхъ писателя, какъ фактора, смягчающаго „суровость“ его творчества. Если Достоевскій, по словамъ Вогюэ, „совершилъ свое путешествіе по Россіи ночью“, то необходимо все-таки добавить, что онъ озарилъ эту ночь свѣтомъ своей искренней любви къ людямъ и оптимистической вѣры въ ихъ природное благородство.

• Г Л А В А VI.

Художественный анализъ произведеній Достоевскаго въ западной литературѣ.

Оригинальность творчества Достоевскаго привлекла къ нему внимательные взоры Запада, и, когда первое сильное впечатлѣніе отъ его романовъ нѣсколько улеглось, западнымъ критикамъ осталось подвергнуть детальному анализу его творенія, огромныя достоинства которыхъ бросались въ глаза уже съ самаго начала. Въ настоящей главѣ мы переходимъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, какъ и насколько правильно оцѣнено художественное дарованіе Достоевскаго, какія особенности его литературнаго таланта подмѣтили западные изслѣдователи его творчества. Вообще говоря, въ оцѣнкѣ

художественной стороны произведений Достоевскаго лежитъ центръ тяжести западной критики, на нее обращено преимущественное вниманіе, такъ какъ западные изслѣдователи склонны, очевидно, считать наиболѣе важной въ литературномъ произведеніи ея эстетическую сторону, собственно-литературную и на задній планъ отодвигаютъ его идейное и моральное значеніе. Дѣйствительно, мы ниже увидимъ, какъ обстоятеленъ разборъ произведений Д-го съ указанной точки зрѣнія, и, поэтому, обсужденіе другихъ сторонъ его творчества въ иностранной критикѣ не можетъ идти въ сравненіе съ чисто литературнымъ разборомъ; подъ скальпелемъ художественнаго анализа, производимаго западными изслѣдователями, обнаруживаются весьма интересныя особенности художественнаго дарованія Достоевскаго и раскрываются любопытныя приемы его творчества. Въ сужденіяхъ о собственно-литературныхъ достоинствахъ и недостаткахъ произведеній Д-го, о размѣрахъ и характерныхъ чертахъ его художественнаго таланта надо видѣть одну изъ самыхъ важныхъ и цѣнныхъ сторонъ иностранной критики, посвященной дѣятельности нашего писателя. Жаль только, что эта эстетическая оцѣнка Достоевскаго настолько поглощаетъ вниманіе западныхъ изслѣдователей, что заслоняетъ собой другія, не менѣе важныя стороны многограннаго творчества Θεодора Михайловича. Притомъ, художественной оцѣнкѣ и весьма обстоятельной подверглись только крупныя романы Достоевскаго, его главныя произведенія, остальные же у нѣкоторыхъ критиковъ обсуждаются лишь въ весьма краткихъ чертахъ, а у другихъ даже не упоминаются. Среди иностранныхъ статей, наиболѣе цѣнныхъ въ смыслѣ полнаго художественнаго анализа твореній Достоевскаго, приходится поставить на первомъ мѣстѣ очеркъ Вогюэ (въ „Roman russe“), обнаружившаго въ немъ отличающія этого критика необыкновенную проницательность, тонкое художественное чутье и эстетическое пониманіе. Затѣмъ необходимо выдѣлить важныя въ разбираемомъ нами отношеніи статьи Брандеса, Цабеля и нѣк. др. критиковъ. Постепенное развитіе художественнаго таланта рисуется всѣми почти иностранными изслѣдователями въ одинаковыхъ чертахъ. Начиная съ „Бѣдныхъ людей“, талантъ Достоевскаго

постоянно росъ, достигши кульминаціоннаго пункта въ „Преступленіи и наказаніи“, этомъ общепризнанномъ шедевръ Достоевскаго, послѣ котораго художественный талантъ, отданный Достоевскимъ на служеніе публицистическимъ задачамъ и его мистической философіи, быстро пошелъ на убыль вплоть до полного паденія въ послѣднихъ его произведеніяхъ. По общему почти мнѣнію иностранныхъ изслѣдователей, сравненіе послѣднихъ твореній Достоевскаго съ первыми его сочиненіями оставляетъ впечатлѣніе, будто бы они не принадлежали перу одного и того же автора, до того рѣзка и поразительна обнаруживающаяся - между ними разница въ художественномъ отношеніи. По мнѣнію Вогюэ, романъ „Преступленіе и наказаніе“ „обозначаетъ апогей таланта Достоевскаго*“, „послѣ этой книги талантъ пересталъ подыматься. Онъ дѣлаетъ еще нѣсколько большихъ взмаховъ крыльями, но вращаясь во мгlistомъ кругѣ, во все болѣе сумрачномъ небѣ, какъ огромная летучая мышь сумерками**). Цабель, отмѣчая апогей литературнаго таланта Достоевскаго въ „Зап. изъ Мертваго дома“ и „Преступленіи и наказаніи“, пишетъ относительно послѣдняго періода его литературной дѣятельности: „Нельзя было бы повѣрить, что большой талантъ могъ такъ скоро опуститься, если бы не были на лицо доказательства этого внезапнаго паденія: въ 1868 г. появился „Идіотъ“, 1873 г.—„Бѣсы“, 1874—„Подростокъ“, 1879 до 1884 г.—„Братья Карамазовы“. Ни одна изъ этихъ книгъ не производитъ удовлетворительнаго впечатлѣнія, такъ какъ мысли и мотивы, которые въ нихъ были накоплены, извлечены насильно изъ фантазіи автора, и ихъ языкъ почти совершенно лишился пластической силы“***). Цабель даже больше другихъ западныхъ критиковъ подчеркиваетъ это паденіе художественнаго таланта Достоевскаго въ послѣднихъ твореніяхъ его и указываетъ также на необыкновенную измѣнчивость его. „Невозможно“, пишетъ

---

*) R. г.—стр. 246.

***) Ibidem, стр. 255.

****) Zabel. Russ. Litteraturbilder, стр. 171.

онъ*), въ „произведеніяхъ этого писателя указать какое-либо ясное, законѣрное развитіе. Какъ его житейское судно безъ руля принимало то одно, то другое направленіе, такъ и его творчество въ своей безпрестанной измѣнчивости было охвачено то паденіемъ, то воспареніемъ, и именно въ такой степени, что рядомъ съ мастерскимъ произведеніемъ перваго ранга стоитъ едва достойная вниманія, часто совершенно неудачная работа. Никогда писатель не былъ такъ мало господиномъ своего таланта. Можно было бы прийти къ мысли, что надъ его произведеніями работали 2 совершенно различныхъ человѣка, геній повѣствовательнаго искусства и обыкновенный писака“. Насколько правильны подобныя сужденія о талантѣ Достоевскаго, рѣчь будетъ ниже; теперь же перейдемъ къ разсмотрѣнію оцѣнокъ отдѣльныхъ произведеній Д-аго съ художественной стороны, принадлежащихъ перу западныхъ критиковъ. Каковы сужденія иностранныхъ изслѣдователей о художественныхъ достоинствахъ „Бѣдныхъ людей“? Вогюэ, оправдывая извѣстный восторженный отзывъ Бѣлинскаго по поводу „Бѣдныхъ людей“, подвергаетъ довольно подробному художественному анализу повѣсть и выведенныхъ въ ней лицъ. Извѣстный критикъ приходитъ къ заключенію о высокихъ художественныхъ достоинствахъ „Бѣдныхъ людей“, проявляющихся въ обрисовкѣ персонажей, самой структурѣ повѣсти и нѣкоторыхъ особенностяхъ литературной манеры Достоевскаго. Вогюэ съ восторгомъ указываетъ, что „характеръ женщины (Варвары) проведенъ съ изумительнымъ искусствомъ**). Несмотря на нѣкоторыя длинноты, встрѣчающіяся въ первой книгѣ Д-аго, Вогюэ восторгается нѣкоторыми картинами изъ „Бѣдныхъ людей“, „схваченными съ полной реальностью“; въ качествѣ образца онъ приводитъ, съ цѣлью ознакомленія читателя, рассказъ Варвары о смерти студента Покровскаго, ея сосѣда по дому, и отчаяніи его отца. Несмотря на свое желаніе цитировать и другіе отрывки изъ той же повѣсти, критикъ принужденъ отказаться отъ подобной затѣи, въ виду осо-

*) Ibidem, стр. 152.

**) R. г.—Вогюэ, стр. 211.

бенности архитектоники „Бѣдныхъ людей“. „Структура произведенія“, пишетъ онъ*), „такъ прочна, матеріалы такъ просты и такъ хорошо принесены въ жертву общему впечатлѣнію, что одинъ вырванный отрывокъ теряетъ всю цѣнность; онъ означаетъ только не болѣе, чѣмъ камень, вырванный изъ греческаго храма, гдѣ вся красота пребываетъ въ главныхъ линияхъ“. Ясно, такимъ образомъ, что французскій критикъ указываетъ на высокую художественность всего произведенія, заключающуюся въ его органической цѣльности, законченности въ самомъ себѣ. „Бѣдные люди“ доставляютъ Вогюэ обширный матеріалъ для сужденій о различныхъ особенностяхъ художественнаго таланта и литературной манеры Достоевскаго. Такъ, на примѣръ, критикъ отмѣчаетъ въ повѣсти черту, встрѣчающуюся, по его мнѣнію, и у Тургенева,—это „искусство возбуждать одной линіей, однимъ словомъ безграничные отзвуки, серіи чувствъ и идей**). Критикъ подробно анализируетъ эту замѣчательную черту художественной манеры Достоевскаго и продолжаетъ: „Слова, которыя вы читаете на этой бумагѣ, кажутся написанными не въ длину, а въ глубину; они влекутъ позади себя глухія отраженія, которыя теряются неизвѣстно гдѣ“. Отсюда, по мнѣнію критика, способность въ нѣсколько штрихахъ обрисовать лицо. „Когда вы переворачиваете послѣднюю страницу повѣсти, то вы знаете этихъ 2 лицъ, какъ будто бы прожили съ ними годы“, пишетъ Вогюэ***). Видно, такимъ образомъ, что Вогюэ очень высоко цѣнитъ художественныя достоинства перваго произведенія Достоевскаго и превосходно отмѣчаетъ особенности художественной стороны повѣсти. У другихъ критиковъ мы не встрѣчаемъ такого подробнаго художественнаго анализа „Бѣдныхъ людей“, тѣмъ не менѣе и у нихъ встрѣчаются отдѣльныя указанія на достоинства этой повѣсти. Цабель, подробно передавая содержаніе произведенія, говоритъ объ „естественности и правдивости, съ которой

*) Цит. соч. — стр. 215.

***) Ibidem.

****) Ibidem, стр. 216.

развиваются прѣ нами оба характера*)“. На слѣдующихъ за „Бѣдными людьми“ въ порядкѣ появленія въ свѣтъ повѣстяхъ Достоевскаго („Двойникъ“, „Слабое сердце“ и др.) рѣдко кто изъ иностранныхъ критиковъ останавливается; лишь весьма немногіе изъ нихъ касаются этихъ произведеній, да и то ограничиваясь лишь бѣглыми замѣчаніями или краткой передачей ихъ содержанія. Было бы, разумѣется, далеко не лишнимъ нѣсколько подробнѣе анализировать эти повѣсти Достоевскаго для возможности правильнаго сужденія о постепенномъ развитіи его литературнаго таланта, тѣмъ болѣе, что многія изъ мелкихъ произведеній Феод. Михайловича вовсе не лишены нѣкоторыхъ художественныхъ достоинствъ. Вообще говоря, западные изслѣдователи—невысокаго мнѣнія о художественной сторонѣ указанныхъ произведеній. Цабель замѣчаетъ „главный недостатокъ въ рассказахъ Достоевскаго,—широкое и преувеличенное въ ситуаціяхъ, недостатокъ вкуса, который, вслѣдствіе юношеской свѣжести исполненія, не выступаетъ такой помѣхой, какъ въ позднѣйшихъ работахъ**“). Порицкій упоминаетъ о мелкихъ произведеніяхъ Достоевскаго („Хозяйка“, „Бѣлыя ночи“ и др.) скорѣе съ цѣлью библиографической полноты, чѣмъ „для того, чтобы показать въ нихъ что-либо новое изъ искусства Достоевскаго***“). Послѣ разбора „Бѣдныхъ людей“ большинство изъ иностранныхъ критиковъ переходитъ сразу къ его крупнымъ произведеніямъ: „Униж. и оскорбленные“ и „Записки изъ Мертваго дома“. Общая оцѣнка „Униженныхъ и оскорбленныхъ“ съ художественной точки зрѣнія невысока въ западной литературѣ. Господствующіе въ ней взгляды на этотъ счетъ совпадаютъ со взглядами русскихъ критиковъ, въ особенности Добролюбова, объявившаго романъ „ниже эстетической критики“. По общему мнѣнію западныхъ изслѣдователей, художественные недостатки этого романа преобладаютъ надъ его положительными чертами. Среди этихъ недостатковъ отмѣчаются, главнымъ образомъ, непомѣрныя

*) Russ. Litteraturbilder—Zabel, стр. 120.

**) Russ. Litt.—стр. 123.

***) Poritzky. Цит., соч. стр. 77.

длинноты, растянутость романа. По мнѣнію Sougrière'a, „рѣдкія (въ романѣ) качества утопаютъ въ *длиннотахъ*, которыя вызываютъ скуку“. Цабель во всѣхъ отношеніяхъ ставитъ низко романъ „Униженные и оскорбленные“; онъ говоритъ*): „ни по *композиціи*, ни по *исполненію*, ни по тону рассказчика мы не можемъ вспомнить, что поэтъ нѣсколько лѣтъ спустя долженъ былъ исполнить великолѣпнѣйшее главное произведеніе своей жизни“. Далѣе тотъ же критикъ добавляетъ**), что „только *отдѣльныя мѣста* въ этой книгѣ *дышатъ дѣйствительной силой* и отличаются глубиной, въ цѣломъ же матеріалъ сантименталенъ и *изображеніе не свободно отъ внутренняго принужденія*“. Подобно другимъ критикамъ, Вогюэ указываетъ на растянутость романа, отмѣчая въ немъ „слишкомъ медленное изложеніе“. Чтò особенно цѣнно въ художественномъ разборѣ „Униженныхъ и оскорбленныхъ“ у Вогюэ,—это его характеристика литературнаго приѣма, примѣняемаго Достоевскимъ въ романѣ. Приѣмъ этотъ, по опредѣленію критика, есть „двойное драматическое дѣйствіе“. „Въ тотъ моментъ, когда мы заинтересовываемся интригой, на заднемъ планѣ подымается другая, отличная; которая кажется откопированной на первой***).“ Вогюэ чрезвычайно удачно сравниваетъ этотъ литературный приѣмъ съ аналогичнымъ же музыкальнымъ приѣмомъ. „Главная драма пробуждаетъ вдали эхо; это мелодія оркестра, транспонирующая хоры, раздающіеся на сценѣ****).“ Критикъ приводитъ еще другое сравненіе: „Два связанныхъ между собой романа подражаютъ игрѣ двухъ противоположныхъ зеркалъ, посылающихъ другъ другу одно и то же изображеніе*****).“ Согласившись съ мнѣніемъ самого Достоевскаго о недостаткахъ „Униженныхъ и оскорбленныхъ“, выразившихся въ плохой обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ, Вогюэ, тѣмъ не менѣе, находитъ печать великаго художника въ двухъ фигурахъ женщинъ, Наташѣ, „этой воплощенной страсти, предан-

*) Russ. Litt., стр. 153.

**) Ibidem, стр. 154.

***) R. г.—Вогюэ, стр. 240.

****) Ibidem, стр. 241.

*****) Ibidem.

ной и ревнивой“ и особенно Нелли*). Отмѣтимъ еще отзывъ о романѣ, принадлежащій г-жѣ Гофманъ. По ея мнѣнію, „Униженные и оскорбленные“, безъ сомнѣнія,—одно изъ слабѣйшихъ произведеній Достоевскаго“, потому что не выражаетъ вполне идеи автора. Наташа, Ив. Петровичъ— „всѣ хотятъ явно быть униженными и оскорбленными, но они не дѣйствительно оскорбленные“. Въ общемъ г-жа Гофманъ присоединяется къ мнѣнію самого Достоевскаго, „что его романъ содержитъ 2, 3 мѣста горячихъ и сильныхъ и съ полсотни страницъ, которыми онъ гордится“. Другіе иностранныя критики не удостоиваютъ большого вниманія романъ „Униж. и оскорбленные“ и переходятъ къ несравненно болѣе цѣнному произведенію того же періода творчества Достоевскаго—„Запискамъ изъ Мертваго дома“. „Зап. изъ Мертваго дома“—это одно изъ произведеній Достоевскаго, на долю котораго выпали самые восторженные отзывы иностранныхъ критиковъ. Въ этомъ отношеніи „Записки“ можно поставить въ уровень развѣ только съ „Преступленіемъ и наказаніемъ“. Немаловажную роль въ необыкновенномъ успѣхѣ „Записокъ“ сыграли, понятно, ихъ выдающіяся художественныя достоинства. Особенно восхваляетъ художественную сторону этого произведенія Цабель. По его мнѣнію, въ „Запискахъ“ „развѣтвляются всѣ корни таланта нашего писателя, отсюда онъ далѣе развился до своего важнѣйшаго обнаруженія въ романѣ „Прест. и наказ.“**). Критикъ находитъ, что „Записки изъ Мертваго дома“ знаменуютъ собой поступательный шагъ въ развитіи таланта писателя: онъ „показываютъ намъ всего Достоевскаго и обнаруживаютъ *вполнѣ выработанную руку художника* какъ въ выборѣ матеріала, такъ и въ его обработкѣ***)“. Въ другомъ своемъ трудѣ Цабель останавливается на выведенныхъ Достоевскимъ разнообразныхъ типахъ преступниковъ, восхищается превосходной обрисовкой ихъ и художественностью отдѣльныхъ картинъ изъ жизни каторжниковъ. „Авторъ“, пишетъ Цабель, „знако-

*) Ibidem, стр. 242.

***) „Litterarische Streifzüge durch Russland“ von Eugen Zabel. Berlin 1885 г., стр. 80 и 81.

***) Ibidem, стр. 76.

митъ насъ съ главными типами, однимъ за другимъ, и когда онъ намъ изображаетъ ихъ, намъ кажется, что мы ихъ можемъ схватить руками*)“. Изъ отдѣльныхъ сценъ изъ жизни каторги, встрѣчающихся въ „Запискахъ изъ М. д.“, критикъ приводитъ въ качествѣ примѣра описаніе театральнаго представленія, эпизодъ съ пойманнымъ орломъ, при чемъ удивляется искусству изображенія у автора и „*мастерскому* выраженію чувствованій (Empfindungen)“. Не менѣе восторженный отзывъ о художественныхъ достоинствахъ „Записокъ“ мы встрѣчаемъ у Порицкаго. „Не напрасно“, пишетъ онъ, „назвали Достоевскаго послѣ появленія „Записокъ“ русскимъ Данте, такъ какъ, дѣйствительно, напоминаетъ Данте *сила и изумительная пластика фигуръ**)*“. Вогюэ также останавливается на превосходно обрисованныхъ типахъ преступниковъ, на отдѣльныхъ разсказахъ ихъ о своемъ прошломъ (солдатъ Баклушинъ и мужъ Акулины), замѣчательныхъ въ художественномъ отношеніи. Вогюэ считаетъ нужнымъ привести портретъ старовѣра и описаніе смерти Михайлова для характеристики литературныхъ манеръ Д-го, для того, чтобы познакомить читателей „съ методомъ писателя, его качествами и недостатками, настойчивостью и мелочнымъ разборомъ cadaго дѣйствія***)“. Въ другомъ мѣстѣ своего очерка****) критикъ отмѣчаетъ различныя особенности въ обрисовкѣ характеровъ каторжниковъ. Въ однихъ случаяхъ, какъ замѣчаетъ Вогюэ, Достоевскій влагаетъ въ уста каторжниковъ разсказы объ ихъ прошлой жизни, съ цѣлью ознакомленія съ ней читателя, а въ иныхъ случаяхъ писатель „находитъ удовольствіе въ томъ, что рисуетъ ихъ моральную натуру тѣмъ широкимъ и расплывчатымъ размахомъ, который любятъ русскіе авторы. Они видятъ вещи и фигуры въ сѣромъ свѣтѣ едва занимающейся зари.....“ Даже народный языкъ, неопредѣленный и пѣвучій, къ которому прибѣгаетъ Д-ій въ „Запискахъ изъ М. дома“, по мнѣнію критика, неподобно сочетается съ характеромъ этихъ описаній*****). Изъ цѣлаго ря-

*) Russ. Litteraturbilder, стр. 147.

**) Poritzky. Цит. соч., стр. 71.

***) Вогюэ, — R. г., стр. 233.

****) Ibidem, стр. 227.

*****) Ibidem, стр. 227.

да отзывомъ другихъ иностранныхъ изслѣдователей отмѣтимъ еще отзывъ Валишевскаго, который находитъ въ „Запискахъ“ „удивительныя части, картины рѣдкой мощи“ и приводитъ въ примѣръ описаніе бани каторжниковъ и картину появленія въ госпиталѣ преступниковъ послѣ тѣлеснаго наказанія.

Переходимъ теперь къ шедеврѣ Достоевскаго, которому онъ обязанъ началомъ своего необычайнаго успѣха на Западѣ. „Преступленіе и наказаніе“ вызвало въ иностранной критикѣ бурю восторга и преклоненіе предъ могучимъ художественнымъ талантомъ Достоевскаго, создавшимъ это „украшеніе всемірной литературы“. Почти всѣ западные изслѣдователи, подобно Вогюэ, видятъ въ „Преступленіи и наказаніи“ „апогей таланта Достоевскаго“. Цабель считаетъ романъ „одной изъ замѣчательнѣйшихъ книгъ, на которую вообще можетъ указать современная повѣствовательная литература“; онъ восхищается рельефной обрисовкой дѣйствующихъ лицъ, благодаря которой „каждая характерная черта приближаетъ къ намъ людей, о которыхъ идетъ рѣчь“^{*)}. Въ другомъ мѣстѣ Цабель пишетъ^{**}): „Немного будетъ изображеній въ общей литературѣ романовъ, которыя охватывали бы читателя съ непреодолимой силой и оставляли такое впечатлѣніе высшей правдивости, какъ представленіе тѣхъ происшествій, которыя заключаетъ въ себѣ I-ая книга романа“^{***}). Особенно поражаетъ критика сцена убійства, превосходящая, по его мнѣнію, всѣ другія сцены въ романѣ. Изъ персонажей „Прест. и наказанія“, помимо другихъ, обращаетъ на себя вниманіе Цабеля фигура Порфирія Петровича, „изображенная съ несравнимымъ мастерствомъ“^{****}). У другихъ критиковъ мы встрѣчаемъ болѣе точный художественный анализъ романа и характеристику его достоинствъ и недостатковъ. Тутъ на первомъ мѣстѣ приходится поставить опять-таки Вогюэ, который отмѣчаетъ наиболѣе интересныя и важныя художественныя особенности „Преступл. и наказанія“. Прежде всего, критикъ замѣчаетъ въ построеніи

*) Russ. Litt., стр. 155.

***) Ibidem, стр. 162.

****) Ibidem, стр. 162.

*****) Ibidem, стр. 168.

романа черту, обычную, по его мнѣнію, въ западной литературѣ,—единство дѣйствія. „Драма, чисто психологическая, —вся цѣликомъ въ состязаніи между человѣкомъ и его идеей. Персонажи и аксессуарныя дѣйствія имѣютъ цѣнность только по ихъ вліянію на рѣшенія преступника“*). Далѣе Вогюэ въ „Преступленіи и наказаніи“ отмѣчаетъ ту же особенность художественнаго таланта Достоевскаго, на которую указаль еще раньше при обсужденіи „Бѣдныхъ людей“; критикъ тутъ еще больше останавливается на ней и многостороннѣе и обстоятельнѣе ее характеризуетъ. „Отдѣльныя части разсказа“, пишетъ Вогюэ, „получаютъ все меньшее и меньшее значеніе; что чрезвычайно любопытно, такъ это нить разсказа и діалоговъ, сплетенная изъ мелкихъ электрическихъ петель, въ которой чувствуется пробѣгающая непрерывно какая-то тайная дрожь“. Отсюда, по мнѣнію критика, другая, не менѣе оригинальная, особенность романа Достоевскаго, бросающаяся въ глаза при чтеніи. „Такое слово, которое вы пропустили безъ вниманія, такой маленькій фактъ, который занимаетъ одну строку, имѣютъ свое отраженіе черезъ 50 страницъ; приходится о нихъ вспомнить, чтобы объяснить себѣ перемѣну въ душѣ героя, въ которой тайно росли случайно брошенные зародыши“. Результатомъ является большое напряженіе вниманія у читателя, вызывающее у него сильное утомленіе. Достоевскій, по словамъ Вогюэ, утомляетъ своего читателя, какъ только можетъ утомить „горячая, кровная лошадь своего сѣдока“. Нужно замѣтить, что французскій критикъ чрезвычайно удачно подмѣтилъ и охарактеризовалъ указанную особенность романа; въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Вогюэ обнаруживаетъ всю тонкость и глубину своихъ эстетическихъ сужденій, свидѣтельствующихъ о поразительной художественной проницательности извѣстнаго критика. Онъ вноситъ огромную лепту въ оцѣнку и анализъ художественной стороны твореній Достоевскаго, и въ этомъ заключается весьма большая цѣнность его этюда о нашемъ писателѣ. Въ томъ же очеркѣ Вогюэ восторгается отдѣльными сценами изъ романа „Преступленіе и наказаніе“ и пре-

*) Цит. соч., стр. 247.

восходной обрисовкой дѣйствующихъ лицъ; вопреки своему обыкновенію, критикъ не цитируетъ въ подтвержденіе своихъ мыслей отрывковъ изъ романа, отсылая читателей къ хорошему французскому переводу романа (Derély). Художественный анализъ „Преступленія и наказанія“ мы находимъ даже у тѣхъ иностранныхъ критиковъ, которые въ другихъ случаяхъ ограничиваются только суммарными замѣчаніями относительно художественныхъ особенностей отдѣльныхъ твореній Достоевскаго. Такъ, напримѣръ, Валишевскій, съ одной стороны, отмѣчаетъ „могущество автора въ вызываніи (évation) фигуръ“*), съ другой же, указываетъ на недостатокъ романа, общій, по его мнѣнію, большей части русскихъ романистовъ. Въ чемъ заключается этотъ недостатокъ, видно изъ слѣдующихъ словъ критика: „Ихъ (русскихъ романистовъ) искусство напоминаетъ собой архитектурическій стиль строителя церкви Св. Василія въ Москвѣ. При ея посѣщеніи, вы удивлены тѣмъ, что видите 5 или 6 зданій одно въ другомъ. Есть, самое меньшее, столько же различныхъ фабулъ въ „Преступленіи и наказан.“, которыя связаны едва уловимой нитью“. Если Валишевскій правъ, усматривая эту особенность въ романѣ, то врядъ ли все-таки можно считать ее въ числѣ недостатковъ произведенія, принимая во вниманіе то „единство дѣйствія“, на которое удачно указалъ Вогюэ. Болѣе строгій отзывъ вызвалъ романъ у Брандеса, который остановился почти исключительно на внѣшней сторонѣ романа и отмѣтилъ въ немъ несовершенство изложенія. Правда, знаменитый критикъ признаетъ, что „обрисовка характеровъ у Достоевскаго необыкновенно хороша: она глубока и смѣла**“), но зато онъ далѣе добавляетъ: „Хотя обрисовка характеровъ въ „Преступ. и наказаніи“ стоитъ высоко, книга однако страдаетъ отъ несовершенства изложенія“. Критикъ подвергаетъ довольно обстоятельному анализу изложеніе романа. „Самыя лучшія части книги“, какъ говоритъ Брандесъ,—„діалоги; какъ только говоритъ самъ авторъ, искусство кончается“***). Брандесъ

*) Валишевскій. Цит. соч., стр. 345.

***) Brandes. „Dost.“ Deutsche Litter. Volkshefte. 1889, № 3, стр. 19.

****) Ibidem, стр. 20.

присоединяетъ общее замѣчаніе о Достоевскомъ: „Будучи въ высокой степени поэтомъ, онъ былъ въ незначительной степени художникомъ. Онъ не старался достигнуть возможно высшей степени совершенства при помощи сокращенія и выбора выраженія, но работалъ, какъ простой публицистъ, и поэтому онъ повсюду многорѣчивъ“^(*)). Свою мысль о недостаткахъ изложенія у Достоевскаго критикъ иллюстрируетъ примѣрами изъ романа „Преступленіе и наказаніе“. Съ одной стороны, онъ указываетъ на то, что въ I части романа ничего не упоминается о статьѣ Раскольникова, его „теоріи“, и нѣкоторыя явленія прямо даже противорѣчатъ ей, съ другой стороны, приводитъ цѣлый рядъ обычныхъ выраженій Достоевскаго, служащихъ для искусственнаго поддержанія связи разсказа и тѣмъ самымъ обнаруживающихъ въ немъ безсвязность, непослѣдовательность, недостатокъ обработки.

Нужно отдать справедливость знаменитому критику: его замѣчаніе о недостаткахъ изложенія у Достоевскаго вѣрно, но оно скорѣе могло бы относиться къ послѣдующимъ произведеніямъ нашего писателя, чѣмъ къ „Преступленію и наказанію“, этому совершеннѣйшему изъ романовъ Достоевскаго, гдѣ указанные недостатки обнаруживаются въ весьма незначительной степени. Весьма любопытно, что Брандесъ, въ противоположность почти всѣмъ иностраннымъ критикамъ, не подчеркиваетъ недостатковъ изложенія въ послѣднихъ произведеніяхъ Достоевскаго и ограничивается въ этомъ отношеніи только „Преступленіемъ и наказаніемъ“. Въ общемъ, сравнительно строгій отзывъ Брандеса о художественной сторонѣ романа звучитъ рѣзкимъ диссонансомъ среди стройнаго хора похвалъ, которыми награждаютъ Д-аго иностранные критики, цѣнящіе выше всего въ „Преступленіи и наказаніи“ пластическую красоту образовъ и художественность отдѣльныхъ сценъ. Когда мы переходимъ къ ознакомленію съ художественной оцѣнкой послѣднихъ романовъ Достоевскаго, которой они удостоились въ западной критической литературѣ, намъ сразу бросается въ глаза

*) Ibidem.

весьма рѣзкій поворотъ въ сужденіяхъ иностранныхъ критиковъ о художественномъ талантѣ Феодора Михайловича. Восторгъ критиковъ, вызванный художественными достоинствами шедевра Достоевскаго, быстро смѣняется скорбнымъ сожалѣніемъ по поводу паденія великаго таланта и упреками по адресу писателя въ большихъ художественныхъ недочетахъ его послѣднихъ произведеній. Прежнее восхваленіе таланта замѣняется огульнымъ и рѣзкимъ осужденіемъ; лишь одинъ Вогюэ, чуждый этой крайности отрицательныхъ сужденій, не выпускаетъ изъ рукъ своего скальпеля художественнаго анализа, который продолжаетъ вскрывать въ послѣднихъ романахъ Д-го наряду съ недостатками и большія достоинства. Посмотримъ, въ чемъ же видятъ западные исследователи недостатки, общіе всѣмъ этимъ романамъ Д-аго. Вогюэ по этому поводу пишетъ слѣдующее*): „Въ „Идіотѣ“, „Бѣсахъ“ и особенно въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ длинноты невыносимы, дѣйствіе—не болѣе, какъ снисходительное прикрашиваніе, которое примѣняется ко всѣмъ теоріямъ автора; въ этихъ романахъ онъ рисуетъ всѣ типы, когда-либо встрѣченные имъ или только вымышленные въ аду его фантазіи“. Рейнгольдтъ, говоря о превращеніи Достоевскаго въ публициста, поступившаго на службу націоналистической теоріи, считаетъ „Идіотѣ“, „Бѣсы“ и „Подростокъ“ „скорѣе памфлетами, чѣмъ романами**“); въ нихъ Рейнгольдтъ видитъ только „образы необузданной фантазіи“***]. По мнѣнію Цабеля, въ этихъ послѣднихъ романахъ писателя „языкъ пластической силы почти совершенно пошелъ на убыль“****). Разсмотрѣніе въ западной литературѣ отдѣльныхъ произведеній послѣдняго періода творчества Д-аго ближе опредѣляетъ ихъ художественную цѣнность. Какъ Цабель, такъ и многіе другіе иностранные критики видятъ въ романѣ „Идіотѣ“ только „большіе художествен-

*) R. г.— стр. 255.

**) Reinholdt. Gesch. der russ. Litteratur, стр. 696.

***) Ibidem.

****) Цабель. Russ. Litter., стр. 171.

ные недостатки^(*)) и не находятъ въ немъ положительныхъ чертъ въ указанномъ отношеніи. Только Воюэ избѣгъ этой односторонности сужденій и указываетъ въ разбираемомъ романѣ отдѣльныя художественныя достоинства. Воюэ, находя въ „Идіотѣ“ недостатки, главнымъ образомъ, со стороны внѣшней, считаетъ, тѣмъ не менѣе, весьма удачными образы кн. Мышкина, Рогожина и др. По его мнѣнію, „этотъ вымышленный характеръ (кн. Мышкина) развитъ съ настойчивостью и удивительнымъ правдоподобіемъ“. Фигура купца Рогожина—одна „изъ наиболѣе могущественныхъ фигуръ, которыя выгравировалъ художникъ. Тѣ 20 страницъ, гдѣ Достоевскій намъ рисуеъ мученія отъ страсти въ сердцѣ этого человѣка, принадлежать великому художнику^(***)“. Еще худшей участи подвергся романъ „Бѣсы“ въ художественной оцѣнкѣ западной критики. Онъ произвелъ плохое впечатлѣніе на критиковъ своей страшной запутанностью и неясностью. Цабель, поэтому, прямо заявляетъ^(***)), „что „Бѣсы“— есть самое запутанное, что Д-ій когда-либо написалъ“. Воюэ также считаетъ „Бѣсы“— „книгой плохо построенной^(****)“, хотя и замѣчаетъ, что автору удалось въ ней выразить намъ свои мысли о томъ, что составляетъ силу нигилистовъ. На взглядъ Валишевскаго, въ „Бѣсахъ“— „фабула отличается чрезмѣрной запутанностью, а развязка—мелодраматической экстравагантностью^(*****)“. Однимъ словомъ, господствующій въ западной критикѣ взглядъ на романъ „Бѣсы“—отрицательный, за весьма небольшими исключеніями, къ которымъ надо причислить, между прочимъ, отзывъ г-жи Гофманъ. Она раздѣляетъ взглядъ Страхова, извѣстнаго друга Достоевскаго, который видитъ въ „Бѣсахъ“ наряду съ художественными недочетами большія достоинства (обрисовка типа Кириллова, рассказ сумасшедшей, сцена въ церкви, маленькая сценка съ Карма-

*) Ibidem.

***) Цит. соч., стр. 258, 260.

****) Цабель, R. Litt., стр. 127.

*****) R. г., стр. 263.

*****) Валишевскій. Littér. г., стр. 347.

зиновымъ)*). „Романъ“, пишетъ она**), „именно въ своей I-ой части и въ концѣ представляетъ большія художественныя красоты“.

Наиболѣе строгіе отзывы ипостранныхъ критиковъ, подчасъ весьма несправедливые, выпали на долю „Братьевъ Карамазовыхъ“. Отрицательнаго мнѣнія о всемъ романѣ придерживается Цабель, который не можетъ простить Достоевскому большіе художественные дефекты послѣдняго его произведенія, лишаяющіе романъ всей его цѣнности. На протяженіи почти двухъ страницъ своего очерка критикъ обсуждаетъ недостатки художественной стороны романа и выносить свой суровый приговоръ о непригодности „Братьевъ Карамазовыхъ“ для искусства. Приведемъ нѣкоторыя любопытныя выдержки изъ этого обвинительнаго акта, составленнаго Цабелемъ***). „Недостатокъ Достоевскаго въ этомъ послѣднемъ романѣ состоитъ въ томъ, что авторъ, заботясь о поддержаніи своего существованія, позволилъ себѣ *растянуть матеріаль вопреки его характеру и подавить* всякую *естественность* повѣствованія *безпримѣрной разговорчивостью* дѣйствующихъ лицъ“. „Весь романъ“, продолжаетъ критикъ, „есть одинъ *безконечный діалогъ*, который тревожно жужжитъ около насъ, не позволяя читателю останавливаться на характеристическомъ изображеніи какого-либо положенія“. Цабель, къ сожалѣнію, не замѣчаетъ, какъ другіе критики, что въ діалогахъ выражается одна изъ наиболѣе сильныхъ сторонъ художественнаго таланта Достоевскаго. Критикъ не находитъ въ романѣ той „пластически-округленной фабулы и живой характеристики лицъ“, которыя необходимы, по его мнѣнію, въ искусствѣ****). Воспринявшій всѣ эстетическія сужденія Цабеля, касающіяся произведеній Достоевскаго, д-ръ Порницкій и въ данномъ случаѣ, при обсужденіи „Братьевъ Карамазовыхъ“, ничего новаго не прибавляетъ ко взгляду

*) Hoffmann. Th. Dostojewski, стр. 397, 398. О письмѣ Страхъ къ Дост.

**) Ibidem, стр. 385

***) Цабель. Russ. Litt., стр. 177.

****) Ibidem.

Цабеля. Замѣтивъ*) предварительно, что произведенія „Бѣсы“, „Подростокъ“ и „Братья Карамазовы“ „свидѣтельствуютъ объ ужасающемъ внезапномъ паденіи силы Достоевскаго“, Порицкій пишетъ по поводу послѣдняго романа: „Братья Карамазовы“ заключаютъ въ себѣ тотъ недостатокъ, что ихъ характеры *растянуты* писателемъ до безконечной длины, которая принесла ему больше денегъ отъ издателя, но зато мало почета отъ его друзей“. Не меньшіе недостатки находятъ въ „Братяхъ Карамазовыхъ“ и другіе иностранные критики. По мнѣнію Валишевскаго, слѣды лихорадочной работы, столь свойственной Достоевскому, особенно сильно сказываются въ „Бр. Карамазовыхъ“. Романъ, по его словамъ, представляетъ собой нѣчто незаконченное, онъ „напоминаетъ зданіе, въ которомъ выстроили только фасадъ**“). Даже Вогюэ какъ-то необычно строгъ въ своемъ отношеніи къ данному роману и лишь въ нѣсколькихъ словахъ касается его художественной стороны. „По общему признанію“, пишетъ онъ***), „очень мало русскихъ имѣло мужество прочесть до конца эту *безконечную* исторію (sic!)“. Далѣе, однако, Вогюэ смягчаетъ суровость своего критическаго приговора тѣмъ, что находитъ, „несмотря на непростительныя отступленія и сгустившіяся облака“, „нѣсколько фигуръ по истинѣ эпическихъ, нѣскольکو сценъ, достойныхъ остаться между самыми красивыми въ произведеніяхъ нашего автора, каковая, на примѣръ, сцена смерти ребенка****). Таковы отзывы, которые вызвали за-границей послѣднія произведенія Достоевскаго. Нетрудно замѣтить нѣкоторыя преувеличенія въ этихъ отрицательныхъ отзывахъ западныхъ изслѣдователей творчества Достоевскаго; преувеличенія эти, какъ намъ кажется, вызваны чрезмѣрнымъ вниманіемъ къ внѣшней сторонѣ произведеній послѣдняго періода дѣятельности Θεод. Михайловича и недостаточно глубокимъ анализомъ ихъ внутреннихъ художественныхъ достоинствъ. На послѣднее обстоятельство осо-

*) Poritzky. Цит. соч.—стр. 75, 76.

**) Валишевскій. Цит. соч., стр. 348.

***) Вогюэ. Цит. соч., стр. 265.

****) Ididem, стр. 266.

бенно указываетъ сравненіе критическихъ отзывовъ въ западной литературѣ съ русской критикой, посвященной художественному анализу романовъ „Идіотъ“, „Бѣсы“, „Братья Карамазовы“. И въ русской критикѣ, какъ извѣстно, неоднократно отмѣчаются тѣ же недостатки романовъ, что и въ иностранной, тѣмъ не менѣе это обстоятельство не помѣшало русскимъ изслѣдователямъ творчества Достоевскаго (какъ Волынской, Мережковской и др.) находить и въ послѣднихъ твореніяхъ писателя великія художественныя красоты, необыкновенную силу пластическаго изображенія, рельефность образовъ дѣйствующихъ лицъ, однимъ словомъ, черты, свидѣтельствующія о томъ, что могучій художественный талантъ Достоевскаго не палъ окончательно (какъ думаютъ многіе изъ иностранныхъ критиковъ), а весьма часто достигаетъ прежней высоты даже въ этихъ произведеніяхъ сравнительно болѣе низкаго художественнаго уровня. Послѣ того, какъ мы разсмотрѣли оцѣнки отдѣльныхъ произведеній Достоевскаго, произведенныя западными изслѣдователями, намъ остается еще отмѣтить, какія общія особенности художественнаго таланта нашего писателя выяснилъ анализъ его творчества въ западной литературѣ. Что касается положительныхъ чертъ таланта Достоевскаго, то большинство изъ нихъ, какъ мы видѣли, было указано критиками при разборѣ отдѣльныхъ романовъ, и, поэтому, въ общей формулировкѣ сужденій ихъ о присущихъ твореніямъ Феод. Михайловича художественныхъ достоинствахъ мы встрѣчаемся съ уже высказанными ранѣе мнѣніями. Такъ, напримѣръ, Цабель отмѣчаетъ въ Достоевскомъ „даръ пластическаго изображенія“*), о которомъ упоминаетъ неоднократно въ разныхъ мѣстахъ своего очерка о нашемъ писателѣ. То же можно замѣтить и у другихъ критиковъ. Не останавливаясь поэтому на обсужденныхъ уже нами отзывахъ, мы упомянемъ тутъ только о Брандесѣ, который весьма удачно подмѣтилъ одну изъ характернѣйшихъ особенностей таланта Феодора Михайловича. „Достоевскій“, пишетъ онъ**), „среди всѣхъ

*) „Litterarische Streifzüge durch Russland“ von Eugen Zabel. 1885. стр. 107.

**) Brandes. Deutsche Litter. Volkshefte—стр. 22.

писателей Россіи — величайшій *діалектикъ*. Онъ отличается особеннымъ умѣньемъ выставлять реплику за репликой въ моментъ спора. Монологъ (а онъ любитъ безконечные монологи) анализируетъ явленіе съ самыхъ различныхъ сторонъ и до тончайшихъ подробностей“. Съ гораздо ббльшимъ вниманіемъ заграничные критики останавливаются на общихъ художественныхъ недостаткахъ произведеній Достоевскаго, на отрицательныхъ сторонахъ его собственно-литературнаго таланта. Причиной, повидимому, тутъ является то обстоятельство, что эти недостатки кажутся какимъ-то противорѣчіемъ въ творествѣ Достоевскаго, надѣленнаго большимъ художественнымъ дарованіемъ. Среди художественныхъ недочетовъ отмѣчаются въ западной критикѣ—недостатки композиціи произведеній, необычайная растянутасть ихъ, небрежность изложенія, безконечныя отступленія, несвязность во многихъ случаяхъ и недостатковъ внѣшней отдѣлки. Большинство изъ этихъ недостатковъ указываетъ Цабель. „Композиція“, по его мнѣнію, „самая слабая сторона въ талантѣ Достоевскаго“. „Онъ не имѣетъ никакого предчувствія насчетъ технической конструкціи, насчетъ главныхъ и второстепенныхъ дѣйствій, соразмѣрнаго теченія событій“*). Еще рельефнѣе выдѣлились слабыя стороны таланта Достоевскаго при сопоставленіи его съ Тургеневымъ, этимъ художникомъ какъ содержанія, такъ и формы. Подобную параллель проводитъ тотъ же критикъ. „Конечно, нельзя въ сочиненіяхъ Достоевскаго искать *художественнаго спокойствія* и *ровности* Тургенева... Талантъ Достоевскаго заключаетъ въ себѣ что-то дикое, необузданное, лихорадочное и наряду съ блестящими преимуществами обладаетъ недостатками“**). На недостатки внѣшней отдѣлки въ произведеніяхъ нашего писателя, производящей по временамъ антихудожественное впечатлѣніе, еще съ большей настойчивостью, чѣмъ Цабель, указываетъ Валишевскій. Вотъ что читаемъ мы у него по этому поводу: „Сынъ города и пролетаріата, Достоевскій—*меньше художникъ*, чѣмъ ббльшая часть его

*) Lit. Streifzüge, стр. 101.

***) Ibidem, 62.

соперниковъ, вышедшихъ изъ деревенской аристократіи. .. *Ничего тонкаго, законченнаго* не выходитъ изъ-подъ его пера. У него стиль мучительный, какъ его маска..., *плохо обработанный*, гениальный и нервный, *весь въ брызгахъ, въ складкахъ, въ шишкахъ и впадинахъ* (*). Иностранные критики пытаются объяснить причины существованія отмѣченныхъ недостатковъ въ произведеніяхъ Феод. Михайл. Съ одной стороны, причинами служатъ особенности таланта Достоевскаго, съ другой стороны—чисто внѣшнія условія его творчества, вызвавшія необыкновенную поспѣшность и лихорадочность работы. По словамъ Валишевскаго, „поспѣшность всегда характеризовала и портила его творческое вдохновеніе“ (**). Въ числѣ причинъ этой поспѣшности Валишевскій указываетъ, во-первыхъ, на нужду, ссылаясь на постоянныя жалобы самого писателя, и, во-вторыхъ, на „стремительное желаніе непрерывнаго общенія съ публикой, честолюбивое стремленіе къ постоянному вліянію“, что, по мнѣнію критика, „способствовало лихорадочной работѣ, въ которой Достоевскій издержалъ свой талантъ и жизнь“ (***)). Причину „несовершенства изложенія“ у Достоевскаго Брандесъ также видитъ въ томъ, что писатель „отдавалъ свои сочиненія въ печать въ томъ видѣ, въ какомъ они выходили изъ-подъ его пера, безъ всякой обработки, не говоря уже о переработкѣ“ (****). „Онъ *пренебрегаетъ*“, пишетъ о Достоевскомъ Arède Vagîe, „искусствомъ композиціи; по временамъ онъ бываетъ скупченъ“ (*****). Мы видѣли, такимъ образомъ, какіе недостатки въ художественной сторонѣ творчества Достоевскаго замѣтили иностранные критики и чѣмъ пытаются объяснить они многіе изъ указанныхъ недочетовъ. Въ общемъ, и въ этихъ недочетахъ сказалось все нервное, неуравновѣшенное и лихорадочное творчество Достоевскаго, и поэтому они окружили еще большей таинственностью уже безъ того загадочный для критиковъ обликъ писателя. Окон-

*) Валишевскій, цит. соч.—стр. 357.

***) Валишевскій, цит. соч.—стр. 335.

****) Ibidem, стр. 346.

*****) Брандесъ, цит. статья, стр. 20.

*****) Revue Bleue. 1884 г. № 26, стр. 801.

чательной формулировкой суждений западной критики о художественном дарованіи Феоф. Михайловича могут служить слова Валишевскаго. „*Великій писатель*, вопреки своимъ длиннотамъ и несвязностямъ“, такъ резюмируетъ Валишевскій свой очеркъ, и къ подобному взгляду на Достоевскаго, повидимому, сводятся *mutatis mutandis* отзывы и всѣхъ остальныхъ иностранныхъ критиковъ Въ общемъ, повторяемъ, въ оцѣнкѣ и анализѣ художественнаго таланта Достоевскаго заключается одна изъ наиболѣе сильныхъ сторонъ иностранной критической литературы, посвященной творчеству нашего писателя. Анализъ этотъ много способствуетъ пониманію художественнаго дарованія Феоф. Мих. и занимаетъ большое мѣсто въ западной критикѣ, разумѣется, сравнительно съ размѣрами критическихъ этюдовъ о Достоевскомъ. Но и это отрадное явленіе имѣетъ свою оборотную сторону: почти исключительно художественныя достоинства того или другого произведенія нашего писателя кладутся заграничными изслѣдователями въ основу общихъ суждений о продуктахъ его творчества; поэтому, произведенія, изобилующія художественными недостатками (какъ „Бѣсы“, „Бр. Карамаз.“), почти совершенно ими отвергаются и не удостоиваются подробнаго разбора. Одностороннее отношеніе къ твореніямъ Феоф. Мих. значительно затрудняетъ западнымъ критикамъ пониманіе сущности его творчества. Вогуэ, послѣ всесторонней оцѣнки художественнаго дарованія Достоевскаго, послѣ подробнаго критическаго анализа его твореній, затрудняется однако высказать свое окончательное сужденіе о Достоевскомъ, какъ писателѣ. Критикъ справедливо замѣчаетъ: „Если стать на точку зрѣнія *нашей эстетики* и нашихъ вкусовъ, сужденіе это трудно формулировать. Д-аго нужно разсматривать, какъ явленіе другого міра...“*) Необходимо добавить къ словамъ Вогуэ, что съ точки зрѣнія всякой эстетики, не только французской, недостаточно разсматривать Достоевскаго. Одна только эстетическая оцѣнка его твореній не можетъ считаться удовлетворительной и исчерпывающей всю суть его творчества,

*) Вогуэ. Цит. соч., стр. 266.

еще въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ въ примѣненіи къ другимъ русскимъ писателямъ. Причины этого выяснятся изъ слѣдующей главы.

Г Л А В А VII.

Идейная сторона творчества Достоевскаго.

„Достоевскій никогда не былъ, что называется, „чистымъ“ художникомъ; меньше, чѣмъ кого-нибудь, можно его судить судомъ эстетическимъ; это значило бы оставить его совсѣмъ безъ оцѣнки. *Мыслитель* и публицистъ всегда рѣзко вырисовывались въ немъ изъ-за художника; а въ послѣдніе годы онъ и формально вступилъ на почву публицистики“— такъ писалъ о Достоевскомъ въ 1881 г. Н. К. Михайловскій*). Въ отмѣченной знаменитымъ русскимъ критикомъ особенности таланта Достоевскаго нужно искать ключъ къ разгадкѣ сущности его творчества. Русская критика въ своей оцѣнкѣ творчества Феодора Михайловича исходитъ, въ большинствѣ случаевъ, изъ взгляда на него, какъ на художника-мыслителя по преимуществу, и стоитъ на вполнѣ правильной точкѣ зрѣнія, единственно примѣнимой при критическомъ разборѣ твореній Достоевскаго. Дѣйствительно, Достоевскій—это, прежде всего, огромный философскій умъ, глубокій мыслитель, въ которомъ глубина мысли сочеталась съ могучимъ художественнымъ талантомъ. Достоевскій всегда стремился высказать свои мысли, волновавшія его великій, мятежно-ищущій умъ, и художественный талантъ помогъ ему воплощать свои идеи въ образы пластической красоты. Быть можетъ, поэтому, главнымъ образомъ, Достоевскій всегда мало заботился о формѣ своихъ твореній, объ

*) Отечественныя Записки, 1881 г. № 2. Статья „Записки современника“.

ихъ внѣшной отдѣлкѣ. Михайловскій въ своемъ разборѣ „Бѣсовъ“ справедливо замѣчаетъ, что всѣ герои романа „одержимы какой-нибудь идеей“; то же можно сказать по поводу всѣхъ героевъ Достоевскаго, то же можно сказать и по поводу самого автора. Самъ писатель былъ „одержимъ идеей“, идея очень часто перевѣшиваетъ надъ формой у Достоевскаго, и поэтому произведеніе, глубокое по замыслу и основной идеѣ, нерѣдко грѣшитъ художественными недочетами. Отсюда иногда возможны различныя, подчасъ даже диаметрально-противоположныя оцѣнки одного и того же произведенія Достоевскаго, въ зависимости отъ масштаба, лежащаго въ основѣ этихъ критическихъ оцѣнокъ, масштаба эстетическаго или идейнаго. Если потребовалось бы сравнить западную критику съ русской по ея отношенію къ творчеству Достоевскаго, то различіе между ними можно было бы формулировать слѣдующимъ образомъ: русская критика обратила серьезное вниманіе на идейную сторону произведеній Достоевскаго, на изученіе всей его идеологіи, разумѣется, въ то же время подвергая анализу особенности художественнаго дарованія Феод. Михайловича, между тѣмъ какъ западная критика подошла къ произведеніямъ нашего писателя почти исключительно со своей эстетической мѣркой и весьма поверхностно только коснулась идейнаго богатства его твореній; отсюда—односторонность многихъ критическихъ сужденій въ западной литературѣ о Достоевскомъ и далеко не полное освѣщеніе всей его творческой личности. Подробное разсмотрѣніе вопроса о степени полноты и глубины изслѣдованія на Западѣ идейной стороны отдѣльныхъ произведеній Достоевскаго сможетъ, какъ намъ кажется, доказать вы сказанныя выше соображенія. Не всѣ произведенія Достоевскаго въ одинаковой мѣрѣ послужили для иностранныхъ критиковъ предметомъ обсужденія со стороны ихъ содержания, выводимыхъ типовъ и выраженныхъ идей. Первая повѣсть Достоевскаго „Бѣдные люди“ подвергается обыкновенно довольно подробному разбору со стороны ея содержания. Всѣ критики прежде всего отмѣчаютъ, что „Бѣдные люди“ есть вариация темы, трактуемой въ „Шинели“ Гоголя. Вогюэ раздѣляетъ восторгъ Бѣлинскаго, вызванный

повѣстью; онъ восхищается этой „столь простой и печальной трагедіей“, прекрасно постигнутой 20-лѣтнимъ авторомъ*). Критикъ подробно останавливается на образѣ Дѣвушкина и характеризуетъ его, какъ „мелкаго канцелярскаго чиновника, забитаго жизнью и заботами“. Въ немъ критикъ отмѣчаетъ „подъ старческой и смѣшной оболочкой сохранившееся дѣтское, чистое, преданное сердце...“(**) Вогюэ видитъ въ Дѣвушкинѣ излюбленный типъ русскихъ писателей и сопоставляетъ его съ Лукерьей изъ „Живыхъ мощей“ Тургенева, Каратаевымъ изъ „Войны и мира“ Толстого. Далѣе критикъ переходитъ къ типу Варвары и рисуетъ картину отношеній между послѣдней и Дѣвушкинымъ. Валишевскій также подвергаетъ обсужденію дѣйствующихъ лицъ повѣсти. Онъ наряду съ положительными чертами находитъ въ Дѣвушкинѣ и отрицательныя,—склонность къ пьянству, грубыя привычки, и показываетъ, такимъ образомъ, что авторъ не старался идеализировать своего героя(***)). Замыселъ Достоевскаго, по словамъ Валишевскаго, заключается въ томъ, чтобы „внушить намъ не только жалость, но и удивленіе“(***)). Весьма подробно передаетъ содержаніе „Бѣдныхъ людей“ Цабель, но гораздо меньше характеризуетъ героев повѣсти. Въ общемъ, фабула и идея повѣсти не сложны. И вполнѣ понятно, что иностранные критики скорѣе должны были выразить свое удивленіе предъ наблюдательнымъ талантомъ молодого автора, его способностью отзываться всей своей душой на печальную трагедію мелкаго человѣческаго существованія, нежели заниматься анализомъ основной идеи автора, ибо замыселъ Достоевскаго ясенъ, простъ, хотя и гениаленъ въ своей простотѣ. Гораздо важнѣе обсужденіе „Бѣдныхъ людей“ въ связи съ послѣдующими мелкими и даже крупными произведеніями автора съ точки зрѣнія развитія однѣхъ и тѣхъ же идей, которыя въ зачаточномъ состояніи заключаются уже въ первомъ произведеніи писателя;

*) Р. г., стр. 209.

**) Ibidem, стр. 210.

***) Валишевскій, цит. соч., стр. 334.

****) Ibidem, стр. 325.

въ западной литературѣ подобнаго обсужденія мы, однако, не встрѣчаемъ, по причинѣ отсутствія въ ней подробнаго и глубокаго анализа идеологіи нашего художника-мыслителя. Точно также болѣе мелкіе рассказы и повѣсти того же періода литературной дѣятельности почти не входятъ въ область изслѣдованія западной критики; лишь нѣкоторые изъ иностранныхъ авторовъ (какъ, напр., Цабель, Порицкій) упоминають о нихъ, вкратцѣ передають ихъ содѣржаніе, да и то, повидимому, больше въ цѣляхъ библиографической полноты. Весь ранній періодъ творчества, какъ справедливо указываютъ эти критики, находится подъ сильнымъ вліяніемъ Гоголя, которымъ навѣяны сюжеты повѣстей Достоевскаго, заимствованные изъ чиновничьей жизни, и идея гуманности по отношенію къ забитымъ и униженнымъ людямъ, но почти нигдѣ у западныхъ изслѣдователей Достоевскаго не указано различіе между рассказами Достоевскаго и Гоголя въ обработкѣ одинаковыхъ темъ, въ идейномъ значеніи чиновничьихъ типовъ, различіе, свидѣтельствующее объ извѣстной идейной самостоятельности нашего писателя уже въ его первыхъ литературныхъ опытахъ. Зато много толковъ вызвали въ западной литературѣ произведенія Достоевскаго, принадлежащія 2-му періоду его творчества (послѣ отбытія авторомъ наказанія), въ особенности 2 главныхъ изъ нихъ: „Записки изъ Мертваго дома“ и „Преступленіе и наказаніе“. „Униженные и оскорбленные“, произведеніе того же періода, встрѣтили въ западной критикѣ довольно холодный приѣмъ. Вогюэ останавливается по преимуществу на оригинальныхъ отношеніяхъ между героями романа, очень мало касаясь ихъ характеристики, и совсѣмъ оставляетъ безъ вниманія замыслъ автора и основную идею романа*). Съ одной стороны, критикъ отмѣчаетъ странное положеніе Ивана Петровича; несмотря на то, что Достоевскій самъ пережилъ подобное же положеніе, критикъ считаетъ аналогичный случай изъ жизни героя романа „съ трудомъ приѣмлемымъ“. Съ другой стороны, Вогюэ затрудняется объяснить любовь Наташи къ

*) См. цит. соч. Вогюэ, стр. 241.

Алешѣ, этому „взбалмошному ребенку“; критикъ готовъ скорѣе допустить возможность любви генія къ глупой дѣвушкѣ. Князя Вальковскаго Вогюэ называетъ „мелодраматическимъ злодѣемъ“, характеръ котораго не удался автору. Критикъ отмѣчаетъ еще въ романѣ образъ Нелли, которая, по его мнѣнію, прекрасно выражаетъ евангельскую истину, живущую въ сердцахъ русскаго народа („Да я буду лучше ходить по улицамъ и милостыню просить. Милостыню не стыдно просить: я не у одного человѣка прошу, я у всѣхъ прошу и т. д.“^{*)}). Вогюэ совсѣмъ не выясняетъ взаимоотношеній дѣйствующихъ лицъ и ихъ роли въ развитіи идеи автора. Въ подобномъ же положеніи находится разборъ содержанія „Униженныхъ и оскорбленныхъ“ у Валишевскаго. Изъ нѣмецкихъ критиковъ небольшое вниманіе этому роману удѣляетъ Цабель, подчеркнувшій также его автобіографическое значеніе^{**)}. Онъ называетъ романъ „автороманомъ“ (Ich-Roman), потому что „рассказчикъ изображаетъ себя предъ нами молодымъ писателемъ, который точно такъ, какъ это сдѣлалъ въ дѣйствительности Достоевскій, мучитъ себя отказомъ (отъ любви), пока наконецъ послѣ сильной борьбы не достигаетъ цѣли своихъ желаній“. Цабель видитъ въ романѣ только „повтореніе прежде созданныхъ типовъ“ и, подобно другимъ иностраннымъ критикамъ, не считаетъ нужнымъ выяснитъ замыселъ автора и прослѣдить его осуществленіе въ романѣ. Такимъ образомъ, болѣе или менѣе удовлетворительнаго разбора „Униженныхъ и оскорбленныхъ“ со стороны ихъ содержанія и основной идеи мы не встрѣчаемъ въ западной критической литературѣ, несмотря на то, что этотъ романъ занимаетъ довольно важное мѣсто въ идейномъ творествѣ Достоевскаго. Несравненно большее вниманіе западныхъ критиковъ возбудили къ себѣ „Записки изъ Мертваго дома“, благодаря своему интересному и оригинальному содержанію. Цѣнные наблюденія геніальнаго психолога-художника надъ средой каторжниковъ и, главное, точка зрѣнія самого автора, т. е. идейная сторона произве-

*) Цит. соч., стр. 242.

***) Цабель, Russ. Litteraturbilder, стр. 152, 153.

денія, наряду съ указанными уже нами выше большими художественными достоинствами — все это въ совокупности вызвало въ западной литературѣ бурю восторга.

Что же цѣннаго нашли иностранные критики въ самомъ содержаніи „Записокъ“, какіе идеи и взгляды автора ихъ болѣе всего поразили? У Вогюэ и Цабеля мы находимъ весьма подробное изложеніе содержанія „Записокъ“ и детальное обсужденіе отдѣльныхъ типовъ преступниковъ, выведенныхъ авторомъ. Вогюэ при изслѣдованіи творчества Достоевскаго и его личности ставитъ себѣ, между прочимъ, задачей—постигнуть Россію, изучить душу и особенности русскаго народа, и въ этомъ отношеніи „Записки изъ Мертваго дома“ доставляютъ критику много цѣннаго матеріала. Вогюэ особенно поражаетъ оригинальная черта русскаго народа—стремленіе къ страданію*),—о которой онъ судитъ по произведеніямъ Достоевскаго и больше всего по „Запискамъ изъ Мертваго дома“. Изъ всего идейнаго содержанія „Записокъ“ останавливаетъ на себѣ вниманіе французскаго критика идея благодати страданія, та „религія страданія“, которую исповѣдуютъ Достоевскій и всѣ его герои. Содержаніе „Записокъ“ открываетъ Вогюэ какой-то новый міръ съ оригинальными идеями, и онъ признается: „Дѣйствительное отчаяніе охватываетъ меня, когда я пытаюсь объяснить этотъ міръ нашему**).....“ Отмѣчая одну только идею благодати страданія, Вогюэ этимъ и ограничивается и обходитъ молчаніемъ всѣ остальные, подчасъ болѣе важныя идеи, выраженные въ „Запискахъ изъ М. д.“. Отмѣченный пробѣлъ восполняетъ отчасти Цабель. Онъ указываетъ на полное гуманнаго сочувствія отношеніе Достоевскаго къ изображаемымъ имъ преступникамъ и цитируетъ тѣ мѣста изъ „Записокъ“, въ которыхъ выражаются наиболѣе любопытные взгляды автора на каторжниковъ***) („Въ острогѣ было иногда такъ, что знаешь человѣка нѣсколько лѣтъ и думаешь про него, что это звѣрь, а не человѣкъ, презираешь его. И вдругъ приходитъ случайно минута, въ которую душа его невольнымъ

*) Цит. соч., стр. 238.

**) Ibidem, стр. 238.

***) Цабель. Russ. Litteraturbilder, стр. 145.

порывомъ открывається наружу и т. д.“ или „Всюду есть дурные люди, между дурными также и хорошие...“) и приводить известное заключение автора: „...И сколько силъ погбло здѣсь даромъ! Вѣдь надо ужъ все сказать...“ Цабель останавливается, помимо того, довольно подробно на отдѣльныхъ типахъ изъ „Записокъ“ и ихъ значеніи. Изъ другихъ критиковъ, подвергнувшихъ своему разбору содержаніе „Записокъ“, укажемъ еще на Валишевскаго, который, впрочемъ, весьма поверхностно коснулся идейной стороны разбираемаго произведенія. Подобно Воюэ, Валишевскій указываетъ на идею искупительнаго значенія страданія, ясно выраженную наряду съ другими въ „Запискахъ изъ Мертваго дома“. Вотъ что онъ пишетъ по этому поводу: „Идея, что преступленіе не есть проступокъ, а несчастіе, и идея высшаго могущества искупленія находятся въ основѣ этого способа мыслить и чувствовать. Онѣ господствуютъ во всѣхъ произведеніяхъ Достоевскаго...“*) Недостаткомъ содержанія „Записокъ“ Валишевскій считаетъ смѣшеніе авторомъ политическихъ преступниковъ съ обыкновенными, „помѣщеніе моральнаго закона и политическаго въ одну и ту же категорію условій, имѣющихъ одну и ту же относительную цѣнность**).“ Между тѣмъ, объединеніе различныхъ видовъ преступленія въ одну общую категорію не является недостаткомъ „Записокъ“, а прямо-таки весьма характерно для склада мысли Достоевскаго, развившагося у него на каторгѣ, и выясняетъ намъ взглядъ автора на преступленіе вообще. Въ статьяхъ другихъ иностранныхъ критиковъ, помимо перечисленныхъ, нельзя найти болѣе или менѣе подробнаго анализа „Записокъ изъ Мертваго дома“ со стороны ихъ содержанія. На долю „Записокъ“ выпалъ зато лестный отзывъ Ницше, вообще очень высоко цѣнившаго идейный элементъ произведеній Достоевскаго. При рѣшеніи вопроса о преступленіи и преступникѣ знаменитый философъ ссылается на взгляды Феод. Михайловича, выраженные имъ въ „Запискахъ изъ Мертваго дома“. „Этотъ чловѣкъ“, пишетъ

*) Валишевскій. Цит. соч., стр. 340.

***) Ibidem, стр. 339.

Ницше*), „пришелъ къ совершенно неожиданному для него взгляду на сибирскихъ каторжниковъ, среди которыхъ онъ долгое время жилъ. Все это были тяжкіе преступники, для которыхъ уже не было болѣе возврата въ общество, но которые, по мнѣнію Достоевскаго, были какъ бы вырублены изъ самага лучшаго, самага крѣпкаго и цѣннаго дерева, какое только можетъ произрастать на русской почвѣ“.

Наиболѣе обстоятельнаго разбора со стороны содержанія въ западной литературѣ удостоился романъ „Преступленіе и наказаніе“. Вогюэ, Цабель, Брандесъ, Рейнгольдтъ и др. слѣдятъ шагъ за шагомъ за постепеннымъ развитіемъ сюжета и рѣшеніемъ психологической проблемы, затронутой въ романѣ. Прослѣдимъ, насколько полно изслѣдованъ иностранными критиками идейный элементъ *chef-d'œuvre'a* Достоевскаго и насколько правильно постигнутъ замыселъ писателя. Брандесъ, который останавливаетъ свое вниманіе по преимуществу только на двухъ изъ романовъ Достоевскаго: „Преступленіе и наказаніе“ и „Братьяхъ Карамазовыхъ“, удѣляетъ разбору перваго большое мѣсто въ своемъ очеркѣ о нашемъ писателѣ**). Онъ лучше другихъ западныхъ критиковъ выясняетъ задачу автора и вскрываетъ идейную основу романа.

По мнѣнію Брандеса, „основной вопросъ, разбирающійся въ этой книгѣ,—тотъ же, которымъ были заняты многіе мыслящіе умы: самопротиворѣчащая двойственная оцѣнка обществомъ человѣческой жизни“***). Этой проблемой въ романѣ занимается Раскольниковъ, и критикъ даетъ подробную характеристику героя и описаніе его жизни. Брандесъ видитъ въ разбираемомъ имъ романѣ цѣлую картину общества, а не только изображеніе единичнаго явленія; въ доказательство справедливости своей мысли критикъ ссылается на слова слѣдователя, Порфирія Петровича, въ 3-ей части романа: („Ваша статья—порожденіе нашего времени, фантазія, соз-

*) Фр. Ницше. Собр. соч. т. VI. Сумерки кумировъ. Изд. Клюкина Стр. 153.

**) Цит. выше очеркѣ; изъ его 4 главъ посвящены разбору „Пр. и наказ.“ 2 главы: II-ая, III-ья и начало IV-ой.

***) Brandes. Цит. оч., гл. II, стр. 9.

данная книгами...“*) „Авторъ“, объясняетъ далѣе Брандесъ, „имѣль очевидно въ виду политическое броженіе, хотя онъ остерегается проронить слово о политикѣ. Въ романѣ, несомнѣнно, находится указаніе на царубійство“. Критикъ сравниваетъ Раскольникова съ политическими преступниками и находитъ между ними много общаго: безкорыстіе, увѣренность въ своемъ правѣ на преступленіе и идейное оправданіе послѣдняго. Еще раньше упомянувъ о „теоріи“ Раскольникова и идейныхъ мотивахъ его преступленія, Брандесъ указываетъ тутъ на лежащій въ ихъ основѣ принципъ: „цѣль освящаетъ средства“. Критикъ подробно обсуждаетъ этотъ принципъ, высказываетъ свое отношеніе къ нему и отмѣчаетъ роль, которую онъ играетъ въ „Преступленіи и наказаніи“. „Это положеніе, которое глупость ложно поняла и которымъ іезуиты злоупотребляли, будучи буквально понято, истинно. Слово „освящаетъ“ указываетъ на то, что имѣется въ виду хорошая, достойная цѣль“**). Брандесъ приводитъ примѣры, оправдывающіе этотъ принципъ, и старается объяснить ошибку Раскольникова, указанную, по его мнѣнію, самимъ авторомъ. „Достоевскій“, пишетъ критикъ, „не оспариваетъ, собственно, справедливости мыслей Раскольникова, но показываетъ, что тотъ не ясно сознаетъ свою цѣль, не знаетъ, дѣйствительно ли она хороша или нѣтъ“***). Съ послѣднимъ мнѣніемъ критика нельзя, однако, согласиться: Достоевскій, повидимому, въ романѣ возсталъ противъ „теоріи“ Раскольникова, какъ таковой, показавъ ея практическія послѣдствія и выразивъ свое отношеніе къ ней устами другихъ дѣйствующихъ лицъ романа (Соня, Разумихинъ, Порф. Петр.). Брандесу, такимъ образомъ, не удалось вѣрно опредѣлить отношеніе автора къ своему герою и его преступленію и, слѣдовательно, не удалось правильно постигнуть основную идею произведенія. Недостатокъ этотъ въ разборѣ датскаго критика объясняется тѣмъ, что послѣдній остановился исключительно на личности Раскольникова

*) Ibidem, гл III, стр. 16.

***) Ibidem, стр. 17.

****) Ibidem, стр. 18.

и его дѣйствіяхъ, оставивъ совершенно въ сторонѣ весь *entourage* героя „Преступленія и наказанія“. Между тѣмъ, подробный анализъ остальныхъ персонажей произведенія ихъ отношеній къ Раскольникову и роли во всей концепціи романа одинъ въ состояніи только вскрыть основную идею „Прест. и наказ.“ и ея постепенное развитіе. Несмотря на указанный значительный недостатокъ разбора „Преступленія и наказанія“ у Брандеса, онъ все-таки выдѣляется въ западной литературѣ своимъ большимъ вниманіемъ къ идейному элементу романа, и въ этомъ заключается его цѣнность. У другихъ критиковъ обсужденіе идейной стороны романа находится въ несравненно худшемъ положеніи, чѣмъ у Брандеса. Вогюэ, напримѣръ, передаетъ фабулу романа въ слѣдующихъ словахъ*): „Концепція романа—очень проста. У человѣка зародилась идея преступления; мысль созрѣваетъ, онъ ее приводитъ въ исполненіе, защищается нѣкоторое время отъ преслѣдованій правосудія, наконецъ, доведенный до необходимости признаться, онъ искупаетъ свое преступленіе“. Французскій критикъ, очевидно, совершенно проглядѣлъ глубокій смыслъ, вложенный авторомъ въ романъ; поэтому подъ его перомъ какъ-то несравненно мельче, банальнѣе кажется все содержаніе романа и весьма мало говоритъ о дѣйствительномъ сюжетѣ одного изъ самыхъ глубокомысленныхъ романовъ Достоевскаго. Не меньшіе недочеты мы можемъ замѣтить въ пониманіи критикомъ главнаго героя романа.

Для Вогюэ Раскольниковъ—„нигилистъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, человѣкъ интеллигентный, но безъ всякихъ принциповъ, безъ нравственныхъ правилъ (*sans scrupules*)“ вся душевная борьба, которую переживаетъ Раскольниковъ, его исканія остаются незамѣченными для критика. Ни о „теоріи“ Раскольникова, ни о роли ея въ убійствѣ, совершенномъ имъ, ни о страданіяхъ героя романа, вызванныхъ его сомнѣніями въ справедливости своихъ прежнихъ мыслей критикъ не говоритъ ни слова. Единственная мысль, которая послужила мотивомъ преступления, по словамъ Вогюэ, была слѣдующая: „Интеллигентный человѣкъ, который

*) Вогюэ, R. г.—стр. 247.

владѣль бы имуществомъ этой женщины (старухи—ростовщицы), могъ бы достигнуть всего; для этого достаточно было бы убить эту бесполезную и вредную старуху*)“. Одну доминирующую идею, которую критикъ старается съ непоколебимой настойчивостью прослѣдить во всѣхъ произведеніяхъ Достоевскаго, отмѣчаетъ онъ и въ „Преступленіи и наказаніи“—это идея искупительной и просвѣтляющей силы страданія и высокаго значенія состраданія. Въ этомъ смыслѣ только и объясняетъ Вогюэ образъ Сони, въ которомъ авторъ воплотилъ свой призывъ къ страданію. Характеризуя отношенія между Раскольниковымъ и Соней, критикъ говоритъ**): „Вотъ мы пришли къ почвѣ, къ которой Достоевскій всегда возвращается, къ основной концепціи христіанства въ русскомъ народѣ: это—благость страданія самого по себѣ, особенно страданія, претерпѣваемаго сообща, его единственная добродѣтель, рѣшающая всѣ трудности“. Если Вогюэ правильно отмѣчаетъ излюбленную идею Достоевскаго, то онъ зато настолько преувеличиваетъ ея значеніе въ „Преступленіи и наказаніи“, что склоненъ видѣть въ ней разгадку „тайнаго смысла“ романа, основываясь на извѣстной фразѣ, сказанной Раскольниковымъ Сонѣ: „Я не тебѣ поклонился, въ твоемъ лицѣ я поклонился всему человѣческому страданію“. Болѣе важныхъ идей романа критикъ совершенно не отмѣчаетъ, какъ будто бы вся суть его заключалась только въ „религіи страданія“. О значеніи образа Сони и другихъ персонажей въ развитіи основной идеи „Преступленія и наказанія“ мы ни слова не находимъ у Вогюэ. Онъ, правда, признаетъ, что, кромѣ главнаго героя романа, въ послѣднемъ есть еще и другія лица, которыя „даютъ матеріалъ для размышленій на цѣлые годы“, но не считаетъ нужнымъ остановиться на ихъ характеристикѣ и роли въ романѣ.

Въ анализѣ идейной стороны „Преступленія и наказанія“ критикъ Цабель не пошелъ дальше Вогюэ. Своему разбору романа онъ предпосылаетъ характеристику жизни

*) Rom. г.—стр. 247.

**) Ibidem, стр. 250.

въ Петербургѣ и его вліянія на жителей, чтобы обрисовать ту среду, въ которой возможны преступленія, аналогичныя изображенному въ романѣ. Критикъ подробно останавливается на душевной драмѣ, переживаемой Раскольниковымъ, обрисовываетъ его душевный обликъ, даетъ характеристику другихъ дѣйствующихъ лицъ романа, но также весьма далеко отъ пониманія идейнаго элемента „Преступленія и наказанія“. Нужно отдать справедливость Цабелю: онъ старается отмѣтить то явленіе русской общественной жизни, которое нашло себѣ отраженіе въ романѣ, и это ему отчасти удастся. По мнѣнію критика, романъ „Прест. и наказаніе“ представляетъ собой изображеніе нигилизма въ томъ видѣ, какой онъ принялъ въ 70—80 г.г., перейдя изъ нигилизма тургеневскаго Базарова въ терроризмъ. „Теорію“ Раскольникова, его дѣйствія критикъ связываетъ съ послѣдующими событіями русской жизни (покушенія на жизнь Царя Александра II) и въ этомъ смыслѣ считаетъ романъ пророческимъ. О вопросѣ морали, поставленномъ въ романѣ, о „теоріи“ Раскольникова, его нравственныхъ терзаніяхъ—Цабель, какъ и Вогюэ, почти ничего не говоритъ. Между тѣмъ, если принять во вниманіе постоянную чуткость Достоевскаго къ вопросамъ морали, необходимо предположить, что авторъ вложилъ въ свой романъ не только временный смыслъ, связанный съ отраженіемъ опредѣленнаго общественнаго явленія, но болѣе глубокую идею моральной цѣнности чело-вѣческой жизни, которая придаетъ роману общечеловѣческое и внѣвременное значеніе. На эту сторону „Преступленія и наказанія“ Цабель, какъ и многіе другіе иностранные критики, не обратилъ вниманія, почему и его объясненіе смысла романа не можетъ считаться вполне удовлетворительнымъ. Изъ другихъ западныхъ изслѣдователей русской литературы болѣе или менѣе остановившихъ свое вниманіе на содержаніи „Преступленія и наказанія“, отмѣтимъ Курьера и Рейнгольда. Первый изъ нихъ касается только двухъ центральныхъ фигуръ романа, Раскольникова и Сони Мармеладовой, но зато онъ удѣляетъ относительно большее вниманіе идейнымъ мотивамъ преступленія Раскольникова и ближе, слѣдовательно, подходитъ къ смыслу романа*). Подробно цитируетъ Курьеръ

*) Courgière, цит., соч., стр. 328.

теорію Раскольникова о дѣленіи людей на 2 категоріи и правахъ одной изъ нихъ, въ ней онъ видитъ „точку отправленія“ для заключеній о правѣ убійства. Курьеръ старается прослѣдить постепенное претвореніе идеи въ фактъ убійства, отмѣчаетъ раскаяніе преступника и благотворное вліяніе на него Сони, „этой кроткой натуры“, которое „въ концѣ привело Раскольникова къ идеямъ болѣе здоровымъ, болѣе высокимъ въ моральномъ отношеніи“. Какъ видно, Курьеръ правильно постигъ роль Сони въ романѣ и до нѣкоторой степени вѣрно уловилъ и отмѣтилъ основную идею романа, насколько это возможно, разумѣется, на протяженіи нѣсколькихъ страницъ его труда по исторіи русской литературы, посвященныхъ разбору „Преступленія и наказанія“. Что касается Reinholdt'a, то въ его объясненіи романа мы не находимъ ничего новаго по сравненію съ мнѣніемъ Брандеса. Соглашаясь съ послѣднимъ въ томъ, что „авторъ имѣлъ въ виду политическое броженіе, нигилистическое движеніе съ конца 60-хъ годовъ“, Рейнгольдтъ продолжаетъ*): „Преступленіе Раскольникова имѣетъ съ политическимъ преступленіемъ то общее, что оно не имѣло предъ собою неизменной цѣли доставить ему пріятное существованіе, но совершенно до опредѣленной степени безкорыстно и, прежде всего, человѣкомъ, который въ моментъ убійства не испытывалъ сомнѣній въ своемъ правѣ. Подобно политическому преступнику, Раскольниковъ исходитъ изъ положенія — „цѣль освящаетъ средства“, но Раскольниковъ еще не твердъ, не знаетъ, хороша ли его цѣль или нѣтъ. Отсюда внутренняя раздвоенность его самого послѣ совершенія поступка, отсюда ужасное возрастаніе сознанія вины, которое его принуждаетъ подъ конецъ къ добровольному признанію и раскаянію“. Нетрудно замѣтить полную тождественность объясненій романа „Преступленія и наказанія“ у Рейнгольдта и Брандеса**), и, слѣдовательно, къ первому примѣнимы всѣ тѣ указанія на достоинства и недостатки разбора романа, которыя мы сдѣлали выше въ примѣненіи къ датскому критику***). Въ предыду-

*) Reinholdt.—стр. 695.

**) См. выше, стр. 76 и 77, о Брандесѣ.

***) См. выше, стр. 77.

щемъ изложеніи мы разсмотрѣли, въ какомъ состояніи находится анализъ содержанія „Преступленія и наказанія“ и его идейной стороны у наиболѣе извѣстныхъ иностранныхъ критиковъ. Если отбросить нѣкоторыя черты различія между разборами этого романа, принадлежащими указаннымъ выше иностраннымъ авторамъ, то легко будетъ замѣтить въ нихъ весьма невысокій уровень идейнаго анализа „Прест. и наказанія“. Во всѣхъ иностранныхъ критическихъ статьяхъ, обсуждающихъ это произведеніе Достоевскаго, указывается на общественное явленіе, отразившееся въ романѣ, подвергается болѣе или менѣ обстоятельному психологическому анализу личность самого Раскольникова, но зато не выясняется основная идея романа, не указываются взаимоотношенія между дѣйствующими лицами и ихъ роль въ общей концепціи „Прест. и наказ.“, оставляются безъ надлежащаго вниманія „теорія“ Раскольникова и его идейныя тревоги и исканія, совершенно не отмѣчается цѣлый рядъ второстепенныхъ идей, нашедшихъ себѣ воплощеніе во второстепенныхъ персонажахъ романа,—однимъ словомъ, во всѣхъ этихъ разборахъ „Прест. и наказанія“ недостаетъ той вдумчивости, глубины и полноты идейнаго анализа, которыя необходимы для пониманія произведеній нашего художника-мыслителя. Правда, единичные очерки иностранныхъ критиковъ (какъ, напр., Брандеса и отчасти Курьера) производятъ въ этомъ отношеніи болѣе отрадное впечатлѣніе, но и они оставляютъ желать много лучшаго. Можно было бы, пожалуй, объяснить отсутствіе полного и удовлетворительнаго разбора содержанія „Прест. и нак.“ въ западной литературѣ сравнительно узкими рамками небольшихъ этюдовъ о творчествѣ Достоевскаго; но, если судить въ соотвѣтствіи съ тѣмъ необычайнымъ восторгомъ, который вызвалъ этотъ романъ у иностранныхъ критиковъ, съ подробнымъ обсужденіемъ въ ихъ статьяхъ художественныхъ и прочихъ особенностей „Прест. и наказанія“, то тѣмъ поразительнѣе для насъ будетъ этотъ недостатокъ вниманія къ идейной сторонѣ, одной изъ наиболѣе цѣнныхъ сторонъ романа. Недостатки анализа содержанія общепризнаннаго въ иностранной критикѣ шедевра Достоевскаго и украшенія міровой литературы даютъ намъ возможность уже заранѣе предсказать,

въ какомъ положеніи будетъ находиться въ ней обслѣдованіе идейной стороны послѣдующихъ, сравнительно менѣ цѣнныхъ на взглядъ западныхъ изслѣдователей) романовъ Достоевскаго. (И, дѣйствительно, надъ той частью западной критики, которая посвящена обсужденію этихъ послѣднихъ произведеній со стороны ихъ содержанія, можно вполне помѣстить извѣстную Дантовскую надпись: „lasciate ogni speranza, voi ch'entrate“. Художественные недостатки этихъ произведеній („Идіотъ“, „Бѣсы“, „Братья Карамазовы“) почти совершенно отвратили взоры западно-европейскихъ изслѣдователей творчества Д-го отъ идейнаго содержанія этихъ романовъ. Ближе рассмотримъ нѣкоторые разборы послѣднихъ произведеній Достоевскаго въ западной литературѣ и перейдемъ сначала къ роману „Идіотъ“. Вогюэ обрисовываетъ личность князя Мышкина, этого „излюбленнаго дѣтища“ Достоевскаго, указываетъ на автобіографическія черты „идіота“, характеризуетъ положеніе Мышкина среди окружающаго его общества „ростовщиковъ, лгуновъ, плутовъ“ и отношеніе къ нему женщинъ. Далѣе, критикъ удивляется основной идеѣ „Идіота“, той „упорной идеѣ“, къ которой авторъ постоянно возвращается, о „превосходствѣ простаго умомъ и страдающаго человѣка*)“. Критикъ старается объяснить себѣ причину удивившаго его „ожесточенія всѣхъ русскихъ идеалистовъ противъ мысли, противъ полноты жизни“ и разгадку этого явленія видитъ въ слѣдующемъ: „Они имѣютъ влеченіе къ той основной истинѣ, что жить, дѣйствовать, мыслить—значитъ совершать поступокъ, смѣшанный изъ добра и зла; всякій, кто дѣйствуетъ, создаетъ и уничтожаетъ въ одно и то же время, устраиваетъ себѣ мѣсто насчетъ кого-нибудь или чего-нибудь. Слѣдовательно, не думать, не дѣйствовать—это значитъ уничтожать предназначенія судьбы, дѣлать зло наряду съ добромъ; но такъ какъ зло ихъ болѣе поражаетъ, чѣмъ добро, то они убѣгаютъ въ прибѣжище ничтожества, они восхищаются и преклоняются передъ идіотомъ, существомъ пассивнымъ, бездѣятельнымъ; онъ, правда, не дѣлаетъ добра, зато не дѣла-

*) Вогюэ, цит. соч.—стр. 259.

еть и зла, слѣдовательно, при пессимистической концепціи міра, онъ наилучшій*)“. Удивленіе Вогюэ, быть можетъ, разсѣялось бы, если бы онъ правильно понялъ смыслъ романа „Идіотъ“ и настоящую излюбленную идею Достоевскаго. Достоевскій никогда не былъ противъ полноты жизни, противъ „дѣйствія и мысли“, какъ таковыхъ, а только, разумѣется, противъ преступныхъ дѣйствій и порочныхъ мыслей. Въ образѣ князя Мышкина, какъ и въ образахъ Сони Мармеладовой и Алеши Карамазова, Достоевскій воплотилъ свою дѣйствительно любимую идею о превосходствѣ людей *высокихъ нравственныхъ качествъ*, хоть и не образованныхъ и простыхъ, надъ умными, но погрязшими въ порокахъ людьми. А эта послѣдняя идея, какъ видно, многимъ отличается отъ той, которую приписалъ Достоевскому французскій критикъ. Далѣе, кромѣ краткаго обсужденія идеи „Идіота“, характеристики кн. Мышкина и бѣглаго упоминанія о Рогожинѣ, мы ничего не находимъ въ этюдѣ Вогюэ; остальные дѣйствующія лица, интересные женскіе типы романа, отношеніе ихъ къ „идіоту“, способствующее выясненію основной идеи романа, затѣмъ цѣлый рядъ второстепенныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубокихъ идей, воплощенныхъ въ другихъ персонажахъ „Идіота“—все это обходится молчаніемъ въ очеркѣ Вогюэ. Послѣдній, не измѣняя своей тенденціи подчеркивать господствующую въ произведеніяхъ Достоевскаго идею благодати и высокаго значенія страданія, отмѣчаетъ ее и въ „Идіотѣ“. Онъ приводитъ въ примѣръ встрѣчающіяся въ романѣ выраженія, проникнутыя глубокимъ аскетизмомъ: „Проходите впередъ насъ и простите намъ наше счастье“ или: „Я боюсь, что недостойнъ моего страданія“ и т. п. Этимъ и ограничивается Вогюэ въ своемъ разборѣ содержанія „Идіота“. Валишевскій удѣляетъ лишь нѣсколько строкъ разбору этого романа. Въ немъ онъ видитъ вліяніе Толстого съ его проповѣдью евангельской доктрины и словъ Спасителя: „Будьте, какъ дѣти“. Основной тезисъ „Идіота“, по словамъ Валишевскаго, заключается въ слѣдующемъ**):

*) Ibidem, стр. 259 и 260.

***) Валишевскій, цит. соч.—стр. 346 и 347.

„Умъ, пораженный въ нѣкоторыхъ своихъ силахъ, которыя мы считаемъ существенными и которыя служатъ намъ только для зла, можетъ превосходить другіе умы въ интеллектуальномъ, и особенно въ моральномъ отношеніи“. Такимъ образомъ, Валишевскій лучше Вогюэ понялъ основную идею „Идіота“, но въ общемъ анализѣ содержанія романа пошелъ также не далеко. Присоединивъ къ предыдущему еще нѣсколько словъ по поводу кн. Мышкина, Валишевскій этимъ и заканчиваетъ свой разборъ „Идіота“. Въ худшемъ положеніи находится обсужденіе этого романа у Цабеля. Кромѣ краткой характеристики кн. Мышкина, въ сущности говоря, дающей весьма слабое представленіе о самомъ романѣ и его идеѣ, мы находимъ у него еще указаніе на отразившуюся въ „Идіотѣ“ ненависть Достоевскаго „къ либеральнымъ побѣгамъ, которые возшли повсюду въ странѣ*)“. По словамъ Цабеля, Достоевскій „причисляетъ ихъ къ тому злу, которое было перенесено въ Россію съ Запада“. Что касается другихъ изъ разсматриваемыхъ нами западныхъ критиковъ и изслѣдователей русской литературы, то они совершенно не удѣляютъ вниманія роману „Идіотъ“. Reinholdt, напримѣръ, только упоминаетъ объ „Идіотѣ“ въ числѣ „романовъ-памфлетовъ“ (Идіотъ, Бѣсы, Подростокъ), въ которыхъ авторъ поставилъ своей цѣлью „сорвать маску съ лица кумира (интеллигенціи) и выставить его во всей его наготѣ**“; а Курьеръ совсѣмъ не касается въ своей книгѣ этого романа, хотя онъ также отчасти (по изображенію нигилизма) можетъ быть причисленъ къ „соціальнымъ романамъ“, особенно интересующимъ этого изслѣдователя русской литературы. Изъ предыдущаго ясно, сколь мало вниманія удѣлили иностранные критики Достоевскаго содержанію одного изъ его главныхъ произведеній, и въ какомъ печальномъ положеніи находятся тѣ разборы романа, которые мы встрѣчаемъ въ западной литературѣ о Достоевскомъ. Тутъ умѣстно будетъ упомянуть о томъ, что указанный нами пробѣлъ въ иностранной критикѣ въ выясненіи идейнаго элемента содержанія послѣднихъ романовъ Достоевскаго отчасти пополняетъ Г-жа Hoffmann, ав-

*) Цабель. Russ. Litteraturbilder, стр. 172.

**) Reinholdt, цит. соч.—стр. 696.

торъ біографіи писателя. Она вводитъ въ свой трудъ о нашемъ писателѣ (Th. M. Dostojewski, Biographische Studie) планы содержаній главныхъ его произведеній, выясняетъ ихъ смыслъ и отдѣльныя интересныя идеи, находитъ связь между отдѣльными типами Достоевскаго, отмѣчаетъ отдѣльныя стадіи эволюціи идей нашего писателя, однимъ словомъ, болѣе другихъ западныхъ изслѣдователей удѣляетъ вниманіе внутренней сути творчества Θεодора Михайловича, несмотря на то, что трудъ Г-жи Hoffmann имѣетъ своей главной цѣлью біографію Достоевскаго. Въ своемъ разборѣ „Идіота“ Hoffmann обращаетъ вниманіе читателя на идейную сторону романа. По ея мнѣнію, въ этомъ произведеніи „выступаетъ новая форма христіанскихъ воззрѣній“ Достоевскаго*). „Если мы у Раскольникова находимъ надежду на внутреннее искупленіе вины будущей христіанской вѣрой и любовью, то здѣсь, въ „Идіотѣ“ предъ нашими глазами стоитъ воплощеніе высокой, христіанской мудрости безъ всякаго „принципа“, безъ принужденія, съ ея величайшей прелестью**“).

Hoffmann останавливается болѣе или менѣе подробно на характеристикѣ главныхъ персонажей романа и ихъ взаимоотношеніяхъ. „Князь Мышкин“, какъ удачно характеризуетъ его Hoffmann, „не—идіотъ, но та прекрасная фигура, которая повторяется въ литературахъ многихъ народовъ, безсмертно живетъ въ нѣмецкой сагѣ въ Парсифалѣ, у русскаго же народа не только въ сказкѣ, въ качествѣ героя, но также, какъ дитя народа, „Иванушка-дурачекъ“, живетъ еще и теперь среди него, вызывая насмѣшки и сочувствіе со стороны его окружающихъ“. Hoffmann переходитъ далѣе къ характеристикѣ женскихъ образовъ романа (Настасья Филипповна, Аглая) и довольно хорошо выясняетъ ихъ роль въ „Идіотѣ“. Обратимся теперь къ роману „Бѣсы“. Это произведеніе возбудило къ себѣ вниманіе западныхъ критиковъ, благодаря затрагиваемому имъ явленію русской общественной жизни. Стоитъ только прочесть отзывы о „Бѣсахъ“, встрѣчающіеся въ западной литературѣ, чтобы увидѣть, что

*) Hoffmann, цит. соч. —стр. 281.

***) Ibidem, стр. 281 и 282.

сдѣлало этотъ романъ цѣннымъ въ глазахъ иностранныхъ критиковъ, несмотря на неоднократно указываемые большіе недостатки его. Нетрудно будетъ убѣдиться, что именно разъясненіе нигилистическаго и революціоннаго движенія, его происхожденія и характерныхъ особенностей болѣе всего заинтересовало западныхъ изслѣдователей русской литературы. На этой сторонѣ романа они поэтому и останавливаются преимущественно при разборѣ содержанія „Бѣсовъ“. „Бѣсы“, пишетъ Вогюэ, „это изображеніе нигилистическаго, революціоннаго міра. Романистъ ясно указываетъ свою мысль беря въ качествѣ эпиграфа стихи Св. Писанія о заклинаніи, бѣсовъ“^(*)).

Разсказавъ объ отношеніяхъ между Тургеневымъ и Достоевскимъ и ихъ литературномъ соперничествѣ, сказавшемся въ особенности въ „Бѣсахъ“, Вогюэ сопоставляетъ этотъ романъ съ „Новью“ Тургенева, въ виду того, что они трактуютъ одинъ и тотъ же сюжетъ—„революціонный разговоръ въ маленькомъ провинціальномъ городѣ“, и отдаетъ предпочтеніе „драматическому психологу“ предъ авторомъ „Нови“. Достоевскій, по его мнѣнію, „лучше проникъ во всѣ изгибы этихъ искривленныхъ душъ“, хотя всѣ нигилисты Достоевскаго „порождены ихъ вѣчнымъ прототипомъ, циникомъ изъ „Отцовъ и дѣтей“^(**)“. „Бѣсы“ Вогюэ считаетъ пророческой книгой, изобразившей то явленіе общественной жизни, которое въ послѣдствіи разрослось. „Эта книга“, пишетъ критикъ, „есть объясненіе“; „Достоевскій намъ показываетъ разныя категоріи умовъ, изъ которыхъ вербуются секта“. Вогюэ перечисляетъ эти категоріи и характеризуетъ каждую изъ нихъ^(***). Къ первой, по его мнѣнію, относится лейтенантъ Эркель, человѣкъ вѣрующій, „который весь свой религіозный пылъ вложилъ въ службу атеизму“, затѣмъ идутъ люди „слабые, которые подчиняются магнетизму силы и слѣдуютъ за руководителями“, далѣе „размышляющіе пессимисты“, какъ инженеръ Кирилловъ, и наконецъ, „худ-

*) Вогюэ, цит. соч., стр. 260.

***) Ibidem, стр. 262.

****) Ibidem.

шіе изъ „одержимыхъ бѣсами“, которые убиваютъ, чтобы выразить протестъ противъ существующаго порядка вещей, котораго сами не понимаютъ, чтобы сдѣлать странное и новое примѣненіе своей воли...“ Главное значеніе романа „Бѣсы“ Вогюэ видить въ разъясненіи того, что составляетъ силу нигилистовъ. Отвѣтъ, который даетъ книга, на взглядъ критика, слѣдующій: „Сила эта заключается въ характерѣ нѣсколькихъ людей (т. е. руководителей)“, отнюдь не въ самихъ идеяхъ и не въ организаци революціоннаго общества. Если Вогюэ хорошо выяснилъ значеніе романа въ смыслѣ обрисовки и объясненія нигилистически-революціоннаго движенія въ Россіи, то его разборъ романа грѣшитъ все-таки большими недочетами, изъ которыхъ мы укажемъ на непониманіе отдѣльныхъ типовъ изъ „Бѣсовъ“ и полнѣйшее игнорированіе весьма цѣнной идейной стороны романа. Кирилловъ, на примѣръ, для Вогюэ—это „человѣкъ безъ всякихъ принциповъ, рѣшившійся умереть, потому что онъ не можетъ найти ихъ“; религіозныя и, вообще, идейныя исканія его, своеобразная философія смерти этого въ высшей степени интереснаго типа, одержимаго „идеями“, подобно многимъ героямъ Достоевскаго, остались совершенно незамѣченными для французскаго критика. Въ такомъ же положеніи находится у него и обсужденіе другихъ героевъ „Бѣсовъ“, изъ которыхъ каждый почти имѣетъ самостоятельное значеніе и выражаетъ извѣстную „идею“.

Игнорированіе идейнаго элемента романа въ очеркѣ Вогюэ понятно, если обратить вниманіе на его пренебрежительное отношеніе къ „апокалипсическимъ теоріямъ“, переполняющимъ, по мнѣнію критика, этотъ и безъ того „запутанный и плохо построенный романъ“. Курьера интересуетъ въ „Бѣсахъ“ то же, что и Вогюэ. Онъ даже подробнѣе послѣдняго изучаетъ тѣ типы, изъ которыхъ сложился нигилистическій кружокъ въ романѣ. Курьеръ даетъ характеристику Ставрогина, Верховенскаго, Шатова, Кириллова, Эркеля, Шигалева и въ заключеніе выясняетъ сущность русскаго нигилизма въ отличіе отъ западно-европейскаго*). По его мнѣнію, „русскіе

*) Courrière, цит. соч.—стр. 333.

нигилисты не объявляютъ, какъ западные социалисты, войны капиталу, богатству, собственности, а только стремятся къ уничтоженію умственнаго превосходства и образованія“. Въ изображеніи этого интереснаго общественнаго теченія Курьеръ видитъ значеніе соціальныхъ романовъ Д-аго, вообще, и „Бѣсовъ“, въ частности. Познакомившись съ русскимъ нигилизмомъ и его представителями въ изображеніи Достоевскаго, Курьеръ, какъ Вогюэ, совершенно оставляетъ въ сторонѣ идейное значеніе отдѣльныхъ типовъ романа, не выясняетъ отношенія автора къ обрисованному имъ явленію и не указываетъ на основную идею романа. Въ худшемъ состояніи находится обсужденіе содержанія „Бѣсовъ“ у другихъ западныхъ критиковъ. Брандесъ совсѣмъ обходитъ молчаніемъ этотъ романъ, Валишевскій*) и Рейнгольдтъ**) лишь весьма кратко упоминаютъ о немъ. Несправедливо-строгій отзывъ о романѣ мы встрѣчаемъ у Цабеля; который, вообще говоря, отрицательно относится къ послѣднимъ произведеніямъ Достоевскаго, вслѣдствіе ихъ невысокой художественной цѣнности. „Книга эта“, пишетъ нѣмецкій критикъ, „едва ли имѣла бы какое-либо значеніе, если бы она не была памятникомъ безмѣрной ненависти, которую чувствовалъ писатель къ Ивану Тургеневу***)“. Въмѣсто того, чтобы подвергнуть анализу самое содержаніе „Бѣсовъ“, Цабель подробно останавливается на исторіи отношеній между Достоевскимъ и Тургеневымъ и лишь въ концѣ прибавляетъ по поводу самого романа****): „Разсматриваемый съ чисто литературной точки зрѣнія, романъ „Бѣсы“ изображаетъ нигилистическое возстаніе, но безъ всякой логики въ развитіи характеровъ и безъ планомѣрнаго дѣйствія, которое могло бы намъ объяснить болѣе глубокой смыслъ этого движенія“. Такимъ образомъ, не признавая никакого значенія за „Бѣсами“, Цабель не удостоиваетъ его совершенно разбора. Если не считать того анализа содержанія романа, который мы находимъ у Hoffmann, удѣляющей значительное вниманіе идеямъ романа, всѣ остальные разборы

*) Валишевскій, стр. 347.

**) Рейнгольдтъ, стр. 696.

*** Zabel. Russ. Litteraturbilder, стр. 173.

****) Ibidem, стр. 174.

„Бѣсовъ“ въ западной литературѣ отличаются весьма бѣглымъ, поверхностнымъ характеромъ и грѣшатъ большими недочетами. Какъ мы уже выше указали, въ западной критикѣ совершенно не оцѣнены и не поняты многіе изъ интереснѣйшихъ и важныхъ по своему идейному значенію образовъ романа, созданныхъ Достоевскимъ (какъ, напр., Кирилловъ, Шатовъ, Шигалевъ и др.)*); въ ней выясненъ, пожалуй, только остовъ романа и со вершенно неизслѣдованной остается вся идейная глубина „Бѣсовъ“. Приступая къ обзору иностранной критики „Братьевъ Карамазовыхъ“, мы наталкиваемся на еще болѣе печальную картину. Если недостатокъ вниманія къ идейному содержанію „Бѣсовъ“ можно было бы еще считать менѣе важнымъ, то непростительно зато игнорированіе всего идейнаго элемента „Братьевъ Карамазовыхъ“, этой лебединой пѣсни Достоевскаго, которая должна была увѣнчать собой все творчество нашего художника-мыслителя. Вспомнимъ, какое важное мѣсто должно было занимать это произведеніе, по замыслу Достоевскаго, въ циклѣ его идейныхъ романовъ; если замыслу писателя не вполне удалось осуществиться и романъ остался незаконченнымъ, то все-таки изученіе этого произведенія, заключающаго въ себѣ глубины мысли, необходимо въ цѣляхъ правильнаго пониманія творчества и личности автора. „Братья Карамазовы“, какъ извѣстно, по мысли Достоевскаго, должны были представлять синтезъ всѣхъ тѣхъ мыслей, взглядовъ, чувствъ, которыми волновалась его душа въ продолженіе почти всей жизни; въ этомъ романѣ должна была получить полное завершеніе философія Достоевскаго, постепенно развивавшаяся въ ширь и глубь на протяженіи всѣхъ его произведеній. Несмотря однако на ту выдающуюся роль, которую играетъ романъ въ идейномъ творествѣ Достоевскаго, онъ не привлекъ къ себѣ въ иностранной критикѣ того вниманія, котораго заслуживаетъ по своему значенію. Художественные недостатки „Братьевъ Карамазовыхъ“, необычайная сложность мистической фи-

---

* В русскои критикѣ изслѣдуютъ ихъ идейное значеніе Волинскій, Ивановъ-Разумникъ, Мережковскій, Вернеръ и др.

лѳософіи, нашедшей въ романѣ свое выраженіе—эти два обстоятельства, по преимуществу, заставили западныхъ излѣдователей Достоевскаго отказаться отъ подробнаго обсужденія содержанія романа и ограничиться только суммарными замѣчаніями о немъ и бѣглымъ изложеніемъ сюжета. Нѣсколько примѣровъ изъ статей о Достоевскомъ наиболѣе извѣстныхъ иностранныхъ критиковъ смогутъ подтвердить наши предыдущія общія замѣчанія объ отношеніи въ западной критической литературѣ къ послѣднему роману писателя. Вогюэ, на примѣръ, отмѣчая художественные недостатки и необычайную растянутость „Братьевъ Карамазовыхъ“, считаетъ поэтому лишнимъ хотя бы вкратцѣ разобрать содержаніе романа и, присоединивъ къ своимъ словамъ заявленіе: „Я не буду больше останавливаться на „Братяхъ Карамазовыхъ*)“, переходитъ къ дальнѣйшему изложенію своей статьи. У Курьера совершенно отсутствуетъ даже упоминаніе объ этомъ романѣ. Нѣкоторое обсужденіе содержанія „Братьевъ Карамазовыхъ“ мы находимъ у Валишевскаго, Цабеля, Брандеса и Рейнгольда. Валишевскій кратко выясняетъ задачу автора и нѣсколькими крупными штрихами очерчиваетъ содержаніе романа. По объясненію Валишевскаго*), авторъ „попытался изобразить умственное движеніе 60-хъ годовъ съ его экзальтаціей и революціоннымъ идеализмомъ. 2 старшихъ брата, какъ полагаютъ, символически олицетворяютъ 2 болѣзненныхъ явленія, которыя сопровождали этотъ кризисъ: болѣзнь воли у Димитрія, безнравственнаго человѣка, болѣзнь мысли у Ивана..... Третій братъ, Алеша—портретъ, какъ думаютъ, философа Соловьева..... носить въ себѣ символъ святой Россіи, ускользящей отъ умственнаго броженія и нравственной испорченности, благодаря своей національной вѣрѣ и любви“. Валишевскій не соглашается къ мнѣніемъ тѣхъ, кототые „желаютъ видѣть въ 2-хъ первыхъ братьяхъ олицетвореніе европеизированной Россіи и Россіи некультурной, а въ 3-мъ картину Россіи будущаго, достигшей гармоническаго сліянія національныхъ элементовъ культуры съ гуманитарными иде-

*) Р. г Вогюэ, стр. 266.

**) Валишевскій, стр. 348.

алами, заимствованными у Запада". По мнѣнію Валишевскаго, послѣдняя картина должна была ясно выступить только во 2-ой части романа. Останавливаясь на дѣйствующих лицахъ „Братьевъ Карамазовыхъ“, французскій критикъ среди нихъ отмѣчаетъ старца Зосиму, который занимаетъ видное мѣсто въ романѣ, „какъ истолкователь философскихъ, религиозныхъ и соціальныхъ идей, изложенныхъ авторомъ въ цѣлой доктринѣ“. На этихъ идеяхъ, во множествѣ наполняющихъ романъ, Валишевскій не останавливается и откровенно признается въ своемъ безсиліи постичь мистическую философію Достоевскаго. „Я не претендую“, говоритъ онъ, „достичь большой ясности въ моемъ собственномъ усиліи толкованія. Пусть меня извиняютъ. Я—плохой знатокъ мистцизма и былъ бы удивленъ, если бы мнѣ доказали, что Достоевскій самъ имѣлъ въ этомъ отношеніи очень ясныя взгляды“. Что касается „Легенды о великомъ инквизиторѣ“, то Валишевскій передаетъ ея содержаніе, но не объясняетъ ея отношенія къ роману и не касается ея идейнаго значенія и затронутыхъ ей религиозно-нравственныхъ вопросовъ.

Весьма характерно отношеніе Цабеля къ „Братьямъ Карамазовымъ“, прекрасно показывающее, сколь велико было вліяніе художественныхъ недостатковъ романа на общую оцѣнку его въ западной литературѣ. Приступая къ обсужденію „Братьевъ Карамазовыхъ“, Цабель предварительно выясняетъ свою точку зрѣнія, идущую въ разрѣзъ со взглядами русскихъ критиковъ. Двѣ черты романа обезцѣниваютъ, по мнѣнію этого критика, содержаніе его: это, во-первыхъ, неосуществленіе широкихъ замысловъ автора и, во-вторыхъ, художественные недостатки романа. Вотъ что пишетъ Цабель по этому поводу:*) „..... Мы могли бы также сильно сомнѣваться во внутренней цѣнности романа въ противоположность русскимъ критикамъ, которые считаютъ это произведеніе однимъ изъ самыхъ выдающихся явленій ихъ родной и, возможно даже, міровой литературы, потому что такая чрезмѣрная похвала могла бы быть оправдана только тогда, когда было бы позволено въ искусствѣ принимать желаніе за

*) Цабель. Russische Litteraturbilder, стр. 175.

исполненіе, намѣреніе за дѣло, идею за ея осуществленіе“. Критикъ признаетъ, что „планы Достоевскаго въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ очень грандіозны, его размахъ—сильнѣйшій“. Далѣе, Цабель снова вступаетъ въ полемику съ русскими критиками по поводу значенія „Братьевъ Карамазовыхъ“. „Русскіе критики“, читаемъ мы у него*), „могутъ еще высоко цѣнить то, что писатель возбудилъ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ множество вопросовъ относительно религіи, государства и общества, свободное обсужденіе которыхъ въ прессѣ не было бы дозволено цензурой; мы же настаиваемъ на томъ, что подобныя наполовину выраженныя идеи безъ пластически-округленной фабулы и безъ живыхъ характеристикъ лицъ не есть предметъ искусства“. Судя по отрицательному отношенію Цабеля къ роману, можно предвидѣть, въ какомъ положеніи будетъ у него находиться разборъ содержанія „Братьевъ Карамазовыхъ“. И дѣйствительно, кромѣ краткаго обзора содержанія и небольшихъ характеристикъ дѣйствующихъ лицъ романа, мы ничего не находимъ въ его этюдѣ о Достоевскомъ въ книгѣ „Russische Litteraturbilder“. Въ другомъ своемъ трудѣ**) Цабель слегка касается идейнаго элемента романа, ставя его въ связь съ міросозерцаніемъ самого автора. Онъ пишетъ***): „Въ рамкахъ семейной исторіи, которая насъ знакомитъ съ 4-мя различно созданными сыновьями стараго развратника, Достоевскій старается изложить все свое этическое міросозерцаніе. Онъ проповѣдуетъ евангеліе труда, который одинъ только дѣлаетъ насъ достойными членами общества..... Могучій идейный полетъ придаетъ содержанію книги сильно субъективный характеръ. Авторъ, какъ будто, пользуется отдѣльными фигурами, какъ масками, черезъ которыя онъ говоритъ къ читателямъ“.

Сравнительно больше вниманія удѣляетъ идейной сторонѣ „Братьевъ Карамазовыхъ“ Брандесъ и Рейнгольдтъ. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что первый совершенно обошелъ молчаніемъ содержаніе романа, его основную идею

*) Ibidem, стр. 177.

**) „Literarische Streifzüge durch Russland“. Berlin. 1885.

***) Ibidem, стр. 92.

и указалъ только нѣкоторыя другія интересныя идеи романа. Наряду съ аскетической идеей благодати страданія Брандесъ отмѣчаетъ „византійско-христіанскій“ взглядъ Достоевскаго на влеченіе къ жизни, какъ на злой принципъ, идею, которую „онъ мистически воплотилъ въ 3-хъ братьяхъ Карамазовыхъ“*). Критикъ приводитъ одинъ изъ діалоговъ между атеистомъ Иваномъ и его младшимъ братомъ въ качествѣ примѣра, подтверждающаго его мысль. Далѣе**) Брандесъ обращаетъ вниманіе на состраданіе Достоевскаго, замѣчаемое у него, несмотря на любовь къ жестокостямъ и страданіямъ, и объясняемое „мягкой, чувствительной“ натурой писателя. „Состраданіе для него“, пишетъ критикъ, „есть что-то въ родѣ религіи, и оно иногда становится на пути его системы, его вѣры въ Бога, его христіанства. Онъ въ достаточной мѣрѣ діалектикъ, чтобы произвести страшное нападеніе на вѣру въ Бога изъ-за страданій на землѣ“***). Брандесъ тутъ ссылается на перечисленіе Иваномъ Карамазовымъ всѣхъ человѣческихъ жестокостей. Съ особеннымъ восхищеніемъ отзывается знаменитый критикъ о „Легендѣ о великомъ инквизиторѣ“, высоко цѣняя его идейную сторону. „Съ удивительной высотой и величіемъ развилъ Достоевскій религіозную проблему, которую онъ себѣ поставилъ, въ замысловатой „Легендѣ о великомъ инквизиторѣ“, авторомъ которой онъ сдѣлалъ Ивана; ради нея одной только „Братья Карамазовы“ заслуживаютъ быть переведенными“****). Брандесъ приводитъ эту „легенду“ и присоединяетъ сюда слѣдующее замѣчаніе: „Эта легенда осуждается въ романѣ, какъ вышедшая изъ атеистическихъ мыслей, но уже сама композиція ея показываетъ, съ какой серьезностью и полнотою ставилъ себѣ Достоевскій различные вопросы и изслѣдовалъ ихъ“*****). Если самъ Брандесъ не далъ намъ болѣе или менѣе обстоятельнаго разбора содержанія „Братьевъ Карамазовыхъ“, то онъ все-таки по достоинству оцѣнилъ идейную сторону романа и,

*] Brandes. Цит. очеркъ—стр. 23.

**] Ibidem, стр. 24.

* *) Ibidem, стр. 24.

****) Ibidem.

*****) Ibidem, стр. 25.

одинъ изъ весьма немногихъ иностранныхъ критиковъ, съ большимъ сочувствіемъ отмѣтилъ религіозно-нравственныя исканія Д-аго, отразившіяся въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“. Это видно изъ приведенныхъ выше отзывовъ датскаго критика о послѣднемъ произведеніи Θεодора Михайловича. Сочувственный отзывъ о романѣ мы встрѣчаемъ также у Reinholdt'a. Онъ останавливается на отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицахъ романа и кратко отмѣчаетъ его основную идею. По мнѣнію Reinholdt'a,*) „Братья Карамазовы“—это глубоко продуманное произведеніе, въ которомъ авторъ изложилъ всю свою сильно проникнутую мистицизмомъ христіанскую философію, свое политическое исповѣданіе и выразилъ свои внутреннія испытанія“. Подобно Брандесу, Reinholdt среди дѣйствующихъ лицъ романа выдѣляетъ старца Зосиму, которому „Достоевскій влагаетъ въ уста свои религіозныя, философскія и социальныя воззрѣнія“. „Религіозный элементъ“, какъ замѣчаетъ Reinholdt, „играетъ главную роль въ романѣ“. „Основная идея романа“, по словамъ нѣмецкаго критика, „заключается въ самостоятельной свободѣ религіозно-нравственной личности въ ея стремленіи къ внутреннему совершенству; какъ возвышеннѣйшее культурное стремленіе русскаго народа, показывается тутъ проникновеніе его интеллекта, политическихъ формъ и практическихъ отношеній между людьми чистой, неиспорченной, утвердившейся въ сердцахъ людей древней религіей Христа, религіей внутренней „духовной Церкви“. Reinholdt, такимъ образомъ, какъ и Брандесъ, удѣляетъ вниманіе идейной сторонѣ „Братьевъ Карамазовыхъ“, но ихъ обсужденія романа все-таки очень кратки и неспособны, поэтому, дать болѣе или менѣе полнаго представленія о глубинѣ содержанія произведенія. Въ сужденіяхъ этихъ критиковъ имѣютъ значеніе, слѣдовательно, не столько полнота изслѣдованія содержанія романа (чего, понятно, нельзя требовать, въ виду малыхъ размѣровъ ихъ этюдовъ о Достоевскомъ), сколько ихъ сочувственное отношеніе и высокая оцѣнка идей-

*) Reinholdt. Цит. соч.—стр. 696.

**) Ididem, стр. 697.

наго элемента „Братьевъ Карамазовыхъ“. Въ заключеніе укажемъ еще на разборъ романа, встрѣчающійся у г-жи Hoffmann, отличающейся, вообще говоря, большой чуткостью къ идейнымъ красотамъ произведеній нашего художника-мыслителя. Она останавливается на самыхъ интересныхъ въ идейномъ отношеніи мѣстахъ „Братьевъ Карамазовыхъ“, отмѣчаетъ оригинальныя идеи Достоевскаго, характеризуетъ „Легенду о великомъ инквизиторѣ“, находитъ связь между типами „Братьевъ Карамазовыхъ“ и персонажами предыдущихъ произведеній Достоевскаго,—однимъ словомъ, въ извѣстной мѣрѣ способствуетъ ознакомленію читателя съ самой цѣнной стороной послѣдняго романа писателя*). Если не считать разбора „Братьевъ Карамазовыхъ“ у г-жи Hoffmann и отдѣльныхъ достоинствъ критики этого романа у Брандеса и Рейнгольда, то нужно будетъ признать, что общее состояніе идейнаго обслѣдованія „Братьевъ Карамазовыхъ“ въ западной критической литературѣ о Достоевскомъ не удовлетворяетъ даже самымъ снисходительнымъ требованіямъ. Такимъ образомъ, какъ разъ тѣ произведенія Достоевскаго, въ которыхъ болѣе всего сказались его идейныя исканія („Идіотъ“, „Бѣсы“ и „Братья Карамазовы“), совсѣмъ мало оцѣнены и изслѣдованы съ этой стороны въ иностранной критикѣ. Излишне, разумѣется, повторять, какой большой недочетъ въ западной литературѣ о Достоевскомъ представляетъ это отсутствіе идейнаго анализа послѣднихъ твореній писателя. Можно было бы, пожалуй, тутъ сослаться на отсутствіе на Западѣ большихъ трудовъ-изслѣдованій о Достоевскомъ, какія необходимы для указанной цѣли (каковы, напр., въ русской литературѣ труды Мережковскаго и Волынскаго). Гораздо важнѣе, поэтому, указать на то отрицательное, даже пренебрежительное отношеніе большинства видныхъ западныхъ критиковъ къ мистической философіи Достоевскаго. Это отношеніе сквозитъ во всѣхъ ихъ отзывaxъ о послѣднихъ романахъ нашего писателя. „Бѣдный метафизикъ“—такъ называетъ Достоевскаго Воюэ**); романъ „Бѣсы“ для него „переполненъ чисто апокалипсическими теоріями“.

*) Hoffmann. Th. M. Dostojewski, стр. 425—428.

***) R. г.—стр. 242.

Такъ же отзывается о философіи Достоевскаго Валишевскій. Онъ сомнѣвается, „имѣлъ ли самъ Достоевскій очень ясныя взгляды въ отношеніи мистицизма*)“ и съ видимымъ пренебреженіемъ отвергаетъ его мистическую философію, нашедшую себѣ полное выраженіе въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“. Въ „легендѣ о великомъ инквизиторѣ“ Валишевскій видитъ „философскія и религіозныя пренія, проникнутыя настоящимъ византійскимъ духомъ, безконечныя, неясныя, преисполненныя разныхъ тонкостей**).....“ Объ отношеніи Цабеля къ философіи Достоевскаго достаточно свидѣтельствуя приведенные выше отзывы его о послѣднихъ романахъ писателя***). Такимъ образомъ, если въ обсужденіи и оцѣнкѣ многихъ сторонъ творчества Достоевскаго можно было найти сходство между иностранной и русской критикой, то въ отношеніи ихъ къ идейной сторонѣ творчества нашего писателя нетрудно замѣтить коренное различіе. Русскіе критики преклоняются предъ великимъ умомъ нашего художника-мыслителя, съ восхищеніемъ отмѣчаютъ идейное богатство его творчества****) и стараются возможно полнѣе изслѣдовать его, въ то время какъ западные критики относятся къ философіи Достоевскаго, въ лучшемъ случаѣ, индифферентно и изъ всего огромнаго цикла идей его отмѣчаютъ лишь нѣкоторыя, наиболѣе поразившія ихъ (Вогюэ и Брандесъ—идею благодати страданія и др. аскетическія идеи), но далеко не самыя главныя. Весьма любопытно будетъ тутъ замѣтить, что даже сопоставленіе Достоевскаго съ Ницше, въ виду поразительнаго сходства многихъ ихъ идей, было проведено не въ иностранной литературѣ, а въ русской („Достоевскій и Ницше“ Шестова; „Достоевскій и Ницше“—публичная лекція проф. А. В. Смирнова. Казань, 1903 г.). Даже Брандесъ, другъ и поклонникъ Ницше, не замѣтилъ точекъ соприкосновенія между идейнымъ творчествомъ Достоевскаго и фи-

*) См. выше, стр. 92.

**) Валиш., цит. соч., стр. 350.

***) См. выше стр. 93.

****) Письмо Страхова къ Достоевскому по поводу „Бѣсовъ“: „Въ отношеніи богатства и разнообразія идей Вы у насъ первый, и даже Толстой въ сравненіи съ Вами однообразенъ“. (Цит. по труду г-жи Hoffmann, стр. 397).

лософіей Ницше. Датскій критикъ, придерживаясь терминологіи нѣмецкаго философа, называетъ мораль Достоевскаго „лучшимъ выраженіемъ морали рабовъ“*), совершенно не отмѣчая, что Достоевскій также далъ выраженіе Въ своихъ романахъ „морали господъ“ (теорія Раскольникова, Человѣкобогъ Кириллова) и, очевидно, самъ пережилъ много сомнѣній, пока наконецъ не нашель себѣ успокоеніе въ лонѣ христіанской морали. Самъ Ницше только, какъ бы чувствуя свое душевное родство съ русскимъ гениемъ, платитъ обильную дань преклоненія великому уму Достоевскаго. „Достоевскій“, пишетъ нѣмецкій философъ**),—„единственный психологъ, у котораго я кое-чему научился. Знакомство съ нимъ принадлежитъ къ числу самыхъ счастливыхъ случайностей въ моей жизни..... Это—человѣкъ *глубокаго ума* и души.....“ Въ 1873 г. Ницше писалъ къ Брандесу: „Теперь я читаю русскихъ писателей и особенно Достоевскаго. Я просиживаю надъ нимъ цѣлыя ночи и упиваюсь *глубиной его мыслей*“. Этотъ голосъ нѣмецкаго философа, къ сожалѣнію, звучитъ почти одиноко въ западной литературѣ, которая не оцѣнила по достоинству идейныя исканія Достоевскаго и его великій умъ.

Г Л А В А VIII.

Литературныя вліянія, которымъ подвергся Достоевскій.

Разсмотрѣніе разныхъ сторонъ творчества Достоевскаго должно было, естественно, привести иностранныхъ критиковъ къ обсужденію вопроса о томъ, подъ какими вліяніями развился и окрѣплъ его литературный талантъ. По данному вопросу, впрочемъ, мы находимъ въ западной литературѣ весьма краткія указанія, что и понятно, если принять во вниманіе

*) Brandes, цит. оч., стр. 8.

**) Фр. Ницше. Собр. соч. т. VI, изд. Клюкина. „Сумерки кумировъ“, стр. 153.

недостатокъ подробнаго изслѣдованія этихъ вліяній даже въ болѣе богатой русской критической литературѣ о Достоевскомъ. Чтобы изслѣдовать литературныя вліянія, въ послѣдствіи сказавшіяся въ произведеніяхъ Θεодора Михайловича, западные изслѣдователи его пользуются, во-первыхъ, біографическими данными, сообщающими объ увлеченіи Достоевскаго съ юности нѣкоторыми русскими и иностранными писателями. „Онъ съ ранняго возраста читалъ необыкновенно много“, пишетъ по поводу Достоевскаго Брандесъ*), „12-ти лѣтъ онъ уже прочелъ Карамзина и Вальтеръ-Скотта, „Исторію“ и много историческихъ романовъ... Въ инженерной школѣ читалъ онъ особенно усердно Бальзака, грезилъ о Pèrе Goriot...“ занимался также много Жоржъ Зандъ, Евгеніемъ Сю, Диккенсомъ и Гофманомъ, которыхъ всѣхъ можно узнать въ его произведеніяхъ“. Брандесъ почему-то среди писателей, которыми увлекался Достоевскій, не упомянулъ о Гоголѣ, но этотъ недочетъ восполняютъ другіе западные критики. Такъ Воюэ пишетъ**): „Пробѣлъ въ классическомъ образованіи Достоевскій старался пополнить усиленнымъ чтеніемъ. Особенно дѣйствовала на его воображеніе Жоржъ-Зандъ, хотя *излюбленнымъ его писателемъ былъ все-таки Гоголь*“. На большое вліяніе Гоголя, которому подвергся Достоевскій уже при первыхъ шагахъ своихъ на литературномъ поприщѣ, указываютъ, разумѣется, почти всѣ западные критики. Обсуждая повѣсть „Бѣдные люди“, Цабель замѣчаетъ***): „Вѣроятно, Достоевскій не такъ вѣрно нашелъ бы литературное выраженіе для своего матеріала, если бы ему не предшествовалъ у Гоголя классическій образецъ подобнаго рода изображеній“. То же относительно слѣдующихъ повѣстей Θεод. Михайловича. „Если повѣсть „Бѣдные люди“, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Цабель****), „напоминаетъ „Шинель“ Гоголя, то другой рассказъ „Двойникъ“ напоминаетъ его же „Записки сумасшедшаго“. Приведемъ также отзывъ Рейнгольдта о вліяніи Гоголя на Достоевскаго*****): „Θεод. Мих. Достоевскій

*) Цит. оч.—стр. 5.

**) R. russe—стр. 206.

***) Цаб. Russ. Litteraturbilder—стр. 118.

****) Ibidem, стр. 123,

*****) Reinholdt, Gesch. der russ. Litter.—стр. 692.

въ своихъ раннихъ произведеніяхъ стоитъ ближе всего къ родоначальнику „натуральной школы“. Основной тонъ гоголевскихъ разсказовъ изъ жизни петербургскаго пролетаріата звучитъ въ повѣсти „Бѣдные люди“ и др. разсказахъ перваго періода (Двойникъ, Прохарчинъ, Слабое сердце, Нечочка Незванова) и въ написанномъ по возвращеніи изъ Сибири романѣ „Униженные и оскорбленные“. Какъ видно изъ дальнѣйшаго содержанія очерка Рейнгольдта, „основной тонъ“ этотъ, который онъ имѣетъ въ виду,—„филантропическій“. Къ сожалѣнію, мы не находимъ у заграничныхъ критиковъ подробнаго указанія на самостоятельныя черты Достоевскаго по сравненію съ Гоголемъ въ обработкѣ сходныхъ сюжетовъ. Краткое упоминаніе только на этотъ счетъ мы встрѣчаемъ у Вогюэ и Валишевскаго. Первый говоритъ по поводу „Бѣдныхъ людей“: „Правда, своимъ произведеніемъ „Шинель“ Гоголь уже намѣтилъ путь, но Достоевскій соединялъ съ ироніей учителя и *бездну чувства*“. Валишевскій же раздѣляетъ взглядъ Бѣлинскаго на вліяніе Гоголя*). „Бѣлинскій не ошибся: Д-ій многимъ обязанъ Гоголю, какъ Лермонтовъ Пушкину, но онъ оригиналенъ. Онъ начинаетъ, какъ никто изъ писателей не началъ...“

Мы позволимъ себѣ тутъ привести въ параллель русскую критику о Достоевскомъ, которая превосходно отмѣтила различіе между первыми повѣстями его и петербургскими разсказами Гоголя. Во-первыхъ, Бѣлинскій замѣчаетъ слѣдующее: „Если можно подумать, что Макару Алексѣвичу Дѣвушкину, старику Покровскому и г-ну Голядкину старшему Достоевскаго нѣсколько сродни Поприщинъ и Ак. Ак. Башмачкинъ Гоголя, то въ то же время нельзя не видѣть, что между лицами романовъ Достоевскаго и повѣстей Гоголя существуетъ такая же разница, какъ и между Поприцинымъ и Башмачкинымъ....“ Затѣмъ полно выясняетъ различіе между сходными типами Достоевскаго и Гоголя по обрисовкѣ и отношенію къ нимъ авторовъ русскій критикъ Арс. Введенскій („Обществ. самосознаніе въ русск. литер.“ 1900; см. Зелинск., т. I, стр. 392). Что касается иностранныхъ

*) Валишевскій, стр. 335.

вляній, отразившихся въ отдѣльныхъ произведеніяхъ Достоевскаго, то въ западной литературѣ о немъ спорадически встрѣчаются указанія на отдѣльныхъ иностранныхъ писателей, вліяніе которыхъ чувствуется въ иныхъ образахъ и идеяхъ Θεод. Михайловича. Вогюэ и Валишевскій отмѣчаютъ въ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицахъ „Униженныхъ и оскорбленныхъ“ вліяніе Диккенса и Евгенія Сю.

„Маленькая Нелли, незаконная дочь кн. Вальковскаго и его жертва, отличается прелестью и очаровательностью, но со своимъ англійскимъ именемъ она пришла прямо изъ-за моря. Диккенсъ *scripsit*“*), такъ говоритъ Валишевскій. Далѣе онъ переходитъ къ указанію на слѣды вліянія Евг. Сю въ „Униженныхъ и оскорбленныхъ“. „Въ общемъ**), подъ вліяніемъ новаго и быстраго чтенія Достоевскій просто пересоздалъ сантиментальный романъ XVIII-аго вѣка, введя туда заимствованія изъ Евгенія Сю, который былъ для него всегда любимымъ писателемъ“.

Вогюэ подозрѣваетъ вліяніе Сю въ типѣ кн. Вальковскаго и, подобно Валишевскому, сближаетъ Нелли съ „привлекательными дѣтьми“ Диккенса***). Въ „Преступленіи и наказаніи“ останавливаетъ на себѣ вниманіе Цабеля образъ Сони, наводящій критика на мысль о томъ, что Достоевскій при обрисовкѣ его подражалъ Гюго. „Сантиментальныя проститутки Виктора Гюго“, пишетъ Цабель****), „вѣроятно, были моделями для этой фигуры (Сони), но Соня Достоевскаго имѣетъ притомъ еще самостоятельное существованіе, она рѣзкими чертами и удачно охарактеризована и вовлечена авторомъ въ одну изъ самыхъ трогательныхъ ситуаций романа“. На большое сходство Сони съ проститутками Гюго въ русской критикѣ указалъ Бороздинъ, но онъ зато подмѣтилъ между ними бѣльшее различіе, чѣмъ Цабель, и, очевидно, не считаетъ фигуру Сони заимствованной Достоевскимъ у французскаго писателя. Цитируемъ его слова въ

*) Цит. соч.—стр. 338.

***) Ibidem.

****) R. г.—стр. 241 и 242.

*****) „Literarische Streifzüge durch Russland“—стр. 91.

pendant къ приведенному выше мнѣнію Цабеля: „Какъ проститутка, Сонечка можетъ быть сравниваема съ типомъ Фантины въ романѣ В. Гюго „Les misérables“, но разница между этими личностями очень велика: въ то время, какъ Фантина до крайности идеализирована у В. Гюго и представляется чистѣйшимъ созданиємъ фантазіи, Достоевскій взялъ свою Сонечку изъ дѣйствительной жизни“*). Вліяніе Гюго видитъ Порицкій также и въ повѣсти „Кроткая“**) и сопоставляетъ ее съ рассказомъ Гюго „Послѣдній день приговореннаго къ смерти“. Чрезмѣрно преувеличиваетъ иностранныя литературныя вліянія, которыя испыталъ на себѣ Д-ій, Валишевскій. Онъ дѣлаетъ цѣлый рядъ рискованныхъ и совсѣмъ необоснованныхъ предположеній о различныхъ заимствованіяхъ у западныхъ писателей, которыя будто бы замѣтны въ произведеніяхъ нашего писателя. Примѣромъ можетъ служить мнѣніе этого критика относительно содержания главнаго романа Достоевскаго, „Прест. и наказанія“ Вотъ что читаемъ мы у него по этому поводу***): Студентъ Раскольниковъ, который признаетъ свое право на убійство и грабежъ въ силу своихъ плохо провѣренныхъ научныхъ теорій,—не есть лицо, вымыселъ котораго могъ бы приписать себѣ русскій романистъ. Достоевскій читалъ, вѣроятно, произведенія Bulwer Lytton'a до или послѣ произведеній В. Гюго“. Валишевскій въ подтвержденіе своей мысли проводитъ параллель между Раскольниковымъ и Евгениемъ Арамомъ, героемъ романа Bulwer Lytton'a, и наряду съ нѣкоторымъ различіемъ находитъ большое сходство между названными героями и сюжетами сравниваемыхъ романовъ. Но разумѣтся, сходство идей и сюжетовъ не всегда даетъ еще право говорить о заимствованіи, и въ данномъ случаѣ вопросъ о заимствованіи Достоевскимъ идеи его главнаго романа и сюжета находится подъ большимъ сомнѣніемъ. Замѣтимъ кстати, что сходство сюжетовъ „Преступленія и наказанія“ и романа Bulwer Lytton'a было отмѣчено и рус-

*) Бороздинъ. Литер. характеристики, т. II, вып. II.

**) Poritzky. Heine, Dostojewski, Gor'kij—стр. 77.

***) Валишевскій, цит. соч.—стр. 342, 343.

ской критикой въ лицѣ Головина*), но послѣдній тѣмъ не менѣе не пришелъ къ заключенію о заимствованіи Достоевскимъ у англійскаго писателя.

Увлеченный своимъ неуклоннымъ стремленіемъ подчеркивать иностранныя вліянія, подъ которыми находилось творчество Достоевскаго, Валишевскій даже ту особенность „Преступленія и наказанія“, которую онъ считаетъ недостаткомъ романа, именно „множество фабулъ“, относить на счетъ западнаго вліянія. „Эта особенность не имѣетъ ничего специфически національнаго, и я попытался бы приписать отвѣтственность за нее англійской школѣ. Сравните „Daniel Deronda“ George'a Elliot (**).

Слѣды вліянія западныхъ писателей на Достоевскаго указанный критикъ находитъ также въ „Бѣсахъ“. По его мнѣнію, это романъ „загадочный и запутанный, сильно отмѣченный романтическими чертами, которыя, кажется, заимствованы у „Корсара“ Байрона, „Hernani“ В. Гюго и аристократическихъ демагоговъ Жоржъ Зандъ, Евгенія Сю, Карла Гуцкова и Шпильгагена (***)). Авторъ рецензіи (***) о трудѣ Валишевскаго пишетъ о немъ слѣдующее: „Онъ преувеличиваетъ свои литературныя параллели, производя русскую природу отъ западныхъ идей и недостаточно производя идеи изъ русской природы“. Это справедливое замѣчаніе вполне подтверждается въ очеркѣ Валишевскаго о Достоевскомъ, гдѣ почти совершенно стушевывается самобытность творчества нашего писателя. Даже многопрославленный гуманизмъ Достоевскаго Валишевскій старается вывести изъ иностранныхъ источниковъ и полемизируетъ поэтому съ Вогюэ, по мнѣнію котораго гуманизмъ нашего писателя выросъ на самобытной

---

*) Головинъ. (Русс. романъ и р. общество“ Спб. 1897): „.....Извѣстный романъ Бульвера „Юджинъ Арамъ“—произведеніе тоже очень крупное и до извѣстной степени параллельное „Прест. и наказанію“. Арамъ—такой же бѣднякъ, какъ Раскольниковъ, и подобно ему совершаетъ убійство, чтобы пріобрѣсти средства на свои ученыя занятія“ и т. д.

**) Валишев., цит. соч.—стр. 345 и 346.

***) Ibidem, стр. 347.

****) Вѣстн. Евр. 1900, кн. 6-ая, стр. 810.

русской почвѣ*). При обсужденіи „Записокъ изъ Мертваго дома“ Валишевскій говоритъ**): „Достоевскій сочувствуетъ заключеннымъ всѣхъ категорій. Онъ искренно удивляется силѣ грубой энергіи нѣкоторыхъ разбойниковъ и старается оправдываться, придавая значеніе чертамъ доброты, благородства, которыя онъ открываетъ подъ ихъ грубой оболочкой. *Но это просто отголосокъ романтической школы и гуманныхъ идей Запада*“. Въ общемъ, Валишевскій со своей тенденціей отыскивать повсюду иностранное происхожденіе многихъ чертъ творчества Достоевскаго является исключеніемъ въ западной критикѣ, которая съ похвальнымъ безпристрастіемъ указываетъ слѣды иностраннаго вліянія у нашего писателя только тамъ, гдѣ дѣйствительно о нихъ можно говорить.

Г Л А В А IX

Научная оцѣнка творчества Достоевскаго въ иностранной литературѣ.

Достоевскій принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ міровыхъ писателей, творчество которыхъ имѣетъ не только большое значеніе въ изящной литературѣ, но и представляетъ огромную цѣнность для науки. Для полноты изслѣдованія творчества подобныхъ художниковъ слова требуется, разумѣется, не только литературная критика ихъ произведеній, но и специально-научный анализъ, производимый учеными специалистами, которые налагаютъ на творчество такихъ писателей твердо установленный и точный научный масштабъ. Такъ это, въ дѣйствительности, и произошло съ оцѣнкой произведеній Достоевскаго и въ русской и въ западной литературѣ. Въ русской литературѣ о Достоевскомъ есть превос-

*) Цит. соч., стр. 261.

**) Ibidem, стр. 341.

ходная рѣчь извѣстнаго юриста А. Кони, произнесенная имъ въ годовомъ собраніи Юридич. Общества при С.-Петербур. Унив. 2-го фев. 1881 г.*). Въ ней знаменитый юристъ даетъ блестящую характеристику Достоевскаго, какъ писателя-криминалиста, глубокаго знатока преступной души, художника, который пролилъ обильный свѣтъ въ темную, загадочную область преступленія, вскрылъ все разнообразіе причинъ, толкающихъ челоуѣка на путь паденія, обрисовалъ различные типы преступниковъ и выяснилъ истинную природу и значеніе наказанія. Подвергнувъ оцѣнкѣ заслуги Достоевскаго, какъ криминалиста, А. Θ. Кони подробнѣе указываетъ на отдѣльные вопросы уголовного права и уголовного судопроизводства, на которые далъ отвѣтъ писатель въ своихъ главныхъ твореніяхъ: „Запискахъ изъ М. дома“ и „Преступленіи и наказаніи“. Прекрасный pendant къ этой рѣчи А. Θ. Кони, устанавливающей заслуги Достоевскаго въ области криминалистики, представляетъ изслѣдованіе русскаго психіатра В. Чижа „Достоевскій какъ психопатологъ**“. По мнѣнію извѣстнаго ученаго, „собраніе сочиненій Достоевскаго—это почти полная психопатологія: тамъ можно найти изложеніе всего существеннаго этой науки: многое, очень многое, если не все извѣстное въ психіатріи, можно изучить въ произведеніяхъ Д-аго“, даже болѣе: „благодаря своему гению, Достоевскій далеко опередилъ науку...“ Такимъ образомъ, изслѣдованія А. Θ. Кони и В. Чижа, рассматривающія литературную дѣятельность Д-аго съ точки зрѣнія ея научнаго значенія, устанавливають, какой цѣнный вкладъ сдѣлалъ писатель въ научную разработку сложныхъ вопросовъ криминалистики и психопатологіи. Обратимся теперь къ положенію вопроса о научной цѣнности творчества Θεод. Мих. въ западной литературѣ. Большое значеніе для науки произведеній Достоевскаго чувствовали, разумѣется, и литературные критики Запада. Вогюэ, на примѣръ, пишетъ слѣдующее по поводу „Преступленія и наказанія“: „Люди науки, посвятившіе себя изученію психическихъ сторонъ челоуѣ-

*) Помѣщена затѣмъ въ „Очеркахъ и воспомин.“ того же автора (С.-Пб. 1906 г.).

**) „Русскій Вѣстникъ“—1884 г. и отдѣльное изданіе.

ческаго духа, прочтуть, я увѣренъ, съ наслажденіемъ это изслѣдованіе въ области уголовной психологіи, наиболѣе глубокое изъ появившихся послѣ „Макбета“ Шекспира“ или далѣе: „положительно я не могу указать ни на одно изъ цѣлаго ряда лицъ, выведенныхъ Достоевскимъ, которое бы д-ръ Шарко не призналъ за больного“. Точная научная оцѣнка творчества Достоевскаго принадлежитъ иностраннымъ ученымъ-спеціалистамъ, изъ которыхъ укажемъ сначала на итальянскихъ криминалистовъ Ферри и Гарофало. Интересъ къ Достоевскому въ кругахъ западныхъ ученыхъ-криминалистовъ сталъ проявляться съ того времени, какъ въ криминалистикѣ возникло новое направленіе, поставившее себѣ задачей не изслѣдованіе отвлеченныхъ понятій преступленія и наказанія, примѣняемыхъ безъ различія къ разнообразнымъ типамъ преступниковъ, а изслѣдованіе и изученіе конкретныхъ фактовъ преступленія, изученіе преступника, какъ человѣка опредѣленнаго душевнаго склада. Въ связи съ этимъ направленіемъ шло развитіе новыхъ дисциплинъ криминалистики, криминальной психологіи и антропологіи, выясняющихъ своеобразный психическій укладъ преступника и даже специфическія черты антропологическаго характера, черты физическаго вырожденія (С. Lombroso, *L'uomo delinquente* и др. труды). Интересъ къ психической и физической организаціи преступника заставилъ ученыхъ обратиться и къ художественной литературѣ, часто трактующей вопросъ преступленія, въ надеждѣ найти, съ одной стороны, подтвержденія научныхъ выводовъ, а съ другой, нѣкоторыя разъясненія и наблюденія въ данной области художниковъ слова. Итальянскій ученый Ферри остановился въ своемъ трудѣ*) по преимуществу на художественной литературѣ новаго времени.

Къ произведеніямъ, которыя обсуждаетъ Ферри съ научной точки зрѣнія, относятся драмы Шекспира („Макбетъ“, „Отелло“), романы Зола (*Bête humaine*), драмы Ибсена и произведенія Достоевскаго, среди послѣднихъ, главнымъ образомъ,—„Записки изъ Мертваго дома“ и „Преступленіе и

---

*) Фр. переводъ: *Les criminels dans l'art et la littérature* par Enrico Ferri. Traduit de l'italien par Eugène Laurent. Paris 1897.

наказаніе“. Воздавъ должное французской и итальянской литературамъ за ихъ освѣщеніе вопросовъ преступленія, Ферри однако отдаеть предпочтеніе сѣвернымъ литературамъ въ лицѣ ихъ геніальныхъ представителей—Ибсена, *Достоевскаго* и Толстого, въ виду особенно высокаго значенія произведеній послѣднихъ для криминалистики. Изъ твореній Достоевскаго останавливаетъ на себѣ вниманіе Ферри своей научной цѣнностью „Записки изъ М. дома“. Сравненіе ихъ съ аналогичными произведеніями приводитъ этого ученаго къ выводу о превосходствѣ „Записокъ“. Если записки Silvio Pellico имѣють больше автобіографическое значеніе, а записки Кропоткина представляютъ лишь изслѣдованіе аномальныхъ условій вліяній среды, то „Достоевскій, наоборотъ, сосредоточиваетъ все усиліе своего умственнаго взгляда на физико-психологическихъ условіяхъ людей, которые движутся и борются въ атмосферѣ тюремъ. Онъ не забываетъ среды, но не дѣлаетъ изъ нея главнаго объекта своего изученія*“). Отмѣчая, что въ „Запискахъ изъ М. дома“ своеобразно сочетаются художественныя достоинства съ научной точностью наблюденій, Ферри въ слѣдующихъ словахъ выясняетъ научное значеніе разбираемаго имъ произведенія: „Эта книга представляетъ для антрополога-криминалиста драгоцѣнный сборникъ человѣческихъ документовъ о криминальныхъ типахъ. Сама форма произведенія, его стиль, медленный ходъ разсказа, повороты, частыя отступленія свидѣтельствуютъ объ абсолютной достовѣрности и точности автора“. И далѣе: „Кто бы не изучалъ преступниковъ въ тюрьмѣ, снабженный достаточными познаніями психологіи и психопатологіи, могъ бы найти снова въ книгѣ Достоевскаго уже видѣнные персонажи. Что касается меня, который изучалъ между другими и каторжниковъ изъ остроговъ Pesaro и Castelfranco въ авг. и окт. 1881 г. и который провелъ больше мѣсяца между ними, спрашивая ихъ или наблюдая безъ ихъ вѣдома, чтобы добыть точныя данныя объ убійцѣ, то я долженъ только переименовать имена каторжниковъ, описанныхъ русскимъ ссыльнымъ, чтобы снова увидѣть живущихъ въ моей

*) Цит. соч.—глава VIII.

памяти самых странных или самых страшных обитателей итальянских тюремъ.... Достоевскій въ своемъ разсказѣ далъ такое богатство и разнообразіе психологическихъ данныхъ, что ихъ нужно разсматривать, какъ новый примѣръ прорицаній искусства, такъ часто сходныхъ съ научными утверждениями*)“. Ферри на основаніи изученія преступныхъ типовъ Достоевскаго, выведенныхъ послѣднимъ въ „Запискахъ изъ М. дома“, и поразительнаго сходства ихъ съ наблюденными имъ самимъ и другими криминалистами типами преступниковъ еще болѣе укрѣпляется въ выводѣ относительно однообразія главныхъ психологическихъ и, главное, физическихъ чертъ всѣхъ преступниковъ, что, какъ извѣстно, составляетъ краеугольный камень криминальной антропологии, разсматривающей прирожденнаго преступника, какъ антропологическій типъ, очень мало зависящій отъ вліянія расовыхъ и національныхъ отличій. Въ этомъ, разумѣется, и на взглядъ Ферри, заключается большое научное значеніе „Записокъ“, служащихъ краснорѣчивымъ подтвержденіемъ основныхъ выводовъ криминальной антропологии и психологии. Далѣе, итальянскій ученый подмѣчаетъ болѣе мелкія, но цѣнныя особенности наблюденій Достоевскаго надъ жизнью каторжниковъ, попутно указывая на совпаденіе ихъ съ научными наблюденіями и выводами (какъ, напр., вліяніе временъ года на обитателей тюремъ и наблюденія Магго), и приводитъ мысли геніальнаго автора о необходимости строгой классификаціи преступниковъ и заключенныхъ. Переходя къ „Преступленію и наказанію“ и „Бѣсамъ**“), Ферри присоединяется къ мнѣнію Вогюэ, что Достоевскій „открываетъ новые горизонты на души, отличныя отъ нашихъ“, и особенно восторгается тѣмъ разнообразіемъ мотивовъ преступленій и обрисовкой разнообразныхъ способовъ убійства и раскаянія, которыя выступаютъ въ твореніяхъ Достоевскаго, какъ бы предвосхитивъ выводы науки. „Каждый изъ его портретовъ преступниковъ“, пишетъ итальянскій ученый, „каждый спеціальнй типъ—строгой психологической точности. Полити-

---

*) Ibidem.

***) Ibid.

ческий маттоидъ въ „Бѣсахъ“ изображенъ иначе, чѣмъ при-
рожденные преступники и рѣдкіе преступники изъ-за страсти
въ „Мертвомъ домѣ“. Общее заключеніе Ферри, его оцѣнка
таланта Достоевскаго выражаются въ слѣдующихъ словахъ*):
„Достоевскій въ психологическомъ романѣ—это то, что Дан-
те въ поэзіи и Шекспиръ въ драмѣ“. „Въ артистическомъ
изображеніи преступника триумvirатъ дивныхъ писателей—
Ибсена, Толстого и Достоевскаго достигъ, въ романахъ До-
стоевскаго особенно, величія по истинѣ дантовскаго или шекс-
пировскаго“. Приведенные выше отзывы Ферри свидѣтель-
ствуютъ о томъ, какое большое значеніе съ научной точки зрѣ-
нія приписываетъ онъ главнымъ произведеніямъ Достоевскаго;
взглядъ итальянскаго ученаго въ этомъ отношеніи совпадаетъ
со взглядомъ Кони съ той только разницей, что первый
разсматриваетъ болѣе специальное отношеніе наблюденій и
образовъ нашего писателя къ извѣстному направленію кри-
минальной науки, однимъ изъ представителей котораго являет-
ся самъ Ферри. Такого же высокаго мнѣнія о Достоевскомъ,
какъ писателѣ-криминалистѣ, другой итальянскій ученый
Гарофало**).

Пытаясь установить тѣ аномальныя психическія черты,
которыя характеризуютъ, по его мнѣнію, уголовнаго преступ-
ника, Гарофало обращается, между прочимъ, къ Достоевскому
и его „Запискамъ изъ Мертваго дома“, откуда черпаетъ цѣлый
рядъ важныхъ данныхъ, указывающихъ на психическія ано-
малии преступниковъ. Съ глубокой вѣрой въ авторитетность
показаній Достоевскаго Garofalo анализируетъ обрисованные
писателемъ образы каторжниковъ. „Можно ли сомнѣваться“,
пишетъ онъ, „въ описаніи знаменитаго писателя, который
провелъ среди нихъ долгіе годы, заключенный въ „Мертвый
домъ“? Garofalo отмѣчаетъ полное совпаденіе наблюденій
Достоевскаго съ научными наблюденіями. „Достоевскій***), со-
здавъ произведеніе искусства, далъ намъ наиболѣе полную
психологию преступника, и, что удивительно, это то, что этотъ

*) Ibid.

***) Фр. перев.: Garofalo. Etude sur la nature du crime et la théorie de la pénalité. Paris. 1888.

****) Ibidem, стр. 90.

портретъ славянскаго преступника, заключеннаго въ сибирскую тюрьму, походить совершенно на портретъ итальянскаго преступника, начерченнаго Ломброзо“. Далѣе, итальянскій ученый на основаніи описаній Достоевскаго выводитъ характерныя черты психологіи преступника: отсутствіе укоровъ совѣсти, атрофія нравственнаго сознанія, разгулъ страстей, безпечность и др. Уже одно то обстоятельство, что Garofalo, обосновывая свою научную теорію о психической аномаліи уголовного преступника, опирается на наблюденія и изображенія Достоевскаго, краснорѣчивѣе всего говоритъ о томъ, какое высокое значеніе въ научномъ отношеніи признаетъ онъ за „Записками изъ М. дома“. Изъ западной литературы о Достоевскомъ укажемъ еще на трудъ Д-ра Gaston Loogue, въ которомъ одна глава посвящена выясненію научной цѣнности творчества нашего писателя*). Авторъ опредѣляетъ значеніе произведеній Достоевскаго для психопатологіи, и поэтому его указанія на этотъ счетъ могутъ быть сравниваемы съ выводами В. Чижа, хотя, разумѣется, отличаются отъ послѣднихъ несравненно меньшей полнотой и обстоятельностью. „Произведенія Достоевскаго для психіатра—источникъ неисчерпаемаго богатства, не только благодаря своей автобіографической сторонѣ, но также потому, что оправдываютъ новѣйшія научныя открытія**“), такъ начинается Loogue свое краткое изслѣдованіе научнаго значенія творчества Достоевскаго. Подобно Чижу, Loogue говоритъ о томъ, что Достоевскій во многихъ отношеніяхъ опередилъ науку и „раскрылъ удивительныя изображенія психопатическихъ типовъ въ странѣ и въ эпоху, когда человѣчскій умъ еще не обратился къ подобнымъ изслѣдованіямъ“ „Онъ одной силой своего генія и своей интуиціи далъ въ своихъ произведеніяхъ цѣлую галерею психопатическихъ типовъ, описанныхъ съ точностью клиническихъ наблюденій***)“.

Признавая, что изученіе главныхъ типовъ душевныхъ болѣзней, обрисованныхъ писателемъ, потребовало бы цѣлый томъ, Loogue въ краткихъ чертахъ намѣчаетъ основные типы

*) Un homme de génie. Th. M. Dostojewsky. Etude médico-psychologique par le D-r Gaston Loogue. Chap. IV—p. 116—152.

***) Цит. соч.—стр. 116.

***) Ibidem—стр. 117, 118.

психопатіи въ произведеніяхъ Достоевскаго*). На первомъ мѣстѣ ставитъ онъ изображенія уголовныхъ преступниковъ и отмѣчаетъ указанныя писателемъ черты ихъ душевной жизни (Записки изъ М. дома), затѣмъ переходитъ къ романамъ „Преступленіе и наказаніе“ и „Бѣсы“; въ первомъ изъ нихъ Лоуге подвергаетъ судебно-медицинскому изслѣдованію личность Раскольникова, пользуясь обильными данными романа, во второмъ отмѣчаетъ цѣнность обрисовки Достоевскимъ различныхъ типовъ политическихъ преступниковъ. Изъ другихъ патологическихъ явленій душевной жизни, изображенныхъ у Достоевскаго, Лоуге упоминаетъ объ эпилепсіи и ея психическихъ спутникахъ (эпилептики—Нелли, Мышкинъ, Кирилловъ), о различныхъ формахъ невроза и психопатіи (Елиз. Хохлова, Лиза Дроздова—истерички; Ив. Карамазовъ, Свидригайловъ—галлюцинанты), о бредѣ и старческомъ безуміи, при чемъ всюду восхищается поразительной научной точностью описаній Достоевскаго. Какъ и Чижъ, Лоуге находитъ въ изображеніи сумашествія у Достоевскаго одно достоинство, въ значительной степени увеличивающее цѣнность этого изображенія. „Въ произведеніяхъ Достоевскаго нравственныя причины и волненія въ antecedентахъ психическихъ заболѣваній по своей важности низведены до степени случайныхъ причинъ. Самое большее мѣсто удѣлено наслѣдственности, детерминизмъ которой установила современная психіатрія. Наслѣдственная почва—это существенная причина, которую мы находимъ почти у всѣхъ больных**).“ „Всѣ эти истины“, продолжаетъ Лоуге, „были недавно пріобрѣтены наукой. Онѣ были предугаданы искусствомъ въ эпоху предшествовавшую многотруднымъ и терпѣливымъ изысканіямъ психіатровъ. Шекспиръ, Данте и Достоевскій образуютъ дивную тріаду предвѣстниковъ новѣйшихъ открытій въ этой области***).“ Можно было бы привести еще рядъ востор-

*) Ibid.—стр. 119—151.

***) Ibid.—стр. 151 и 152.

****) Замѣтимъ кстати, что В. Чижъ ставитъ Д-аго выше Шекспира въ смыслѣ отношенія къ новѣйш. открытіямъ психіатріи. Онъ пишетъ: „Даже у Шекспира лэди Макбетъ сходитъ съ ума вслѣдствіе нравственнаго потрясенія...Одинъ Д-ій избѣжалъ этой ошибки, и пониманіе имъ причины душев. болѣзней совершенно тождественно съ современнымъ ученіемъ психопатологій. („Д-ій, какъ психопатологъ“.)

женныхъ отзывовъ западныхъ ученыхъ о научныхъ достоинствахъ твореній Достоевскаго, но и цитированныхъ уже достаточно, чтобы опредѣлить высоту этой оцѣнки въ Западной литературѣ. Научный анализъ произведеній нашего писателя въ иностранной литературѣ свидѣтельствуетъ о томъ огромномъ интересѣ, который онъ вызвалъ на Западѣ разными сторонами своего таланта, и прекрасно дорисовываетъ картину богатаго и многограннаго творчества Достоевскаго.

Г Л А В А X.

Біографія Достоевскаго, его личность и міросозерцаніе.

„Талантъ Достоевскаго“, справедливо замѣчаетъ Цабель*), „самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ его судьбой, которая отняла у него цѣлое десятилѣтіе литературной дѣятельности: основную гуманную черту его романовъ, его глубокое сочувствіе бѣднымъ и несчастнымъ можно понять лишь тогда, когда знаютъ, что онъ самъ, какъ человѣкъ, пережилъ фазы угнетенія и униженія“. Дѣйствительно, трудно понять творчество Достоевскаго, если не поставитъ его въ связь съ жизнью писателя, его переживаниями и личностью. Присоединимъ еще тотъ самодовлѣющій интересъ, который связанъ съ колоритной біографіей и личностью писателя, и тогда понятно будетъ, почему жизнь Достоевскаго и его духовный обликъ приковали къ себѣ вниманіе западныхъ изслѣдователей не менѣе, чѣмъ его творчество. Всѣ почти иностранные критики его останавливаются на фактахъ біографіи, пользуясь данными книги Ор. Миллера и Страхова**), и критическіе этюды о Достоевскомъ Вогюэ, Валишевскаго, Цабеля,

*) Zabel. Liter. Streifzüge durch Russland.—стр. 62.

**) „Біографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Э. М. Даго“ Ор. Милл. и Страхова.

Arvède Barine'a и др. построены скорѣе по плану біографическихъ очерковъ, въ которые введены болѣе обстоятельный разборъ твореній писателя и оцѣнка его творчества. Воюэ въ своемъ очеркѣ остановился по преимуществу на тяжелыхъ чертахъ біографіи Достоевскаго и старается прослѣдить, какъ разныя обстоятельства жизни и тяжкія испытанія судьбы наложили неизгладимо-мрачный отпечатокъ на душевный обликъ и творчество Θεод. Михайловича. Недостатокъ біографическаго очерка Воюэ заключается въ томъ, что онъ отмѣчаетъ только внѣшнія перемѣны въ жизни Достоевскаго. и оставляетъ безъ вниманія эволюцію его душевной жизни. Этотъ же недочетъ присущъ и статьямъ Цабеля, Валишевскаго. Больше вниманія внутренней жизни Достоевскаго удѣляетъ Брандесъ. Онъ отмѣчаетъ тѣ вліянія, которымъ подчинился временно писатель въ своей юности (Бѣлинскій, Герценъ и др.), указываетъ на переломъ въ душевной жизни Θεод. Михайловича и его убѣжденіяхъ, произошедшій подъ вліяніемъ каторги. „Всякій мятежный духъ“, пишетъ Брандесъ*), „исчезъ изъ его сердца. Онъ не только видѣлъ, съ какимъ малымъ знаніемъ людей онъ въ молодости хотѣлъ реформировать міръ и какое малое значеніе имѣлъ тотъ абстрактный идеализмъ... Утративъ вѣру въ пользу и возможность политической революціи, онъ приобрѣлъ въ то же время вѣру въ нравственную революцію въ духѣ Евангелія“. Біографическія свѣдѣнія о Достоевскомъ, сообщаемыя иностранными критиками, имѣютъ цѣлью ознакомить западныхъ читателей съ жизнью великаго русскаго писателя и для насъ особаго интереса не представляютъ. Гораздо важнѣе въ этомъ отношеніи отмѣтить появленіе въ западной литературѣ труда г-жи Hoffmann, посвященнаго біографіи Достоевскаго**). Исползовавъ въ широкихъ размѣрахъ матеріалы для біографіи писателя изъ книги Ор. Миллера и Страхова, авторъ вводитъ въ свой трудъ также совершенно новый еще неопубликованный матеріалъ, что дѣлаетъ книгу г-жи Hoffmann интересной и цѣнной для русскихъ читателей и изслѣдователей Достоевскаго. Этотъ матеріалъ, главнымъ

*) Цит. оч. — стр. 7.

***) Th. M. Dostojewski. Biographische Studie von N. Hoffmann. Berlin 1899.

образомъ, состоитъ изъ актовъ и документовъ о процессѣ писателя, которые авторъ получилъ изъ архивовъ министерства внутреннихъ дѣлъ и военного министерства, а также изъ невошедшихъ въ книгу Ор. Миллера и Страхова позже появившихся писемъ вдовы писателя, Анны Григорьевны. Изъ документовъ о дѣлѣ Достоевскаго въ книгѣ г-жи Hoffmann помѣщены слѣдующіе: тайный указъ объ его арестѣ и обыскѣ, отвѣтъ о результатахъ обыска, документы объ осужденіи Достоевскаго, его помилованіи, о полномъ освобожденіи и разрѣшеніи вернуться въ Петербургъ, наконецъ защитительное письмо, написанное Достоевскимъ въ тюрьмѣ, и нѣк. др. Всѣ эти документы проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на одно изъ важнѣйшихъ событій жизни писателя, а защитительное письмо Д-аго, въ частности, способствуетъ выясненію роли его въ кружкѣ Петрашевскаго и степени его виновности. Начавъ съ характеристики жизни Россіи, т. е. той среды, въ которой выросъ талантъ Достоевскаго, г-жа Hoffmann даетъ подробную и яркую картину его жизни, попутно останавливаясь на характерныхъ чертахъ и развитіи міровоззрѣнія писателя.

Перейдемъ теперь къ встрѣчающимся въ западной литературѣ характеристикамъ личности Достоевскаго. Начиная съ весьма характерной наружности, все поражаетъ западныхъ изслѣдователей въ этомъ геніальномъ человѣкѣ. Вогюэ въ концѣ своего этюда о Достоевскомъ дѣлится съ читателями своими воспоминаніями о знакомствѣ съ Θεодоромъ Михайловичемъ и впечатлѣніями, вынесенными изъ встрѣчъ съ нимъ въ продолженіе трехъ послѣднихъ лѣтъ жизни писателя*). Критика поражаютъ въ Достоевскомъ различныя противорѣчія его натуры. „Въ этомъ человѣкѣ“, читаемъ мы у Вогюэ**), „все носило отпечатокъ его народности. Это было какое-то необъяснимое соединеніе грубости, остроумія и кротости....“ Въ другомъ мѣстѣ тотъ же критикъ пишетъ***): „Очень часто Θεодоръ Михайловичъ напоминалъ мнѣ Жанъ-Жака Руссо: тотъ же нравъ, то же соединеніе грубости и идеализма, чув-

*) R. russe. *Réligion de la souffrance*, глава V.

**) Ibidem, стр. 270.

***) Ibidem, 271.

ствительности и дикости;... та же бесконечная любовь къ челоѣчеству“. Изречь свой окончательный приговоръ относительно духовнаго облика Достоевскаго Вогюэ не рѣшается, потому что душа этого писателя—„явленіе исключительное“, и критикъ заканчиваетъ свой очеркъ слѣдующими словами: „Предоставляю это сужденіе тому, кто обладаетъ столькими же различными способами измѣренія, сколько существуетъ на свѣтѣ различныхъ сердець и жизненныхъ путей“. Приблизительно тѣми же чертами, что и Вогюэ, обрисовываютъ личность Достоевскаго Брандесъ; онъ также находитъ сильный отпечатокъ народности въ его характерѣ и также сравниваетъ его съ Руссо. Наружность Д-аго, какъ замѣчаетъ Брандесъ*), говоритъ о „силѣ кротости, которая наполняетъ его душу, о возбужденіи его почти безумнаго духа, о честолюбіи, ... зависти...“ Сходство съ Руссо Брандесъ находитъ въ „раздражительности и подозрительности Достоевскаго, въ припадкахъ низости и высокаго подъема души“. Весьма краткія характеристики Θεодора Михайловича мы встрѣчаемъ еще и въ другихъ иностранныхъ очеркахъ о немъ, полнаго же анализа его личности, основаннаго не только на временныхъ впечатлѣніяхъ отъ его образа, а на глубокомъ изученіи того богатаго автобіографическаго матеріала, который доставляетъ творчество Достоевскаго, мы не находимъ въ западной критической литературѣ. Небольшую попытку связать личность автора съ созданными имъ героями мы замѣчаемъ въ краткомъ очеркѣ д-ра Servaes(а**). Послѣдній видитъ въ душѣ Достоевскаго борьбу противоположныхъ элементовъ, которые нашли себѣ отчасти воплощеніе въ образахъ Раскольникова и князя Мышкина и примиреніе которыхъ можно найти въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“. Какъ творчество, такъ и личность Достоевскаго вызвала также на Западѣ интересъ съ чисто научной точки зрѣнія. Подтвержденіемъ тому можетъ служить появленіе во французской литературѣ вышеназваннаго труда д-ра Lougue(а***), въ которомъ авторъ рассматриваетъ личность Досто-

---

*) Цит. соч., стр. 3.

**) Die Zukunft. 12 Mai 1900. Dostojewskij—D-r Franz Servaes, стр. 256, 262.

***) См. выше стр. 110.

евскаго подь медицинскимъ угломъ зрѣнія. Сильно интересующій психіатровъ вопросъ объ отношеніяхъ генія къ аномальнымъ душевнымъ явленіямъ авторъ разсматриваетъ на превосходномъ примѣрѣ Достоевскаго, въ которомъ геніальность сочеталась съ рѣзко выраженной болѣзненной натурой. Для анализа личности писателя Лоуге привлекаетъ весьма обильный матеріаль (біографич. данныя, письма Достоевскаго, воспоминанія о немъ, автобіографическій элементъ его произведеній, мнѣнія Вогюэ, Мережковскаго, Валишевскаго и др.) и, опираясь на новыя данныя, добытыя психіатріей, дѣлаетъ опредѣленные выводы. Начинаетъ авторъ съ краткаго біографическаго очерка о Достоевскомъ, въ которомъ изслѣдуетъ наслѣдственныя вліянія въ жизни будущаго писателя, условія его жизни въ домѣ отца, воспитаніе, состояніе здоровья въ дѣтствѣ и переходитъ также къ возмужалому возрасту (его нищета, постоянная задолженность, усиленная работа, болѣзни). Къ концу I-ой главы авторъ прилагаетъ краткую схему, представляющую résumé медицинскаго изслѣдованія жизни Достоевскаго. Въ слѣдующихъ главахъ своего труда Лоуге, придерживаясь традиціонной классификаціи душевныхъ способностей, анализируетъ чувство, характеръ (волевая явленія) и умъ писателя. „Чувство“, какъ замѣчаетъ авторъ, „господствовало во всей его душевной жизни и сильно обуславливало его геній*“). Изслѣдуя различныя наклонности и проявленія чувства у Достоевскаго, Лоуге приходитъ къ заключенію, что писатель былъ близокъ къ сумасшествію и только геній его и нѣкоторыя условія его жизни (ссылка и усиленный трудъ) предохраняли Достоевскаго отъ угрожавшей ему опасности**). Въ характерѣ***) Феодора Михайловича авторъ замѣчаетъ цѣлый рядъ болѣзненныхъ явленій: слабость воли, эгоизмъ, мизонеизмъ, слабый соціальныи инстинктъ и др. Причиной всѣхъ этихъ патологическихъ явленій D-г считаетъ эпилепсію, которой страдалъ Достоевскій. Среди чертъ характера писателя авторъ находитъ одну, которая не объясняется

*) Цит. соч.—стр. 35.

**) Ibidem, стр. 76, 77.

***) Ibidem, глава III.

болѣзнью—это желаніе работать, любовь къ труду. Отмѣчая въ характерѣ Достоевскаго „дуализмъ эпилепсіи и гения“, Лоуге снова приходитъ къ заключенію, что гений спасъ писателя отъ послѣдствій эпилепсіи: преступленія (Смердяковъ), самоубійства (Кирилловъ) и безумія (кн. Мышкинъ)*). Перейдя къ разсмотрѣнію умственной дѣятельности Θεод. Михайловича, Лоуге анализируетъ свойства его памяти, воображенія, вниманія, наблюдательной и разсудочной способностей и для полноты сужденій объ умѣ писателя даетъ краткую научную оцѣнку его творчества**). Въ заключеніи авторъ изслѣдованія подробнѣе останавливается на отношеніяхъ между гениемъ и болѣзнью и изъ разныхъ научныхъ теорій выбираетъ наиболѣе вѣрную, на его взглядъ, теорію Баженова и Lacassagne'я, согласно которой гений—не вырожденіе, а „типъ будущаго“, болѣзнь же является результатомъ частой неприспособленности организма къ новымъ условіямъ духовной жизни гениа. Въ примѣненіи къ Достоевскому эта теорія, по мнѣнію Лоуге'а, находитъ себѣ полное подтвержденіе. Что гений не есть болѣзнь, доказываетъ „дуализмъ эпилепсіи и гениа“ въ Достоевскомъ: „эпилепсія группируетъ вокругъ себя болѣзненные явленія...; гению же, который служилъ какъ бы защитой, обязаны его сочиненія своей огромной цѣнностью...“***).

Помимо тѣхъ интересныхъ выводовъ о природѣ гениа, къ которымъ приводитъ д-ра Лоуге'а медико-психологическій анализъ личности Достоевскаго, въ научномъ освѣщеніи рельефно выступаютъ многія интересныя черты душевной организациі писателя, и это придаетъ труду французскаго ученаго большую цѣнность. Остается теперь еще разсмотрѣть, въ какомъ положеніи находится въ западной литературѣ вопросъ о міросозерцаніи Достоевскаго. Оставивъ въ сторонѣ относящіяся къ данному вопросу краткія замѣчанія, разсѣянные въ иностранныхъ очеркахъ о Достоевскомъ, обратимся только къ тѣмъ западнымъ критикамъ и изслѣдователямъ, которые удѣлили обсужденію міросозерцанія пи-

*) Ibidem, стр. 104.

***) Ibid. Chapitre IV.

***) Ibidem—стр. 179.

сателя сравнительно большее вниманіе. Изъ нихъ укажемъ, во-первыхъ, на Валишевскаго. Онъ старается, главнымъ образомъ, установить отношеніе писателя къ современнымъ ему общественнымъ теченіямъ. „Со времени своего возвращенія изъ Сибири“, пишетъ Валишевскій, „авторъ „Записокъ изъ М. дома“ былъ причисленъ то къ консерваторамъ, то къ славянофиламъ. Въ дѣйствительности, онъ отдѣлялся отъ первыхъ своими демократическими стремленіями, а отъ другихъ отсутствіемъ всякаго идеалистическаго предубѣжденія“*). Критикъ далѣе переходитъ къ вѣрѣ Достоевскаго въ русскій народъ и его мессіанской идеѣ о великомъ назначеніи Россіи. „Д-ій не старался видѣть русскаго человѣка въ красотѣ; онъ его любилъ.... за его душу, которую считалъ способной къ совершенствованію, способной особенно на прощеніе, какъ и на раскаяніе, и поднимающейся до той нравственной высоты, которой не можетъ достигнуть матеріальная грязь бытія“. Въ „Пушкинской рѣчи“ Достоевскаго Валишевскій отмѣчаетъ двѣ главныя идеи писателя: призваніе русскаго народа осуществить на землѣ „Царство Божіе“ и, во-вторыхъ, мысль Достоевскаго (представляющую одинъ изъ пунктовъ, въ которыхъ онъ расходился съ славянофилами) о способности русскаго національнаго гения къ усвоенію иностранной культуры, благодаря которой русскому народу удастся осуществить типъ „всечеловѣка“**). Валишевскій возвращается снова къ социальнымъ взглядамъ писателя и отмѣчаетъ въ развитіи ихъ 2 періода, рѣзко отдѣленныхъ другъ отъ друга***): первый, до 1865 г.—„періодъ прогрессивный и аналитическій въ общемъ смыслѣ умственнаго движенія 40-хъ годовъ“; второй—„послѣ 1865 г. періодъ отступленія и агрессивной полемики противъ этого же движенія“. Вмѣстѣ съ славянофилами „Д-ій искалъ обновленія русскаго человѣка національными путями, но ушелъ отъ нихъ, ища элементы этого обновленія не въ традиціяхъ прошлаго, не

*) Валишев.—стр. 351.

**) Ibid., стр. 352.

***) Ibid., стр. 354.

во внѣшнихъ формахъ существованія, не въ нравахъ, обычаяхъ, одеждахъ, а въ національной душѣ...“ Валишевскій отмѣчаетъ сходство и различіе въ нѣкоторыхъ пунктахъ міровоззрѣнія между Достоевскимъ и Толстымъ*). Сближаетъ ихъ, по мнѣнію критика, „отрицаніе западной культуры, какъ единственнаго начала, которое должно стоять во главѣ развитія національной культуры, и призывъ къ вѣрѣ народныхъ массъ, какъ къ необходимому дополненію этого развитія. Въ этомъ направленіи Толстой пришелъ къ евангельской теоріи непротивленія злу, а Достоевскій къ евангельской теоріи искупленія и возвышенія при помощи страданія“. Различіе между обоими писателями въ ихъ теоріи нравственнаго совершенствованія Валишевскій видитъ въ томъ, что „Толстой—индивидуалистъ, для котораго совершенствованіе внутренняго „я“—послѣдняя цѣль, Достоевскій же, по существу своему,—коммунистъ. Свобода и совершенствованіе индивидуальныя имѣють для него мало значенія; онъ склоненъ ихъ принести въ жертву на алтарь того человѣческаго идеала, осуществленіе котораго кажется ему предназначеннымъ избранной націи Россіи...“***) Нужно отдать справедливость Валишевскому: онъ отмѣчаетъ наиболѣе интересныя и существенныя черты міровоззрѣнія Достоевскаго, но совершенно обходитъ молчаніемъ религіозный элементъ его и, вообще, центръ тяжести переноситъ на общественные взгляды писателя. То же мы замѣчаемъ и у другихъ иностранныхъ авторовъ, которыхъ больше всего останавливаютъ взгляды Достоевскаго на русскій народъ, его назначеніе, на жизнь Западной Европы и т. п.

Такъ, на примѣръ, D-g Servaes въ своей характеристикѣ Достоевскаго и его воззрѣній***) отмѣчаетъ почти только мнѣніе писателя о высокихъ достоинствахъ души русскаго народа и его всемірно-исторической миссіи; то же можно замѣтить и у Брандеса****) и др. Недостатокъ вниманія въ западной литературѣ къ идейной сторонѣ творчества писателя

*) Ibid., стр. 355.

**) Валиш. стр. 355.

***) Die Zukunft. 12 Mai 1900—стр. 259.

****) Цит. оч.—стр. 26.

отразился въ недочетахъ характеристики его міросозерцанія. Религіозно-нравственный элементъ, который, какъ показали многіе русскіе изслѣдователи Достоевскаго (Мережковскій*), В. Соловьевъ**), Волжскій***) и др.), игралъ выдающуюся роль въ міровоззрѣніи писателя и сообщалъ ему внутреннюю цѣльность, почти совершенно оставленъ безъ вниманія въ иностранной литературѣ. Между тѣмъ очень трудно понять общественное-политическое сredo Θεодора Михайловича, если не разсматривать его въ связи съ религіозно-нравственными взглядами писателя.

Нѣмецкой литературѣ принадлежитъ еще спеціальное изслѣдованіе извѣстнаго ученаго Р. Зайчика, посвященное выясненію міросозерцанія Достоевскаго („Die Weltanschauung *Dostojewski's* und *Tolstoj's*“). Параллельно характеризуя личность Θεодора Михайловича и его творчество, авторъ въ связи съ ними изслѣдуетъ главные пункты міровоззрѣнія писателя. Начинаетъ онъ со взглядовъ Достоевскаго на міръ и человѣческую жизнь. Въ отношеніяхъ своихъ къ внѣшнему міру Достоевскій является, на взглядъ Зайчика, индивидуалистомъ. „Эта гениальная натура“, пишетъ авторъ****), „заключала въ себѣ всѣ данныя для индивидуалистическаго міросозерцанія. Онъ былъ Достоевскимъ, и міръ былъ міромъ: послѣдній отражался въ немъ, въ его сознаніи“. „Достоевскій“, продолжаетъ Зайчикъ*****), „ничего не понимаетъ изъ того, что имѣетъ отношеніе къ чувственной красотѣ и гармоніи. Интенсивныя страданія сдѣлали его нечувствительнымъ ко всему гармоническому, и онъ ничего не слышитъ въ мірѣ, кромѣ страданія“. Прекрасно выясняетъ авторъ отношеніе Достоевскаго къ страданію и человѣческой жизни. „Онъ знаетъ“, говоритъ Зайчикъ*****), „что страданіе имманентно жизни, что зло до извѣстной степени должно быть

*) „Л. Толстой и Достоевскій“—т. II.

**) „Три рѣчи о Д-мъ“ В. Солов.

***) „Рел.-нр. пробл. у Д-аго“ Мир. Бож. 1905, № 5; „Θеод. Мих. Дост-ій. жизнь и проповѣдь“ М. 1906 г.

****) Цит. соч., стр. 4.

*****) Ibidem, стр. 5.

*****) Ibid.—стр. 5 и 6.

разсматриваемо, какъ важное условіе жизни. Для Достоевскаго жизнь, разсматриваемая въ ея проявленіяхъ,—большое зло, злая необходимость. Ни разумъ, ни наука не въ состояніи объяснить эту необходимость..... Для него страданіе тѣснѣйшимъ образомъ связано съ желаніемъ жизни..... но Достоевскій любитъ страданіе и поэтому онъ любитъ жизнь. Желаніе жизни есть желаніе страданія...“ Какъ выясняетъ ученый, взгляды Достоевскаго на человѣческую жизнь въ ея отношеніи къ міровой слѣдующій*): „Наша жизнь—короткая стадія въ развитіи безконечнаго сознанія; чѣмъ больше мы сознаемъ эту стадію, тѣмъ больше мы принимаемъ участія въ безконечномъ и абсолютномъ; послѣднее однако не есть награда за хорошія въ моральномъ отношеніи дѣйствія въ мірѣ конечнаго; подобное религіозное пониманіе отношеній между добромъ и зломъ чуждо Достоевскому, потому что онъ самый религіозный атеистъ въ мірѣ: онъ не знаетъ понятія „Богъ“, какъ самостоятельной сущности, онъ не знаетъ также мраморно-спокойной, математически-холодной вѣчности...“ Характеризуя далѣе взгляды Достоевскаго на сознательную и безсознательную душевную жизнь, на свободу воли**), т. е. отношеніе его къ извѣстнымъ философскимъ вопросамъ, Зайчикъ переходитъ постепенно къ общественнымъ взглядамъ Θεод. Мих., отношенію его къ русскому народу, къ интеллигенціи, къ Западу и его цивилизаціи, однимъ словомъ, къ той части его міросозерцанія, которую Достоевскій выразилъ во время своей журнальной дѣятельности и публицистическихъ выступленій. Отмѣчая страстное стремленіе Θεодора Михайловича къ „правдѣ“ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, его пламенную вѣру въ великое будущее Россіи, Зайчикъ характеризуетъ идеаль равенства людей, созданный Достоевскимъ***). „Проникнутый соціальными чувствами, онъ не замѣчаетъ, что существуетъ цѣлый міръ экономическихъ явленій, съ которыми нужно считаться.... Разсматривая свободу, равенство и братство, какъ иде-

*) Ibid.—стр. 6.

**) Ibid.—стр. 11 и 12.

***) Ibid.—стр. 29, 30, 31.

алы политической и соціальной жизни, онъ перенесъ ихъ въ область духа, въ области же матеріи онъ не былъ въ состояніи ихъ воплотить, такъ какъ законы матеріи ему совершенно чужды“. Въ послѣдней главѣ своего изслѣдованія, Зайчикъ выясняетъ историческіе взгляды писателя. „Мистическая натура Достоевскаго“, пишетъ авторъ*), „привела его къ мистическому пониманію исторіи человѣчества“. Зайчикъ подвергаетъ довольно обстоятельной критикѣ историческіе взгляды Θεодора Михайловича, онъ отмѣчаетъ въ нихъ полное игнорированіе матеріальныхъ, экономическихъ законовъ исторіи, вѣру Достоевскаго въ осуществленіе каждымъ народомъ опредѣленной миссіи въ своей исторической жизни и назначеніе русскаго народа возвѣстить міру „новое слово“. Причисляя Достоевскаго къ „приверженцамъ исторической мистики“, Зайчикъ послѣдовательно подчеркиваетъ недочеты и противорѣчія въ пониманіи писателемъ хода исторической жизни человѣчества и, въ частности, жизни Россіи и ея политическихъ условій; онъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе словами: „Достоевскій—политическій Донъ-Кихоть, политическій фантастъ“. Книга Зайчика представляетъ собою наиболѣе полное изслѣдованіе міросозерцанія нашего писателя въ западной литературѣ; она отличается глубиной проникновенія въ душевный міръ Достоевскаго и пріобрѣтаетъ также большую цѣнность для русскихъ читателей въ силу того, что авторъ даетъ (особенно въ первыхъ 2-хъ главахъ) философское освѣщеніе міросозерцанію писателя и, какъ бы въ дополненіе къ русскимъ изслѣдованіямъ, выдвигающимъ на первый планъ религіозную сторону воззрѣній Достоевскаго, знакомить съ его философской концепціей міра, человѣческой жизни и исторіи.

---

*) Ibid.—стр. 32.

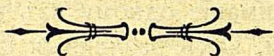
Заключеніе.

Главой о личности и жизни Достоевскаго мы закончимъ наше разсмотрѣніе западной литературы, посвященной ему. Подводимъ итоги изслѣдованію. Западъ, лишь сравнительно недавно принявшійся за изученіе расцвѣтшей русской литературы въ лицѣ ея главныхъ представителей, удѣлилъ довольно значительное вниманіе одному изъ выдающихся русскихъ геніевъ. Мы видѣли, какъ различныя стороны таланта Д-аго вызвали въ иностранной литературѣ болѣе или менѣе подробное обсужденіе. Въ разныхъ мѣстахъ нашей работы мы старались указать на замѣчаемые въ западной критикѣ о Д-мъ недочеты, которые можно объяснить недостаточнымъ пониманіемъ русской жизни, природы и характерныхъ свойствъ русскаго генія; тѣмъ не менѣе необходимо признать довольно значительную цѣнность за иностранными изслѣдованіями творчества и жизни нашего писателя. Новое освѣщеніе дополняетъ обрисовку генія, и даже разногласія съ русской критикой весьма цѣнны, ибо въ борьбѣ вкусовъ, точекъ зрѣнія, взглядовъ рождается истина. Тотъ вкладъ, который сдѣлала западная литература въ дѣло изученія Достоевскаго, объясняется увлеченіемъ Запада творчествомъ великаго таланта и личностью, оригинальной даже среди геніевъ. Это увлеченіе нашимъ писателемъ за-границей дало уже значительные практическіе результаты, и сами западные критики все болѣе и болѣе начинаютъ указывать на вліянія Достоевскаго, замѣчаемая въ европейскихъ литературахъ (по преимуществу французской и нѣмецкой). Такъ, на примѣръ, Порицкій пишетъ*): „Въ Германіи безчисленны нынѣ живущіе писатели, которые подверглись вліянію Достоевскаго и съ большей или меньшей удачей слѣдуютъ и слѣдовали за нимъ. Двое изъ важнѣйшихъ представителей новѣйшаго литературнаго тече-

---

*) Выше цит. очеркъ— стр. 79.

нія въ Германіи, оба—пессимисты, Ницше и Гауптманъ, имѣ-
ють свои корни въ Достоевскомъ.....“ Все это показываетъ,
что интересъ къ Достоевскому на Западѣ и увлеченіе имъ
не есть явленіе временное, скоропреходящее, и даетъ осно-
ваніе полагать, что иностранная критика будетъ продолжать
вносить свою лепту въ дѣло всесторонняго изученія русскаго
генія, все болѣе и болѣе приобрѣтающаго міровое значеніе.

Списокъ источниковъ работы:

Книги:

- 1) „Le roman russe“ par V-te E. M. de *Vogué*. Paris.
- 2) Histoire de la littérature contemporaine en Russie par C. *Courrière*. Paris 1875.
- 3) Littérature russe par K. *Waliszewski*. Paris 1900.
- 4) La littérature russe par Louis *Leger*. Paris 1892.
- 5) Les criminels dans l'art et la littérature, par Enrico *Ferri*. Traduit de l'italien. Paris 1897.
- 6) La criminologie, par R. *Garofalo*. Traduit de l'italien. Paris 1888.
- 7) Th. M. Dostojewsky. Etude médico-psychologique par le D-r Gaston *Loygue*.
- 8) Th. M. Dostojewsky. Eine biographische Studie von N. *Hoffmann*. Berlin 1899.
- 9) Geschichte der russisch. Litteratur, von Alex. von *Reinholdt*. Leipzig 1900.
- 10) Russische Litteraturbilder. Von Eugen *Zabel*. Berlin 1899.
- 11) Literarische Streifzüge durch Russland. *Zabel*. Berlin 1885.
- 12) Die Weltanschauung Dostojewski's und Tolstoj's von R. *Saitschik*. 1893.
- 13) Heine, Dostojewski, Gor'kij von D-r *Poritzky*. Leipzig 1902.
- 14) О. Достоевскій. Перев. съ Etudes de crit. scientif. *Генне-кена*. Од. 1893 г.
- 15) Фр. *Ницше*. Собр. соч. т. VI изд. Клюкина. Сумерки ку-мировъ.

Журн. статьи:

- 1) Un grand romancier—Dostojewsky, par Arvède *Barine*. Re-
vue Bleue. 27 Déc. 1884.
- 2) La littérature européenne au XIX siècle, par Ferdin. *Brune-
tière*. Revue des Deux Mondes. 1-er Déc. 1899.
- 3) Feod. Michail. Dostojewski. Von Wilhelm *Henckel*. Das Ma-
gaz. für die Liter. des In-und Auslandes. 4 Febr. 1882.
- 4) Dostojewsky's Roman „Raskolnikow“. Von G. *Rollard*. *ibid*.
20 Mai 1882.

- 5) Dostojewski. Ein Essay von Georg *Brandes*. Deutsche literarische Volkshefte № 3. Berl. 1889 г.
- 6) Dostojewskij—von D-r *Servaes*. Die Zukunft. 12 Mai 1900.
- 7) La notion du péché dans la littér. russe. Par M. Jean *Honcey*. Revue Bleue. 24 Mai 1890.
- 8) L'ascétisme philanthrop. dans la littér. russe. Par M. Jean *Honcey*. ib. 4 Oct. 1890.

и др. мелкія статьи.

Оглавленіе.

	Стр.
Введеніе. Русская литература на Западѣ.	7
Глава I. Извѣстность Достоевскаго на Западѣ и иностранная литература о немъ	14
Глава II. Достоевскій, какъ художникъ—реалистъ, въ оцѣнкѣ иностранной критики	17
Глава III. Гуманизмъ Достоевскаго	25
Глава IV. Достоевскій, какъ психологъ и психопатологъ, подѣ судомъ западной критики	34
Глава V. Предметъ изображенія и характеръ произведеній Достоевскаго	39
Глава VI. Художественный анализъ произведеній Достоевскаго въ западной литературѣ	48
Глава VII. Идейная сторона творчества Достоевскаго	69
Глава VIII. Литературныя вліянія, которымъ подвергся Достоевскій	98
Глава IX. Научная оцѣнка творчества Достоевскаго въ иностранной литературѣ	104
Глава X. Біографія Достоевскаго, его личность и міросозерцаніе	112
Заключеніе	123
Списокъ источниковъ работы	125

Цѣна 75 коп.

